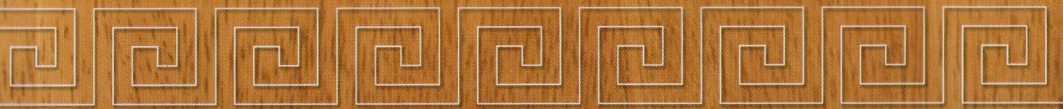

Сергей Соболевский

**ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК
БИБЛЕЙСКИХ
ТЕКСТОВ**

Κοινή

С.И. СОБОЛЕВСКИЙ

Греческий язык библейских текстов Κοινὴ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО ПОДВОЛЬА
СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГНЕВОЙ ЛАВРЫ

МОСКВА • 2013

УДК 811.14'03
ББК 86.372
С54

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви*

Научный консультант — *М. Н. Славятинская*
Редактор-составитель — *И. А. Шефф*

Соболевский С. А.

С54 Греческий язык библейских текстов. Κοινή. — М.: Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2013. — 176 с.

ISBN 978-5-7789-0280-0

Сергей Иванович Соболевский — крупнейший знаток древнегреческого и латинского языков и едва ли не главный авторитет в области их грамматики. В данном издании мы предлагаем читателю его публикацию о языке Нового Завета. Наряду с работами Н. Н. Глубоковского и А. И. Лопухина, статья «Κοινή. “Общий” греческий язык (по связи с библейским)» стала основным трудом по языку Священного Писания в дореволюционной России, по праву считаясь одной из основополагающих работ по данному вопросу в наши дни.

**ББК 86.372
ИС 13-303-0206**

ISBN 978-5-7789-0280-0

© Московское Подворье
Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры, 2013
© Шефф И. А., составление, 2013

От редактора

Сергей Иванович Соболевский — крупнейший в России знаток древнегреческого и латинского языков и едва ли не главный авторитет в области их грамматики.

Он родился 13 августа 1864 года в Москве, в семье адвоката. Окончив гимназию в 1882 году, поступил на историко-филологический факультет Московского университета. С этого времени жизнь и научная деятельность Соболевского были связаны с Московским Университетом. Окончив обучение в 1886 году и получив золотую медаль за работу «Употребление времен и наклонений в греческом языке сравнительно с употреблением их в латинском и в русском», он был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Одновременно Соболевский был учителем древнегреческого языка в двух московских гимназиях, что позволило ему приобрести большой педагогический опыт. В 1888 году он защитил магистерскую диссертацию на латинском языке («*De praepositionum usu Aristophaneo*»), а в 1891 году состоялась защита докторской диссертации («*Syntaxis Aristophaneae capita selecta: De sententiarum condicionalium temporalium relativarum formis et usu*»). Вскоре Соболевский стал экстраординарным

профессором Московского Университета, а уже в 1896 году — ординарным. В мае 1915 года Сергею Ивановичу было присвоено звание Заслуженного профессора науки, а в 1928 году он был избран членом-корреспондентом АН СССР по отделению гуманитарных наук.

В наиболее трудные годы для филологии в целом и для классической филологии особенно, с 1921 по 1934, Соболевский продолжал свою активную научную работу, хотя и за пределами упраздненного тогда филологического факультета. С осени 1922 года по 1931 год он являлся действительным членом Научно-исследовательского института языка и литературы, в 1924–1928 годах Соболевский вел занятия по древним языкам в литературной студии при Всероссийском союзе поэтов и на Московских курсах профессионального образования.

Осенью 1934 г. Сергей Иванович вернулся на кафедру классической филологии в должности профессора Московского института философии, литературы и истории (ИФЛИ) по обоим древним языкам, став вместе с Михаилом Михайловичем Покровским одним из создателей кафедры в ее реорганизованном виде. Преподавательской работы в ИФЛИ С.И. Соболевский не прекращал даже в начале войны. С 1934 по 1941 гг. он был профессором исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. С осени 1937 г. С.И. Соболевский работал в Институте мировой литературы им. М. Горького, где с 1948 г. заведовал сектором античной литературы. В январе 1942 г. он вновь стал профессором кафедры классической филологии Московского университета. Одновременно он состоял профессором древних языков в Московском городском педагогическом институте (с осени 1941 до 1951 г.), а в мае 1944 г. был назначен старшим научным сотрудником сектора классической филологии при Институте языка и мышления им. П.И. Марра; С.И. Соболевский работал также в Государственной академии художествен-

ных наук (ГАХН) вплоть до упразднения этого научного учреждения.

Своими трудами, посвященными греческому и латинскому языкам, Соболевский внес важнейший вклад в развитие классической филологии. Языку Аристофана посвящены обе его диссертации. К юбилею комедиографа С.И. Соболевский написал книгу об Аристофане (Аристофан и его время. М., 1957; переизд. 2001). Редкое сочетание научной тщательности, переводческого мастерства и педагогической интуиции характеризует издания речей Лисия и сократических сочинений Ксенофонта.

Существенными для науки стали и работы в области греческой палеографии и текстологии. В соавторстве с петербургским (позднее — ленинградским) профессором Григорием Филимоновичем Церетели (1870–1939) он издал сборник образцов греческого минускульного письма.

В связи с восстановлением преподавания классических языков (прежде всего — латыни) в школе, а также в МГУ, Соболевский был занят написанием новых пособий и учебников. В 1938 году С.И. Соболевский издал «Грамматику латинского языка», в 1938 и 1947 гг. — «Хрестоматию для переводов с латинского языка на русский», в 1953 — новый «Учебник латинского языка», а в 1948 — «Древнегреческий язык. Учебник для высших учебных заведений».

В 1954 г. вышло издание комедии Теренция «Адельфы» с русским переводом Алексея Владимировича Артюшкова под редакцией М.М. Покровского, введение и комментарии к которому написаны С.И. Соболевским. Ученый планировал издать таким же образом комедию Аристофана «Плутос», но не довел работу до конца. Не была доведена до издания и его «Пространная грамматика древнегреческого языка».

В этом издании мы предлагаем читателю статью Соболевского о языке Нового Завета. Наряду с работами Н.Н. Глубоковского и А.П. Лопухина, статья «Κοινὴ. "Общий" греческий язык

(по связи с библейским)» стала основным трудом по языку Священного Писания в дореволюционной России, по праву считаясь одной из основополагающих работ по данному вопросу и в наши дни.

Статья была опубликована в 1908 году в Православной богословской энциклопедии (IX том). Необходимость в переиздании была обусловлена ее несомненной ценностью как для изучающих язык Нового Завета, так и для исследователей истории классической филологии, а также актуальностью подобных исследований в свете возрождения традиций новозаветной текстологии.

Оригинальный текст С.И. Соболевского сохранен полностью, была проведена лишь минимальная редактура: заменены несколько терминов, которые в настоящее время приобрели в науке другое значение (так термин «этимология» заменен на «морфология», «неопределенное наклонение» на «неопределенная форма», «аттический язык» на «аттический диалект»). Некоторые устаревшие грамматические обозначения сохранены, но уточнены современными терминами, которые даются в скобках («средний [медиа́льный] залог»). Текст приведен к нормам современной орфографии. Что касается самого текста Священного Писания, то необходимо учитывать, что в определенных случаях Соболевский был вынужден использовать собственный, буквальный, а не канонический синодальный перевод, с целью более точно отразить особенности древнегреческого текста.

Примечания в тексте принадлежат редактору-составителю данного издания (ред.-сост.), редактору Православной Богословской энциклопедии Н.Н. Глубоковскому (Н.Н.Г.) или С.И. Соболевскому (без специального обозначения).

При работе над изданием были использованы материалы Фонда 695 и Фонда 411 (Опись 4А, дело 177) Архива Российской Академии наук.

Инна Шефф

«Общий» греческий язык (по связи с библейским)

Сергей Иванович Соболевский

Глава I. Κοινή

Под названием κοινή¹ разумеется греческий язык в известную эпоху своего развития — в эпоху, когда сделан был перевод LXX [толковников] и написаны книги Нового Завета. Чтобы составить себе правильное понятие об этом периоде языка, необходимо проследить историю греческого языка с более раннего времени.

Происхождение κοινή

С незапамятных времен греческий язык делился на наречия (διᾱλέκτοι). Древние сами различали их четыре: аттическое, ионическое, дорическое, эолическое. Новые лингвисты находят это деление неудовлетворительным в научном отношении и предлагают другую группировку наречий; например, известный немецкий ученый К. Brugmann делит их на 7 групп: ионическо-аттическую, дорическую, северо-западную, северо-восточную или эолическую, элидскую, аркадийскую и кипрскую, памфилийскую. Наречия в свою очередь подразделялись на говоры (μεταπτώσεις, ὑποδιαίρεσεις толикаὶ κατὰ πόλεις, κατὰ ἔθνη). С течением времени границы между отдельными наречиями

¹ В своей статье «Новейшие изучения древнегреческой литературы и жизни» проф. С. П. Шестаков передает название κοινή διᾱλέκτος словами «общегреческий язык» (см. «Ученые записки Импер. Казанского Университета» за октябрь 1904), а академик Ф. Е. Корш (с. 92) выражает его терминами «общее наречие» — Н. Н. Г

стираются, и одно переходит в другое так, что прежнее их распределение становится все менее применимым. В конце концов старые наречия постепенно совсем исчезают, и на их место появляется один «общий» язык (κοινὴ), на котором говорят во всех странах, куда проникает греческое влияние. Только с этих пор и может быть речь о едином греческом языке; раньше этого существовали лишь отдельные наречия. Начало и постепенное развитие этого процесса темно вследствие недостаточности фактических данных. Судить о нем можно только на основании более или менее вероятных предположений.

Начало этого процесса надо искать еще в V веке до Р.Х. Победа афинян над персами при Микале в 479 г. привела к заключению союза между афинянами и ионянами; Афины становятся постепенно значительным торговым центром внутри этого большого союза. Следствие этого общения было двоякое: как афиняне принимали в свой язык чуждые ему элементы от других племен, так и эти последние заимствовали аттические элементы в свои наречия. Афины имели с самого начала материальное превосходство в этом круге, но вскоре получили и духовное; а это дало преимущество и аттическому наречию. Участие союзников в афинской военной службе, привлечение их к афинскому суду приводило ионян в очень близкое и продолжительное соприкосновение с господствующим народом; еще более, пожалуй, этому способствовали помещение афинских гарнизонов в союзных городах и основание афинских колоний в областях союзников. Последние годы V века должны были особенно сильно отразиться на диалектном составе греческого языка, так как с ними совпадают два великие факта в истории Греции: Пелопоннесская война и возвышение афинской образованности на степень общегреческой. Передвижения значительных масс войска от Лакедемона до Фракии и многочисленные политические перевороты в разных городах Греции, сопровождавшиеся изгнанием побежденных на чужбину, не могли остаться без влияния на сближение племен, а сле-

довательно, и наречий между собой. Что касается духовного преобладания Афин, то достаточно припомнить, что их наречие сделалось литературным языком всех греков, из чего мы можем далее вывести необходимое заключение, что всякий грек, желавший казаться образованным, ломал свою родную речь на аттический лад. О распространенности аттического наречия среди образованных людей других полисов Греции можно судить, например, по следующим фактам. Знаменитые софисты Протагор, Продик, Горгий, Гиппий были не афиняне и тем не менее излагали свое учение в Афинах на аттическом наречии. Знаменитый трагик Эсхил, живший некоторое время при дворе сиракузского царя Гиерона, ставил там на сцене и свои драмы, между прочим, «Персов», и, по словам его биографа, эта трагедия доставила ему большую славу: следовательно, и в дорическом городе Сиракузах были люди, вполне понимавшие аттическое наречие. Еврипид поставил на сцене одну из своих трагедий, «Андромаху», не в Афинах, а, по-видимому, в дорическом городе Аргосе. Последние годы жизни Еврипид провел при дворе македонского царя Архелая и тоже ставил там на сцене свои трагедии: стало быть, и в Македонии, если не простой народ, то, по крайней мере, двор и знать могли понимать его произведения. О том же Еврипиде есть рассказ у Плутарха («Биография Никия», гл. 29), что некоторые из афинян, попавшие в плен после поражения афинского войска в Сицилии в 413 г., спасли себе жизнь благодаря своему знанию произведений Еврипида: одни были отпущены на волю своими господами за то, что научили их тем отрывкам из его трагедий, какие они помнили наизусть; другие во время своих скитаний по острову после сражения получали пищу и воду от жителей за то, что пели им песни из его трагедий. Все это показывает, как распространено было знание аттического наречия среди греков V века. К концу V века аттический диалект становится уже общегреческим письменным языком и постепенно почти совсем вытесняет другие диалекты из прозаической литературы. Хотя письменный язык сам по себе

представляет с лингвистической точки зрения мало интереса, тем не менее значение его для истории языка вообще не подлежит сомнению, так как по мере распространения образованности он все более проникает в народ и таким образом до некоторой степени объединяет наречия. А в классическую эпоху каждый был более или менее знаком с главными наречиями, потому что еще ребенком изучал в школе произведения древних поэтов.

Определить, насколько было распространено аттическое наречие в низших, необразованных слоях населения других племен, мы не можем за неимением фактических данных; можем это только предполагать у афинских союзников ионян на основании приведенных выше (с. 10–11) соображений.

Однако и аттическое наречие само не избегло обратного воздействия со стороны других диалектов, как вследствие торговых и политических сношений афинян с другими племенами Греции, так и вследствие пребывания в Афинах множества иностранцев: «метеков» (μέτοικοι), т. е. свободных людей, постоянно живших в Афинах, по происхождению бывших отчасти греками, отчасти варварами; торговцев, приезжавших в Афины на время из разных стран; рабов, огромное большинство которых было из варваров. Число этих иностранцев, которые едва ли могли говорить по-аттически вполне чисто, было в Афинах значительно больше числа самих афинских граждан. Неизвестный автор V века, написавший сочинение «О государстве афинян», ошибочно приписываемое Ксенофону, делает замечание, свидетельствующее о примеси посторонних элементов к аттическому языку [диалекту] (II, 8): φωνὴν πᾶσαν ἀκούοντες ἐξελέξαντο τοῦτο μὲν ἐκ τῆς, τοῦτο δὲ ἐκ τῆς καὶ οἱ μὲν (ἄλλοι) Ἕλληνες ἰδίᾳ μᾶλλον καὶ φωνῇ καὶ διαίτῃ καὶ σχήματι χρῶνται, Ἀθηναῖοι δὲ κεκραμένη ἐξ ἀπάντων τῶν Ἑλλήνων καὶ βαρβάρων, т. е. «афиняне, слыша всякие языки, взяли себе одно слово из одного языка, другое — из другого; другие эллины лучше сохранили свой язык, свой образ жизни, свою одежду, а у афинян язык представляет смесь из языков всех эллинов и варваров».

Таким образом, уже V век носит в себе задатки смешения наречий между собой вследствие их взаимодействия.

В IV веке влияние Афин на духовную жизнь греков еще усилилось, а политические события вызывали еще более тесные и частые сношения между греческими племенами; переселения сторонников побежденных партий и передвижения войск не только продолжались, но в способе ведения войны явилось изменение, в высшей степени благоприятное взаимодействию наречий; это — наемные войска, набиравшиеся из разноязычных искателей приключений. Таков был, например, греческий отряд в войске Кира Младшего, прославившийся своим отступлением под предводительством Ксенофонта: во главе этих наемников стоял спартаец; из подчиненных ему военачальников один был фессалиец, другой — аркадянин, третий — афинянин и т. д.; низшие чины представляли собой, конечно, не менее пеструю смесь племен. В какой мере такое постоянное общение разноплеменных греков, — да еще при частых переходах из одной области в другую, — должно было отражаться на языке каждого из них, можно судить по афинянину Ксенофону: хотя он и прозван «аттической пчелой», однако уклонений от аттической речи у него много, особенно в синтаксисе и в выборе слов. Ксенофонт был человек высокообразованный и относился к словесному выражению своих мыслей вполне сознательно; сверх того, его родным наречием была именно та форма языка, которой старались подражать все грамотные греки; и тем не менее наемническая служба и сопряженные с ней скитания наложили свою печать на его речь; как же должно было сказываться влияние такого образа жизни на язык менее развитых его товарищей по ремеслу?

Но все-таки в V и IV веках, насколько мы можем судить по аттическим надписям и литературным памятникам, влияние греческих диалектов и варварских языков на аттическое наречие было еще невелико и выражалось лишь присутствием в аттическом языке некоторых чуждых ему слов, например, дорических военных терминов *λοχαγός*, *ξεναγός*, *οὐραγός*, ионических, например,

πουλύπους (название рыбы), варварских, например, ὀρραβών «задаток» (зalog, слав. «обручение»). Поэтому заметка того неизвестного автора, будто аттическое наречие представляет собой какую-то смесь из всех языков [диалектов], вероятно, сильно грешит против истины: до времени Александра Македонского и даже до самого конца IV века афинский народ все-таки сохранял, по крайней мере в Аттике, родной язык в значительной чистоте.

С половины IV века в судьбы Греции вмешивается новый деятель — Македония. Под знаменами Александра Македонского все полисы Эллады соединились во имя одного общего дела. Благодаря ему и его преемникам эллинизм разносится и отчасти насаждается от Нила до Инда; в сферу греческого влияния втягиваются варвары, и греческая речь слышится из уст египтян, сирийцев и евреев²; первым осязательным последствием этого объединения Греции было в области языка образование так называемого «общего наречия» — ἡ κοινὴ διάλεκτος, ἡ κοινὴ συνήθεια или просто ἡ κοινή.

Определение κοινή

Впрочем, понятие ἡ κοινὴ (διάλεκτος) определялось как в древние, так и в новые времена различными учеными различно: одни — как древние, так и новые ученые — понимали под этим термином письменный, литературный язык, на котором образованные люди (οἱ πελαιδευμένοι) также и говорили, — τὴν ἀστειοτέραν καὶ φιλόλογον συνήθειαν (Sextus Empiricus. *Adversus grammaticos*, § 235); другие — новые ученые — понимают термин κοινή как разговорный язык простых, необразованных людей; древние ученые выражались об этом языке довольно презрительно — ἡ ἐπιπολάζουσα φωνή, ἡ ἰδιωτικὴ, ἰδιωτικόν,

² См. об этом и у Professor John Pentland Mahaffy. *The Progress of Hellenism in Alexander's Empire*. Chicago, London, 1905; а также у P. Corsen. *Über Begriff und Wesen des Hellenismus* в «*Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*», IX (1908), 2. S. 81–95. — H.H.I

ἁδόκιμον, ἄλλοκοτέρως, ἔκφυλον, βάρβαρον, а массу народную, говорившую этим языком, называли ἁμαθεῖς, ἰδιῶται, ἄγοραῖοι, σὺρφακες, χυδαῖοι. По первому определению, κοινή есть язык исключительно книжный, неживой, представляющий собой смесь из разговорного языка и старого аттического литературного предания, приближающийся то к разговорному, то к старому аттическому, смотря по степени образованности автора или по его личному вкусу. Условимся понимать под словом κοινή или «общий язык», — безыскусственный, разговорный язык; а тот искусственный книжный язык будем называть «литературная κοινή» или «литературный общий язык».

Определить точно по годам, когда начинается и кончается κοινή, невозможно: каждый оборот, каждая часть речи, каждый отдел [тип] склонения и спряжения, каждое слово, каждый звук имеют свою историю; можно лишь приблизительно наметить поворотные пункты. Началом «общего языка» можно считать время около 300 года до Р. Х., концом — время около 500 года по Р. Х., когда уже наступает эпоха новогреческого языка, который является прямым продолжением «общего языка», а не восходит к древнегреческим диалектам, как думали некоторые ученые.

Сущность κοινή

Что же такое «разговорный общий язык»? Это — вопрос спорный. Господствующий теперь в науке взгляд, представителями которого являются ученые *Хатзидакис*, *Г. Мейер*, *Крумбахер*, *Тумб* и др., — тот, что основанием его служит разговорный аттический язык [диалект], к которому в большем сравнительно количестве примешаны элементы из ионического диалекта и в очень небольшом количестве — элементы из других греческих диалектов. Другое мнение о κοινή, высказанное еще древнегреческими учеными («грамматиками») и в настоящее время поддерживаемое *Кречмером* и *Дейсманом*, состоит в том, что κοινή представляет собой пеструю смесь почти всех диалектов, в

которой аттическое наречие представлено лишь одним или двумя важными элементами. Первое мнение более вероятно, как вследствие наибольшего сходства общего языка с аттическим и ионическим, так и на основании высказанного раньше предположения о распространенности аттического диалекта среди других полисов Греции.

Можно предполагать, что еще во время до Александра Македонского в области Эгейского моря образовалась своего рода *κοινή*, имевшая в своем основании аттическое наречие, к которому, однако, уже были примешаны и ионизмы. Македоняне, выступая на арену греческой истории и заимствуя греческую культуру и греческий язык, всего скорее могли познакомиться с ним от своих ближайших соседей — ионян, города которых окружали побережье Македонии, а язык этих городов и был той смесью аттического и ионического наречий, о которой мы сейчас говорили. Таким образом, греческий язык, который разнесли по Азии и Египту войска Александра Македонского, состоявшие из эллинизированных македонян и греков, был уже *κοινή διάλεκτος*; в тех городах, где Александр и его преемники селили македонян и греков, этот же язык, естественно, становился господствующим, — все равно, к какому бы греческому полису ни принадлежали остальные его жители. Вслед за македонскими завоевателями пошли на Восток греки мирных профессий — купцы, ремесленники и т. д., а после покорения Греции римлянами в 146 г. грекам открылась дорога в Италию, Испанию, Галлию; мало-помалу все побережье Средиземного и Черного морей подпало под культурное влияние Греции, которому подчинились и сами победители ее — римляне; греческий язык постепенно завоевал весь древний мир (впрочем, главным образом Восток) и сделался международным. Ставши через это и языком варваров, *κοινή*, хотя и сохраняла главные черты аттической грамматики и словаря, тем не менее приняла и чуждые элементы, но почти исключительно в свой словарь. Впрочем, ориентализмов (восточных слов) в *κοινή* мало; гораздо

больше она заимствовала латинизмов: сперва их было немного, но потом (с начала нашего летосчисления и особенно со времени Диоклетиана) число их быстро стало возрастать. Одновременно с этим внутри самой *κοινή* шел естественный процесс упрощения грамматики: многие старые формы исчезли и были заменены новыми, главным образом под влиянием аналогии, например, в III склонении дательный падеж множественного числа стал оканчиваться на *-οις*, как во II скл. (*ἀρχόντοις* вместо *ἀρχουσι*).

Кроме слов, заимствованных из других языков, в *κοινή* мы находим слова, которые в аттической литературе известны нам только из поэзии. Думать, что в *κοινή* они попали прямо из аттической поэзии, невозможно, потому что в *κοινή* они встречаются в документах, ничего общего с поэзией не имеющих и писанных людьми необразованными, например, в каком-нибудь счете за вино. Несомненно, эти поэтические слова употреблялись в живой *κοινή*, как самые обыкновенные. Каким путем они попали в *κοινή*, мы не знаем, но во всяком случае не путем литературы; вероятно, сама аттическая поэзия почерпнула их из живого народного языка — аттического или ионического, где они все время продолжали жить скрытым для нас образом и откуда они перешли в *κοινή*, а некоторые затем и в новогреческий язык.

Итак, из сказанного нами о сущности *κοινή* следует, что основанием ее служит аттический народный язык [диалект], к которому примешаны ионизмы и в ничтожном количестве элементы из других греческих наречий и в котором грамматика постепенно изменялась, главным образом упрощаясь, под влиянием аналогии; впоследствии в *κοινή* вошло значительное число латинских слов.

Борьба *κοινή* с древними диалектами

Древние греческие диалекты вели долгую, но тщетную борьбу: мало-помалу, одни раньше, другие позже, они были поглощены «общим языком», точно так же, как и местные языки

Малой Азии — фригийский, ликийский и др. Но удивительно, как мало следов оставили в $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ и греческие диалекты, и варварские языки: большая часть того, что было принято в какой-нибудь одной местности, например, из дорических форм или египетских особенностей, было потом в течение первого тысячелетия нашей эры вновь отброшено. А большая часть того, что кажется нам новым и чуждым, на самом деле есть продукт внутреннего естественного развития самой $\kappa\omicron\iota\nu\eta$.

Борьба древних диалектов все-таки сильно задерживала развитие «общего языка» в старых поселениях греков; эти диалекты исчезали лишь постепенно; борьба между древними диалектами и «общим языком» длилась несколько столетий, и только с III в. по Р.Х. древние диалекты совсем вымирают, насколько мы можем судить по тому, что надписей на древних диалектах мы уже более вовсе не находим. Во время борьбы диалектов и «общего языка», надо думать, некоторое время в тех местах были в употреблении оба языка: $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ сперва проникала в город, потом мало-помалу распространялась в деревне, пока, наконец, не вытесняла совершенно из употребления старые диалекты. Раньше всех исчез ионический диалект (еще в III в. до Р.Х.) на островах Эгейского моря, которые, по-видимому, и были родиной и центром распространения «общего языка»; за островами следовали ионяне в Малой Азии, затем эоляне в Малой Азии, Фессалии и Беотии; дольше всего оказывал сопротивление дорический диалект, особенно на Пелопоннесе, в Кирене и на некоторых островах вследствие обособленности этих мест от остального греческого мира (на Пелопоннесе даже до сих пор существует «цаконское» наречие, восходящее к «лаконскому» говору).

Главную роль в развитии $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ играют новые сферы греческого влияния — Малая Азия и Египет, где не было старых диалектов, а потому не было и препятствий к распространению «общего языка». Центр греческой культуры со времени Александра Македонского перешел в Египет и

Малую Азию; язык этих новых греческих областей теперь стал уже действовать обратно на диалекты самой Греции, уничтожая их, и одержал наконец победу над остатками дорического диалекта и даже самим аттическим наречием, которое в императорскую эпоху было само лишь одним из диалектов по отношению к *κοινῇ*.

Степень эллинизации разных стран

Само собой разумеется, что из открытых Александром для греческой культуры новых областей не все в одинаковой степени были эллинизированы. Более всего эллинизировалась Малая Азия: в императорскую эпоху это была совершенно греческая страна с греческой культурой. Сирия и Египет были менее эллинизированы; греческий язык был, по-видимому, только в городах, тогда как в деревнях туземцы говорили на своем родном языке. Палестину едва ли можно назвать эллинизированной страной. Распространению эллинизма тут мешала религиозная нетерпимость евреев к язычникам. Греческих общин — таких, как в Сирии, — в Палестине не было, и едва ли правы те ученые, которые говорят о преобладании греческого языка, например, в Галилее во время земной жизни Иисуса Христа. Палестинские иудеи *учились* греческому языку, насколько он им был нужен для торговых и иных сношений с иноплеменниками; образованные иудеи знакомились с греческой литературой, но не забывали родного языка; даже для Иосифа Флавия греческий язык был чужим [см. *Antiqu.* XX, 12:1 по изд. В. Niese, IV, Berolini, 1890. P. 319–320]. И в этом положении Палестина оставалась, вероятно, до времени завоевания ее арабами. Но, конечно, иудейский народ в Палестине не мог остаться совсем чуждым культурному влиянию эллинизма: это доказывает масса греческих слов, встречающихся в раввинистических творениях — в Талмудах, Мидрашах, Таргумах; а проникли они сюда не ученым путем, а прямо из разговорного народного языка: в народном языке

иудеев, стало быть, было много греческих слов (а также и латинских). Несомненно, что и Иисус Христос и Его ученики примешивали немало чужеземных слов к своей «арамейской речи»: такие слова, как *συνέδριον, διαθήκη, παράκλητος, κύριε* (как обращение), *·δηνάριον, ἄσάριον, κοδράντης, πανδοχεύς, πανδοχεῖον, λεγεών* и др., которые встречаются в речах Иисуса Христа, представляют собой не переводы евангелистов с «арамейского», а буквально употребленные Иисусом Христом греческие выражения среди «арамейской» речи. При случае Иисус Христос и Его ученики, по-видимому, вели разговор на греческом языке с лицами, обращавшимися к ним на этом языке. У Ин. 12, 20–21 идет рассказ о том, что «эллины» подошли к апостолу Филиппу и просили его, говоря: «Господин! Нам хочется видеть Иисуса»; нельзя думать, чтобы евангелист назвал этих людей «эллинами», если бы они, как евреи, говорили с апостолом по-арамейски. В евангельском рассказе о суде Пилата над Иисусом Христом, который мог вестись только на греческом языке, ничего не говорится о том, что при разговоре между судьей и Обвиненным возникли какие-либо затруднения относительно языка или что разговор шел через переводчика. (Вопрос о греческом языке среди иудеев подробно рассмотрен у Prof. *Th. Zahn*. *Einleitung in das Neue Testament*. Т. 1, S. 24-сл. по 1-му изд. и — S. 24-сл. по 2-му изд.) [См. еще Prof. *Emil Schürer*. *Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi*. II³, S. 43 ff., 50 ff., 63–67; 457 (II⁴, S. 57 ff., 67 ff., 84–89; 534–535); III³, S. 93–95].

Местные особенности в κοινή

Как мы видели, древние греческие диалекты вымерли около времени Рождества Христова — одни раньше, другие позже; на их место явился «общий язык». Но несомненно, что этот язык, в существенных своих чертах всегда остававшийся неизменным на протяжении всей своей территории от Нубии

до Армении, в мелочах (особенно — в произношении) не был безусловно одинаков повсюду уже вследствие того, что область его распространения была слишком велика и географически различна: *Страбон*, например, сообщает (VIII, 1:2), что в его время (около Р. Х.) почти в каждом городе говорили различно. Иными словами: *κοινῇ* уже с самого начала своего существования, строго говоря, не была одинакова, а делилась на «говоры» (вроде того, как великорусское наречие делится на говоры акающие и окающие, например, московский и владимирский).

И это понятно: дорянин, например, произносил *κοινῇ* иначе, чем ионянин, не говоря уже об иностранцах. Конечно, такие оттенки выговора по большей части недоступны нашему наблюдению. Однако и мы можем заметить, что, например, в разных говорах произносилось различно: как немецкое *ü*, как русское *i*, как русское *y* и, вероятно, как русское *ю*. Необразованный египтянин не различал глухих и звонких согласных и потому, например, должен был произносить одинаково слова *ἡγοῦμενος* и *οἰκοῦμενος*. Разновидности «общего языка» с течением времени должны были обособляться все более и более, пока этот общеэллинский язык не распался, в свою очередь, на более или менее определенно очерченные наречия, не имеющие, однако, ничего общего с наречиями древними. Эти новогреческие наречия вылились в определенную форму лишь несколько веков спустя после возникновения *κοινῇ*, в течение первого тысячелетия по Р. Х.

У древних грамматиков мы находим упоминание о македонском и александрийском наречиях. Под первым надо разуметь не природный язык македонян (его даже и нельзя было бы назвать диалектом греческого языка), а тот греческий язык, который был в употреблении у македонян, т. е. ту же самую *κοινῇ*, может быть, с теми мелкими отличиями в выговоре, в употреблении некоторых слов и т. п., о которых мы сейчас упоминали. То же самое надо сказать и об александрийском

диалекте: это опять же *κοινῇ*, но в том виде, как ее употребляло население Александрии. Иначе говоря,— то, что известно под именем македонского и александрийского диалектов, представляет собой не наречия, а разве лишь говоры в *κοινῇ* с очень незначительными особенностями.

Само собой разумеется, что *κοινῇ*, как и всякий живой язык, с течением времени видоизменялась и наконец обратилась незаметно в теперешний новогреческий язык с его наречиями. Время этого перехода, т. е. конец «общего языка» и начало новогреческого, определить с точностью невозможно, как и начало самой *κοινῇ*; приблизительно начало новогреческого языка определяют около середины первого тысячелетия по Р. Х.

Источники сведений о *κοινῇ*

Все, что мы до сих пор говорили о *κοινῇ*, относится к *κοινῇ* разговорной, как мы уже упоминали. Наиболее надежными и непосредственными источниками наших сведений об этом разговорном языке служат надписи той эпохи и особенно египетские папирусы.

Папирусом называется египетское растение, из которого древние готовили материал для письма; этим же словом обозначаются теперь и древние документы, писанные на нем. Эти древние документы находят теперь массами в Египте, где они пролежали под песком в кучах мусора или в пирамидах десятки веков и сохранились благодаря сухости египетского климата. Впервые европейцы познакомились с ними в 1778 году, когда один европейский антикварный торговец купил такой папирусовый свиток у египетского крестьянина. Но ученые сперва мало придавали значения папирусам, и их находили не в большом количестве; только в 1877 году открытие огромной массы папирусов в египетской провинции Аль-Файюм обратило на них внимание ученых, и с тех пор стали снаряжать целые

экспедиции для отыскания папирусов в Египте и начали их старательно изучать. В настоящее время листки и обрывки их, большей частью еще не разобранные, лежат целыми тысячами в разных музеях Европы (есть, между прочим, и в Петербурге)³. Папирусы заключают в себе отчасти отрывки литературных текстов; но огромное большинство их не имеет ничего общего с литературой. Содержание этих текстов чрезвычайно разнообразно: акты из управлений деревень, городов и храмов, юридические документы, арендные и наемные контракты, счета и квитанции, завещания, брачные контракты, наконец — большое количество писем «маленьких» людей. Этим разнообразием содержания объясняется богатство слов; а так как эти документы писались часто необразованными людьми, то в них мы находим нелитературные формы слов, употреблявшиеся в разговорном языке, и безграмотную орфографию, из которой иногда видно, как произносилась та или другая буква. Таким образом, папирусы имеют громадное значение для исследования позднейшего греческого разговорного языка. Большая часть их датирована не только годом, но даже и днем. Древнейшие из папирусов восходят

³ [Впрочем, для изучения папирусной «литературы» ныне издается с 1900 г. проф. *Ulrich Wilcken*’ом даже особый орган «*Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete*»; см. *его же* *Die griechischen Papyrusurkunden*. Berlin, 1898; Der heutige Stand der Papyrusforschung в «*Neue Jahrb. f. d. klass. Altertum*» VII. S. 677–691, а также ср. «Христ. Чтение», 1898, № 9. С. 398–400, 1902, № 7. С. 10–11. Новейшая наилучшая библиография папирусов и литература относительно их (до 1 января 1905 г.) представлены у *Nicolas Hohlwein*. *La papyrologie grecque: bibliographie raisonnée*. Louvain, 1905 (здесь отмечено до 800 «папирологических» трудов), а также *Rev. George Milligan*. *Some Recent Papyrological Publications* в «*The Journal of Theological Studies*», IX, 35 (April, 1908). P. 465–470. О папирусах вообще и в применении к Новому Завету см. у Prof. *Ad. Deissmann*: *New Light on the New Testament*. Edinburgh, 1907. P. 12–21 и в «*The Expository Times*», XVIII, 1 (October 1906). P. 11b–14a; *Licht vom Osten*. Tübingen, 1908. S. 13–25. Для первоначального ознакомления полезна (см. Prof. *Arnold Meyer* в «*Theologischer Jahresbericht*», XXV, Bd. III Abt., Leipzig, 1906. S. 25, а по общему счету 233) книжка Lic. Prof. *Hans Lietzmann*’а *Griechische Papyri ausgewählt und erklärt* (в серии «*Kleine Texte für theologische Vorlesungen und Übungen*», № 14), Bonn, 1905, где указана (на с. 3) и важнейшая филологическая литература по этому предмету. Наиболее обстоятельный обзор дан у Prof. Dr. *Paul Viereck*’а *Papyrusforschungen* —

к III веку до Р. Х.⁴, наиболее поздние — к VIII веку по Р. Х. Значит, мы имеем архивный материал — почти без перерыва — за период свыше тысячи лет: от эпохи царя Птолемея Филадельфа до времен ислама.

Другим, косвенным средством для ознакомления с разговорной *κοινή* служат свидетельства древних лексикографов — Фриниха, Мирида и других, где указывается, какое аттическое слово соответствует тому или другому слову «общего языка».

Наконец, о составе разговорной *κοινή* можно судить на основании современного новогреческого языка, который есть непосредственное продолжение ее, точно так же, как на основании теперешних романских языков делаются заключения о составе простонародного латинского языка.

Литературная *κοινή*

Что касается литературного языка в эпоху *κοινή*, который образованные люди употребляли и в устной речи, то он значительно отличался от разговорной *κοινή* и приближался более или менее к старому аттическому литературному языку, смотря по степени образования автора или его вкусам и целям: сочинение, предназначенное для простого народа, конечно, было ближе к разговорному языку, чем то, которое предназначалось для образованной публики.

Bericht über die ältere Papyrusliteratur.— Die griechischen Papyrusurkunden в «Byzantinische Zeitschrift», XV (1906), S. 432–441, и в «Jahresbericht über die Fortschritte der klassischen Altertumswissenschaft» herausg. von W. Kroll, Bd. LXXXVIII (1898, III), S. 135–186; CII (1899, III), S. 244–312; CXXXI (1906, III), S. 36–144, а также в «Byzantinische Zeitschrift», 1903, S. 712 ff.; 1904, S. 674 ff.; 1905, S. 373 ff.; 1906, S. 432 ff. *М. М. Хвостов*. Обзор публикаций греческих папирусов в «Ученых записках Казанского университета» за март 1902 г., с. 43–56, и апрель 1904 г., с. 145–158, и отдельно. Проф. *А. М. Придик* Греческие папирусы (актовая речь). Варшава, 1907 (по оттиску из «Варшавских Университетских Известий», 1907 г., № 3–4).— *Н. Н. Г.*]

⁴ Папирус, содержащий в себе отрывки стихотворения Тимофея Милетского «Персы», его издатель Prof. *Ulrich von Wilamowitz-Moellendorff* относит даже к IV веку до Р. Х.

Нечего и говорить о том, что этот литературный «общий язык» был языком искусственным, на котором народ в собственном смысле никогда и нигде не говорил; он был приблизительно таким же искусственным языком, как наш литературный язык XVIII века, представляющий собой смесь русского и церковнославянского. Из дошедших до нас авторов на этом языке писали: Полибий, Диодор, Страбон, Плутарх, Иосиф Флавий⁵, Филон и др.; но и у них язык неодинаков относительно близости к аттическому.

Аттицизм и аттикисты

Литературная *κοινή*, как мы видели, хотя бы до некоторой степени имела связь с живым языком. Но уже в I в. до Р.Х. возникает реакция, с течением времени все усиливающаяся, в пользу употребления в литературе настоящего древнего аттического диалекта. Это литературное направление называют «аттицизмом», а писателей этого направления — «аттикистами». Аттикисты держались принципа употреблять только те слова, которые встречаются у какого-нибудь аттического автора, и с презрением относились ко всем неаттическим элементам. *Аристид*, например, один из знаменитейших риторов II в. по Р. Х., хвалится (*Rhetor.* II, 6), что он не употребил ни одного слова, не заимствованного из «книг», т. е. из аттических авторов (*τοσοῦτον ἂν εἴποιμι, μῆτε ὀνόματι μῆτε ῥήματι χρῆσθαι ἄλλοις πλὴν τοῖς ἐκ τῶν βιβλίων*). Старались соблюдать, конечно, и аттическую грамматику, значительно расхидившуюся с грамматикой живого языка.

Таким образом, между языком образованного общества и простого народа была целая пропасть: судя по словам *Секста Эмпирика*, писателя 200–250 гг. по Р. Х. («Против математиков», I. 10),

⁵ О языке Иосифа Флавия см. *Guilelmus Schmidt. De Flavii Josephi elocutione observationes criticae: commentatio ex vigesimo Annalium philologicorum supplemento seorsum expressa. Lipsiae, 1893. P. 345–550. — Н. Н. Г.*

с необразованными людьми ученые говорили на другом языке, чем между собой: говоря со слугами, например, называли корзину для хлеба πανάριον, а ступку ἰγδῖς, тогда как в образованном обществе эти же предметы называли словами ἄρτοφόριον и θυεῖα; ученый язык казался смешным простым людям и наоборот: ὥς γὰρ ἡ φιλόλογος (συνήθεια) γελάται παρὰ τοῖς ἰδιώταις, οὕτως καὶ ἡ ἰδιωτικὴ παρὰ τοῖς φιλολόγοις.

Педантизм аттикистов, конечно, не мог не возбудить протестов: писать на аттическом наречии в императорскую эпоху было почти то же, что писать теперь нам на языке Остромирова Евангелия. Так, знаменитый врач II в. по Р. Х. Гален, один из противников этого направления, смеется над правилами аттикистов, «занимающихся проклятой этой лженаукой», которые хотят называть капусту аттическим словом ῥάφανος (вместо κράμβη, как она называется в κοινή), «как будто это афиняне разговаривают с греками, жившими 600 лет назад, а не с теперешними — τοῦτο τὸ λάχανον (τὴν κράμβην) οἱ τὴν ἐπίτρωπτον ψευδοπαιδείαν ἀσκοῦντες ὀνομάζειν ἀξιούσι ῥάφανον, ὥσπερ τοῖς πρὸ ἑξακοσίων ἐτῶν Ἀθηναίων διαλεγομένων, ἀλλ' οὐχὶ τοῖς νῦν Ἑλλήσιν (VI, 633, 4 изд. Kühn'a). Правила аттикистов казались настолько бессмысленными, что один из остряков того времени даже сказал: «Если бы не было на свете врачей, то ничего не было бы глупее грамматиков» — εἰ μὴ ἰατροὶ ἦσαν, οὐδὲν ἂν ἦν τῶν γραμματικῶν μωρότερον (*Athenaeus*, XV, 2).

Однако, несмотря на протесты, учение аттикистов постепенно получило силу закона для всех последующих веков; этой силы оно не потеряло даже и в настоящее время, так как и у теперешних образованных греков литературный язык совсем не похож на язык простого народа, а включает в себе много аттических элементов. Но велика и сила живого языка: при всех стараниях писать на чистом аттическом языке никому из аттикистов это не удалось вполне: все невольно примешивали и слова, и формы, и конструкции из современного им живого языка. Аристид, например, в том самом месте, где он хвалится

своим аттилизмом (которое мы сейчас привели), сделал ошибку против аттической грамматики, поставив отрицание μήτε вместо οὔτε, так как в «общем языке» μή ставилось при всяком инфинитиве.

Эллинистический язык

Κοινή в науке нередко называется еще «эллинистическим» языком — dialectus hellenistica, Hellenistisches Griechisch, la langue hellénistique. Это слово образовано от существительного ἑλληνιστής, которое, в свою очередь, происходит от глагола ἑλληνίζειν. Последнее значит «говорить по-эллински», причем употребляется двояко. 1) Или ему противопоставляется понятие «говорить по-аттически» — и тогда ἑλληνίζειν значит «говорить на общем наречии»; в этом смысле оно употреблено в следующих словах комика *Ποσειδίππου*: «Эллада одна, а городов в ней много. Ты говоришь по-аттически, когда выражаешься по-своему, а мы, эллины, говорим по-эллински» (Ἑλλάς μὲν ἐστὶ μία, πόλεις δὲ πλείονες· σὺ μὲν ἀττικίζεις, ἡνίκ' ἂν φωνὴν λέγῃς αὐτοῦ τιν', οἱ δ' Ἑλλήνες ἑλληνίζομεν). В этом же смысле лексикографы-аттикисты употребляют слова Ἑλληνες, ἑλληνικός в противоположность к Ἀττικοί, ἀττικός. 2) Или же ἑλληνίζειν противопоставляется иноязычной, варварской речи, например, у *Лукиана*, *Philopseudes*, 16: ἑλληνίζων ἢ βαρβαρίζων,— и тогда значит просто «говорить по-гречески». Соответственно этому значению существительным ἑλληνισταί в Деян. 6, 1 обозначены иудеи, говорящие по-гречески, в противоположность иудеям, говорящим по-арамейски. Ввиду этого ученый *Scaliger* (XVI в.) в своих *Animadversiones in prolegomena Hieronymi* впервые образовал прилагательное hellenisticus от древнего ἑλληνιστής по аналогии с тем, как, например, от σοφιστής древними было образовано σοφιστικός,— а за Скалигером и другие ученые до последнего времени понимали под выражением «эллинистический диалект» специально ту особую форму греческого языка, которую употребляли именно

иудеи, т.е. своего рода «жаргон». Так, *Drusius* в *Commentatio ad voc. Hebraic. N.T.*, 1582 г. пишет: *vulgus litteratorum ignorat, Apostolos et Evangelistas peculiarem dialectum habuisse, quam Hellenisticam vocamus, qua usi sunt post LXX interpretes Aquila, Theodotio, Symmachus, item auctores apocryphi omnesque adeo Iudaei, qui Graeco sermone quid conscribebant.*

Проф. протоиерей С.К. Смирнов тоже употребляет этот термин в таком смысле: «Итак, язык *эллинистический* есть язык греческий, смешанный с формами еврейскими, на котором говорили иудеи» (Филологические замечания. С. XXIV). Но такое понимание едва ли правильно: ἑλληνιστᾶι должно было иметь более широкий смысл и означать не только иудеев, но вообще всех варваров, т.е. людей негреческого происхождения, усвоивших греческий язык (а также греческие обычаи, греческую культуру); соответственно этому и под выражением «эллинистический диалект» надо разумеать греческий язык всех варваров в эпоху после Александра Македонского. А так как в это время «огреченные» варвары (египтяне, малоазийцы) говорили на том же «общем языке», на каком говорили и сами эллины, то понятие «эллинистический диалект» должно быть еще расширено и под ним надо разумеать просто «общий язык» или κοινὴ; как под словом «эллинизм» разумеется вся вообще эпоха, в которую греческая культура стала мировой, так и под словом «эллинистический» надо разумеать все, что относится к этой культурной эпохе, которая также называется «эллинистической». Поэтому выражения «эллинистический язык» и κοινὴ — синонимы. В таком смысле и употребляют этот термин новейшие ученые, например, *Дейсман*, *Тумб*. Однако, ввиду того, что в разное время под этим термином разумелись разные понятия, было бы полезно, чтобы каждый автор предувещивал читателя, в каком смысле он его употребляет. Мы будем употреблять его в новейшем смысле, т.е. как синоним κοινὴ.

Глава II. Библейский язык

Книги Ветхого Завета переведены на греческий язык, а книги Нового Завета написаны в эллинистическую эпоху. Язык почти всех этих писаний есть нелитературная *κοινή*. Кто знаком с греческим языком только по классическим образцам, тому язык Священного Писания кажется чрезвычайно неправильным.

Мнения о языке Священного Писания

а) Мнения древних

Апостол Павел сам называет себя «невеждой в слове» — *ἰδιώτης τῷ λόγῳ* (2 Кор. 11, 6). Распространение Нового Завета на греческом языке совпало с эпохой аттицизма, когда в образованных кругах была в высшей степени развита чувствительность ко всему, связанному с языком и стилем. Употребление неаттического слова считалось тягчайшим литературным преступлением; сочинение, написанное простым языком, не украшенное цветами риторики, не могло иметь никаких претензий на занятие места в литературе. Одним словом, хорошо писать считалось признаком, отличавшим грека от варвара. Такая публика должна была смотреть на священные книги христиан как на что-то варварское по языку и чудовищное в стилистическом отношении, и круг их читателей среди

язычников должен был быть очень невелик. И действительно, мы не раз слышим презрительные отзывы язычников о языке Священного Писания. Против таких нападок язычников на Священное Писание со стороны языка и стиля христиане защищались двумя путями: одни признавали эти «недостатки» Священного Писания, но объясняли их тем, что новая религия пользовалась простым, для всех понятным языком потому, что хотела завоевать весь мир; другие доказывали, что писатели книг Священного Писания были вовсе не необразованные люди, а знали и применяли средства художественной речи, так что Священное Писание, по мнению их, и с внешней стороны является совершенным. Приведем несколько свидетельств древних христианских писателей того и другого направления о библейском (главным образом — новозаветном) языке и стиле. *Св. Исидор Пелусиот* (V в.) в одном из своих писем говорит (Migne gr., LXXVIII, 1080): «Сыны эллинов унижают Священное Писание, находя, что в нем язык — варварский и что оно составлено из иностранных, новых слов, а также, что в нем нет необходимых союзов, но есть лишние вставки, затрудняющие смысл речи. Однако пусть из этого они познают силу истины. В самом деле, каким образом грубый язык Писания убедил красноречивых? Пусть скажут мудрецы, каким образом оно, будучи переполнено варваризмами и солецизмами, победило заблуждение, говорившее по-аттически?» (Ἑλλήνων παῖδες ἐξευτελίζουσι τὴν θεῖαν γραφὴν ὡς βαρβαρόφωνον καὶ ὀνοματοποιίας ξένας συντεταγμένην, συνδέσμων δὲ ἀναγκαίων ἐλλείπουσαν καὶ περιττῶν παρενθήκη τὸν νοῦν τῶν λεγομένων ἐκταράπτουσιν. Ἀλλ' ἀπὸ τούτων μανθανέτωσαν τῆς ἀληθείας τὴν ἰσχύιν. Πῶς γὰρ ἐπεισεν ἡ ἀγροικιζομένη τὴν εὐγλωττίαν; εἰπάτωσαν οἱ σοφοί, πῶς βαρβαρίζουσα κατακράτος καὶ σολοικίζουσα νενίκηκε τὴν ἀττικίζουσιν πλάνην). *Блаж. Феодорит* (V в.) тоже свидетельствует (Graec. affect. cur., prol.: Migne gr., LXXXIII, 784), что «некоторые ставили апостолам в упрек их необразование, называя их варварами, так как они не имеют изящества хорошего слога» (τῆς

τῶν ἀποστόλων κατηγόρουν ἀπαιδευσίας, βαρβάρους ἀποκαλοῦντες, τὸ γλαφυρὸν τῆς εὐελείας οὐκ ἔχοντας).

Само собой разумеется, что и новые слова, образованные христианами для выражения новых понятий, как неаттические, не нравились ревнителям чистоты древнего языка; например, ἀποκάλυψις «откровение», по словам блаж. Иеронима, «свойственно лишь Священному Писанию и не употребляется у греков никем из языческих мудрецов»; но, возражая тем, которые, «привыкши читать красноречивых языческих писателей, смеялись над христианами по поводу новых слов и безыскусственности речи Священного Писания», Иероним ссылается на пример Цицерона, который «вынужден был по необходимости вводить в свои философские сочинения такие чудовищные слова, каких ухо латинянина никогда не слыхало, и притом переводя с греческого языка на близкий ему латинский; что же испытывают те, которые стараются выразить особенности языка, переводя с еврейских трудностей? И все-таки слов, звучащих по-новому, гораздо меньше в таких больших книгах Писания, чем он (Цицерон) собрал их в своем маленьком труде» — *Verbum quoque ipsum ἀποκάλυψεως id est revelationis proprie scripturarum est et a nullo sapientium saeculi apud Graecos usurpatum. Unde mihi videntur, quemadmodum in aliis verbis quae de Hebraeo septuaginta interpretes transtulerunt, ita et in hoc magnopere esse conati, ut proprietatem peregrini sermonis exprimerent nova novis rebus verba fingentes...* Si itaque hi, qui disertos saeculi legere consueverunt, coeperint nobis *de novitate et vilitate sermonis illudere*, mittamus eos ad Ciceronis libros, qui de quaestionibus philosophiae prae-notantur, et videant, quanta ibi necessitate compulsus sit tanta verborum portenta proferre, quae numquam latini hominis auris audivit: et hoc cum de Graeco, quae lingua vicina est, transferret in nostram: quid patiuntur illi, qui de hebraeis difficultatibus proprietates exprimere conantur? Et tamen *multo pauciora sunt in tantis voluminibus scripturarum, quae novitatem sonent quam ea, quae ille in parvo opere congessit* (Comm. in ep. ad Gal. I. 1 ad 1, 12: Migne lat. XXVI, 323).

Мало того, даже собственные имена в Библии, например, Матфей, Варфоломей, Иаков, Моисей, как варварские, возбуждали насмешки язычников, о чем свидетельствует *блаж. Феодорит*: *κομφοδοῖσιν ὡς βάρβαρα τὰ ὀνόματα* (Graec. affect. cur., V: Migne gr. LXXXIII, 945).

Реже встречаются среди христиан представители другого направления, учившие, что Священное Писание и со стороны формы совершенно. Эта вторая группа, впрочем, касалась не столько языка собственно, сколько стиля: так, *блаж. Августин* доказывал, что в Священном Писании находятся различные риторические фигуры, какие есть в языческой литературе: *diversa schemata saecularium litterarum inveniri probavit* (Augustinus) in *litteris sacris* (Cassiodorius. *Expositio Psalterii*. С. 15: Magne lat., LXX, 19). Доказательству совершенства Священного Писания со стороны формы посвящена 4-я книга сочинения Августина «*De doctrina Christiana*». Рассуждения о стиле Священного Писания продолжались и в Средние века: так, во времена Карла Великого грамматик Петр хвалит апостола Павла за совершенство его языка (Poetae aevi Carol., I, 48) и сам Карл Великий в своей «*Encyclica de litteris colendis*» (787 г.), указав на необходимость образования, чтобы легче и вернее проникать в таинства Священного Писания (*ut facilius et rectius divinarum scripturarum mysteria valeatis penetrare*), продолжает: «Так как на святых страницах находятся *фигуры, тропы* и т. п., то несомненно, что всякий тем скорее поймет это, чем полнее будет его образование» (*cum enim in sacris paginis schemata, tropi et cetera his similia inserta inveniantur, nulli dubium, quod ea unusquisque legens tanto citius spiritualiter intellegit, quanto prius in litteraturae magisterio plenius instructus fuerit*).

Однако, как мы сказали, эти рассуждения имели в виду, кажется, только риторическую сторону Писания, а не язык: на Западе в Средние века богословы читали только Вульгату, считая ее перевод богодухновенным, а потому, конечно, особенно при тогдашнем незнании греческого языка, греческий язык Библии

не подвергался обсуждению. (Мнения древних относительно библейского языка подробно изложены в книге *Norden'a Die antike Kunstprosa*. Т. II. С. 516 сл.).

б) Мнения новых о библейском языке

В эпоху Возрождения, когда начались на Западе занятия греческим языком, являются и отзывы о языке Библии: так, в XV веке знаменитый итальянский гуманист *Лаврентий Валла* находил, что греческий язык Нового Завета не может быть назван чистым и имеет много гебраизмов. В XVI веке *Эразм Роттердамский* в своих *Adnotationes in Novum Testamentum* (Basileae, 1516 г.) тоже находил, что «язык апостолов не только не обработан и нескладен, но даже неправилен и сбивчив, а нередко прямо страдает солецизмами». — *Apostolorum sermo non solum impolitus et inconditus, verum etiam imperfectus et perturbatus, aliquotiens plane soloecissans*. Основатели протестантизма *Лютер* и *Меланхтон* указывали на присутствие гебраизмов в языке Нового Завета. Против Эразма восстал ученый реформат *Теодор Беза* (Beza), 1565 г. «В писаниях апостольских,— говорит он,— я признаю величайшую простоту, не отрицаю, что в них есть неправильности, даже некоторые солецизмы, однако я называю это достоинством, но не недостатком... А что апостолы допустили в своих писаниях много гебраизмов, я не удивляюсь: многие места в их речи таковы, что их нельзя так счастливо выразить или даже вовсе нельзя выразить ни на каком другом наречии; если бы они не удержали этих оборотов, им пришлось бы выдумывать новые слова и новые обороты, которых никто не понял бы... Гебраизмы — это драгоценные камни, которыми апостолы изукрасили свои писания». На сторону Безы встал и знаменитый французский гуманист *Генрих Стефан* (Henricus Stephanus), 1576 г., и, вооружась против тех, которые «в писаниях апостолов признают все необделанным и грубым», старается доказать примерами из классиков, что в языке Нового Завета встречаются по большей части чистые греческие обороты и что,

если и попадаютсѣ гебраизмы, то они придаютъ новозаветной речи неподражаемую силу и выразительность, которой нельзя достигнуть ни на какомъ другомъ языкѣ. Затемъ, когда *Друзій* (Drusius), 1582 г., и *Гласцій* (Glassius), 1623 г., доказали, что языкъ Нового Завета наполненъ (obrutus) гебраизмами, противъ нихъ выступилъ *Пфохен* (Pfochen), 1629 г., который старался доказать также примерами изъ классическихъ писателей, что языкъ Нового Завета есть совершенно чистый греческій, что у классиковъ встречаются выражения, буквально сходные съ выражениями апостоловъ, и что те фразы, въ которыхъ другіе хотѣли видѣть гебраизмы, вовсе не гебраизмы, а чисто греческія фразы — *grae-cos autores prophanos eisdem phrasibus et verbis loquutos esse, quibus scriptores Novi Testamenti*.

Пфохен положилъ начало горячему спору, длившемуся болѣе ста лѣтъ между *пуристами* и *гебраистами*: первые доказывали, что языкъ Нового Завета есть чисто греческій языкъ; вторые — что въ немъ много гебраизмовъ. Къ пуристамъ принадлежали, напримеръ, слѣдующіе ученые: *Pfochen, Grosse, Ostermann, Schmid(t), Bebel, Stolberg, Michaelis, Blackwall, Georgi, Schwar(t)z, Palai-ret, von Marle*; къ гебраистамъ при-надлежали *Cocceius, Böckler, Gataker, Wyss, Vorst, Olearius, Leusden, Solanus*. Въ числѣ техъ и другихъ были какъ представители крайнихъ мнѣній, такъ и умеренные. Такъ, напримеръ, изъ пуристовъ держались крайнихъ убѣжденій *Pfochen, Georgi, Schwar(t)z*, не признававшіе въ Новомъ Заветѣ решительно никакихъ гебраизмовъ; другіе были умереннее, напримеръ, *Michaelis*, который не отвергалъ присутствія гебраизмовъ въ новозаветныхъ книгахъ, но вместе съ темъ доказывалъ, что слогъ въ нихъ имѣетъ все свойства изящной речи и не отстаѣтъ отъ языка классиковъ. *Blackwall* доказывалъ, что речь въ новозаветныхъ писаніяхъ есть истинно греческая, самая чистая и изящная, изящнее даже, чѣмъ у всехъ греческихъ классиковъ, такъ что Новый Заветъ есть первый и лучший *auctor classicus* для изученія греческаго языка, и что красотъ языка Нового Завета не достигали ни Демосфенъ, ни Ксенофонтъ. Однако гебраизмы *Blackwall* допускалъ въ Новомъ Заветѣ, но думалъ, что отъ

значительного их количества, которым изобилует эта божественная книга, еще увеличиваются легкость и изящество речи. Интересный довод приводит в пользу чистоты языка Нового Завета Штольберг: «Что́ сказать о тех, которые не только о некоторых, но и весьма многих греческих словах и выражениях Нового Завета утверждают, будто они не греческие и не употреблялись ни одним классическим писателем, когда виновник Нового Завета есть сам Дух Святый? Единственную причиной, почему многие безукоризненные места Священного Писания подозревают в недостатках, должно признать то, что недостаточно учены, мало знакомы с лучшими авторами, мало читают и плохо понимают те, которые дерзко укоряют Писание в solecизмах и варваризмах».

Свои доказательства пуристы основывали почти исключительно на сходстве слов и выражений новозаветных с классическими и допускали при этом много натяжек; только Георги обратил особое внимание на грамматическую сторону и на целый состав новозаветной речи.

Из гебраистов особенно крайнего мнения держался Gataker: он не находил в языке Нового Завета почти ничего, кроме гебраизмов, почему впоследствии Vorst, сам довольно строгий гебраист, во многих случаях не соглашался с ним и опровергал его односторонние воззрения. Напротив, Böckler и Olearius держались середины и признавали в языке Нового Завета как чисто греческий элемент, так и еврейский.

Наряду с этими двумя школами была еще третья (малозаметная) — *эллинистов*, главными представителями которой были *Junge*, 1637 г., и *Dan. Heinsius*, 1643 г., которые, следуя мнению, впервые высказанному Скалигером и Друзием, учили, что язык Нового Завета есть эллинистический. Юнге, между прочим, писал: «Я утверждаю, что в Новом Завете язык не чисто греческий. Вопрос, наполнен ли этот язык варваризмами, есть вопрос соблазнительный, которого не поднимал ни один христианин; я никогда не хотел утверждать, будто в Новом

Завете встречаются варваризмы, прежде всего потому, что сами греки признают варваризм за недостаток». Интересно мнение вюртембергских богословов и философов по этому вопросу: они высказались, что языку новозаветному нельзя приписывать варваризмов; иначе это будет богохульство; а что касается до языка эллинистического, то спор об этом не решен. Но, конечно, под словом «эллинистический» понимали тогда, как и теперь еще многие, не *κοινή*, а особую форму греческого языка, которую употребляли именно иудеи (см. с. 27–28). Поэтому многие называли библейский греческий язык прямо *еврейско-греческим* — *hebraeo-graecus (stylus)*; первый дал такое название этому языку ученый *Amata*, 1628 г.

Со второй половины XVIII века пуристы замолкли. Последний удар им нанес и тем самым положил конец спорам *Aug. Ernesti* в сочинении *Institutio interpretis Novi Testamenti ad usum lectionum*, 1761 г., которое обратило на себя общее внимание ученых и в скором времени сделалось учебником в германских школах. Свой взгляд на язык Нового Завета Эрнести выражает в таких словах: «Поистине достойны сожаления те, которые спорят, будто язык Нового Завета есть чисто греческий. Мы это мнение решительно отвергаем и вместе утверждаем, что священные писатели подражали еврейскому образу речи не только в отдельных словах, выражениях и фигурах, но даже во всей форме речи, так что в языке Нового Завета очевидна смесь чисто греческих слов и фраз со словами и оборотами, носящими на себе характер речи еврейской. Писатели новозаветные и не могли хорошо писать по-гречески, так как они родились и получили воспитание между евреями, не учились греческому языку в школе и не привыкли к чтению греческих книг, что, кажется, нужно сказать и о Павле апостоле, хотя он был родом из Тарса, где были школы риториков и философов; из того, что он родился в этом городе, никак не следует, чтобы он пользовался тамошними наставниками или читал греческих писателей; из которых приводит какой-нибудь стихок. Вместе с тем

несообразно, чтобы Дух Святой даровал апостолам знание речи чисто греческой. Не говоря уже о том, что никто не признал бы их за писателей тех книг, которые ими написаны,— такие книги не мог бы понимать простой народ из иудеев, для которых (а не для философов и грамматиков) преимущественно они писали и которым не понравился бы такой образ речи по ненависти их к грекам и к греческому красноречию. Апостолы привыкли к языку, образовавшемуся на манер еврейского (*hebraizanti*), в таком виде, какой имел он в переводе александрийском. Наконец, так как учение Нового Завета опиралось на основы Ветхого Завета, то следовало удержать и образ выражений ветхозаветный. Такой состав языка ничего не отнимает у достоинства книг Нового Завета и не вредит ясности, какая требуется от писателя, потому что каждый писатель должен иметь в виду преимущественно свое время и тех, для кого пишет. Нужно при этом заметить то полезное правило, что если какое-либо выражение встречается и в еврейском языке, и в языке греческих писателей, то вернее думать, что оно образовалось по образцу еврейского, нежели заимствовано у лучших греческих писателей, потому что гораздо вероятнее, что люди еврейского происхождения самостоятельно употребляли это выражение; особенную силу имеет это замечание в том случае, если у греков такое выражение встречается редко и относится к числу изысканных».

В XIX веке *Heinr. Planck* в своем рассуждении *De vera natura et indole orationis graecae Novi Testamenti* 1810, первый ясно и точно определил характер новозаветного языка, избежав ошибок своих предшественников: «Книги Нового Завета писаны не на чистом и обработанном греческом языке, который употребляли писатели образованные, но на том, который был в ежедневном употреблении в житейском быту: это была *κοινή*».

Так пуристы были совсем побеждены, и вполне заслуженно: доказывать, что язык Нового Завета есть классический,— мысль нелепая, которую можно объяснить только предвзятым мнением,

будто древний аттический язык лучше, чем позднейший общий, и что поэтому Дух Святой, говоривший через апостолов, непременно должен был выбрать для этого первый, а не второй язык (см. приведенные выше слова Штольберга, с. 35). На самом деле *κοινή* ничем не хуже и не лучше аттического, совершенно так же, как русский язык современный ничем не хуже и не лучше церковно-славянского, а итальянский язык — латинского: просто это разные стадии в развитии языка. Действительно, можно ли, например, утверждать, что аттическое *λέγειν* лучше, чем эллинистическое *λάλειν*, *χέω* — чем *χύνω*, *εἶμι* — чем *ἐλεύσομαι*, *νοῦς* — чем *νοός*, *θάπτον* — чем *τάχιον*? Дух Святой, естественно, говорил через апостолов не на мертвом аттическом языке, который тогда был понятен лишь небольшой кучке образованных людей, а на живом общем языке, который был в употреблении во всем тогда известном мире.

Споры между пуристами и гебраистами были очень полезны для изучения новозаветного языка, главным образом, с лексической стороны; грамматической стороны касался только Георги. Это незнание грамматики отразилось на экзегезе Священного Писания, в которой до самого конца XVIII века господствовал страшный произвол. Например, посредством так называемой *ἐναλλαγή* можно было всякое место толковать, как угодно: учили, что всякий падеж, время глагола, частицу можно понимать в смысле другого падежа, другого времени глагола, другой частицы, иногда прямо противоположных тем, которые находятся в тексте. Так, по мнению тогдашних толкователей, прошедшее время можно было понимать в смысле будущего, сравнительную степень — в смысле положительной, «к» и «в» — в смысле «из», «от» — в смысле «в», «следовательно» — в смысле «потому что», «но» — в смысле «ибо», «ибо» — в смысле «хотя» (Ин. 4, 44), «по ту сторону» — в смысле «по эту сторону» и т. д. Справедливо знаменитый филолог Г. Герман (XVIII–XIX вв.) называет такой способ экзегезы кошунством — *blasphemia* (Ad Vigerum annotationes, 4-е изд., с. 786).

Winer в своей грамматике, впервые появившейся в 1822 г., имел в виду положить предел этому безграничному произволу в области новозаветного толкования. Он указал, что язык новозаветных писателей есть продукт двух факторов: позднейшего греческого языка (т.е. κοινή) и языка еврейско-арамейского.

Современная гебраистическая теория

До последнего времени этой гебраистической теории в общем держались все исследователи новозаветного языка, в том числе и наши, русские. Очень ярко выражена эта теория в теперешнем ее виде французским ученым abbé *Joseph Viteau* в статье «Grec biblique», помещенной в *Dictionnaire de la Bible*, publié par *F. Vigouroux*. Т. III. Paris, 1903, col. 312–331. «Первые эллинистующие иудеи Палестины или рассеяния,— пишет он (col. 315),— узнали греческий язык из разговора — по ежедневным сношениям ради торговли и практической жизни — от более многочисленной части населения, говорившей по-гречески, но менее культурной; они узнали язык разговорный или близкий к «языку общему»⁶. Их непосредственной целью было достигнуть возможности понимать греков и самим быть понятными для них. Эти иудеи еще долго мыслили по-еврейски или на еврейский лад, хотя понимали и говорили по-гречески. Так как дух языка еврейского существенно отличается от греческого, то, естественно, иудеи вносили в употребляемый ими греческий язык столько гебраизмов и придавали ему столь заметную гебраистическую окраску, что он совершенно отличался от «языка общего». Это — греческий язык гебраистический. Иудеи-эллинисты передали его своим детям, а равно и иудеям-эмигрантам, непрерывно прибывавшим из Палестины; эти последние учились

⁶ «Общим языком» *Vulgo*, как и многие другие, называет литературную κοινή.

по-гречески преимущественно у своих собратьев — иудеев, с которыми они, естественно, вступали в сношения прежде всего и чаще всего. Поэтому гебраистический греческий язык есть *ветвь* «общего языка», а окончательно он определился как разговорный язык, свойственный иудейскому народу. Потом, когда священные еврейские книги были переведены на этот гебраистический греческий язык или составлены на нем, он явился также и в качестве языка письменного. Иудеи, говорившие по-гречески, жили в странах весьма различных и весьма удаленных одна от другой. Но их наречие везде оставалось одинаковым. Основой его был «общий язык», одинаковый везде, кроме местных особенностей. Влияние еврейского языка воздействовало на него везде тождественным образом. Наконец, влияние священных книг, которые теперь читали по-гречески, сильно содействовало единообразию разговорного гебраистического греческого языка во всем рассеянии. Шли годы; сношения иудеев с греками по языку становились чаще; первоначальная грубоватость гебраистического греческого языка постепенно смягчалась; странность этого языка уменьшалась; греки получали возможность легче объясняться с иудеями-эллинистами и непосредственно знакомиться с еврейским мышлением и гебраистическим греческим языком».

Итак, по господствующей теперь гебраистической теории язык LXX и Нового Завета есть особый диалект позднейшего греческого языка, на котором говорили «огреченные» иудеи того времени, диалект, представляющий собой смесь двух или даже трех разнородных языков: разговорной *κοινή*, древнего еврейского и современного арамейского языка. Гебраизмов⁷ по этой теории так много у LXX, что «создался совершенно новый

⁷ Под словом «гебраизм» понимают собственно гебраизмы, т.е. элементы древнееврейского языка, и арамеизмы, т.е. элементы арамейского языка; может быть, вернее было бы вместо слова «гебраизм» в широком смысле употреблять слово «семитизм».

язык, которого грек не мог понимать»⁸. Не говоря уже о подражании еврейским конструкциям, очень часто бывает, что греческому слову, которое соответствует еврейскому в каком-нибудь одном его значении, придаются и все другие значения этого еврейского слова, каких греческое слово в родном своем языке не имеет». (*O. F. Fritzsche. Alexandrinische Uebersetzung d. Alt. Test. в «Real-Encyclopädie» Herzog'a I. S. 282 — по 2-му изд.*).

Догматическая теория

Наряду с гебраистической теорией, не отрицая ее, но скорее дополняя и соединяясь с ней, в настоящее время существует еще другая, основанная на догматических соображениях и приходящая к подобному же результату, хотя она исходит из другой точки зрения. Основываясь на предположении, что божественное вдохновение Священного Писания простирается и на словесную форму, эта теория заключает, что язык Священного Писания обладает характером совершенства. При этом идею о божественном вдохновении молчаливо переносят с Нового Завета и еврейского текста Ветхого Завета также и на перевод LXX. Мнение пуритов о том, что библейский язык есть классический, правда, держалось недолго; но нашли другой выход — идею об особенных свойствах языка Священного Писания; в отличие от светского греческого языка появился «библейский» греческий язык или христианско-греческий язык, который в силу этих особенных свойств не может подлежать исследованию светских ученых. Одним из главных представителей этой теории, принятой, впрочем, и применяемой на практике большинством экзегетов, является в настоящее время скончавшийся проф. *Hermann Cremer*, который в предисловии к своему *Biblisch-theologisches Wörterbuch der neutestamentlichen*

⁸ Так же думает и *Buto* (col. 318): «Сразу греческий язык LXX-и по основе и форме должен был быть почти непонятен даже литературно образованному греку».

Gräcität цитирует [9-е изд., Gotha, 1902, с. VII–VIII] следующее положение известного догматиста *Rothe*: «Действительно, можно с полным правом говорить о языке Святого Духа. В Библии нам ясно обнаруживается, как действующий в откровении Божественный Дух из языка того народа, который служил сферой для этого откровения, каждый раз создавал для Себя совершенно особое религиозное наречие, придавая новый, Ему только соответствующий вид тем элементам языка, которые Он находил, равно как и существовавшим уже понятиям. Всего яснее заметен этот процесс на греческом языке Нового Завета». Во многих местах своего словаря Кремер пытается дать доказательства этой теории в частности. И замечательно то, что специально христианскими считаются не только слова, выражающие новые, христианские понятия, но даже слова, выражающие самые обыкновенные понятия, если только эти слова в таком значении не попадают у светских писателей (может быть, случайно) или даже просто не отмечены в лексиконах.

Благодаря этим двум теориям в науке для обозначения языка LXX и Нового Завета вместе появился термин «библейский язык», а также отдельно: для языка LXX — «иудейско-греческий язык» или «язык LXX», для языка Нового Завета — «новозаветный греческий язык» или «христианский греческий язык» или даже «иудейско-христианский греческий язык».

При всем различии в точках отправления, обе эти теории — гебраистическая и догматическая — имеют одну общую черту: обе они рассматривают язык писателей Ветхого и Нового Заветов как особый, отличающийся от языка современных им светских писателей. Рассмотрим обе эти теории.

Критика гебраистической теории

Гебраистическая теория, очень давняя, как мы видели, на первый взгляд весьма привлекательна. Действительно, читая Ветхий и Новый Завет, всякий сразу чувствует разницу между

языком Священного Писания и светским греческим языком не только классическим, но даже и литературной *κοινή*, например, языком Полибия. А так как книги Ветхого и Нового Заветов написаны и переведены иудеями, у которых «дух языка», естественно, семитический, то сама собой напрашивается мысль, что особенности в языке Ветхого и Нового Заветов суть именно еврейские и что иудеи-эллинисты говорили по-гречески иначе, чем природные греки, имели свой «жаргон» — иудейско-греческий язык.

Однако против этой теории можно сделать несколько веских возражений.

1) Если бы существовал такой особый диалект, которым говорили иудеи и в котором множество греческих слов имело совсем другие значения, чем в чистом греческом языке того времени, то, несомненно, кто-нибудь из древних писателей (например, грамматиков и лексикографов) упомянул бы хоть одним словом об этом странном диалекте, тем более, что александрийские ученые писали об «александрийском наречии» — *περὶ τῆς Ἀλεξανδρέων διαλέκτου*; что же было бы естественнее, как упомянуть при этом об «иудейско-греческом диалекте», на котором говорил целый миллион иудеев, живших в Александрии и вообще в Египте (не считая уже миллионов остальных иудеев рассеяния)? Однако никаких следов упоминания об этом наречии у грамматиков и лексикографов до нас не дошло. Только математик *Клеомид* (неизвестного времени; вероятно, IV века по Р. Х.) упоминает о каких-то «иудейских испорченных словах» *Ἰουδαϊκά τινα καὶ παρακεχαρῶμένα*, как о самых вульгарных выражениях; но это место Клеомида ненадежно в критическом отношении (см. *Bernhardy, Griechische Literaturgeschichte* (5-е изд.), I, 525); да если оно дошло и в истинном виде, все-таки не дает права делать заключение о существовании особого «иудейско-греческого языка», а доказывает только, что иудеи говорили языком самого простого народа.

2) Равным образом, из полемики между отцами церкви и язычниками относительно языка Священного Писания видно только, что его называли варварским, мужицким, рыбацким и т. д., но опять-таки никто не обмолвился ни единым словом, что это особый диалект, на котором говорили иудеи. Из названия «варварский» нельзя выводить такого заключения, потому что это слово аттицисты употребляют о выражениях вполне греческих, только вульгарных; например, лексикограф *Фриних* называет слова εἶτεν и ἔλετεν, встречающиеся даже в аттической новой комедии,— ἐσχάτως βάρβαρα «в высшей степени варварскими». Блаж. Иероним в приведенном нами выше месте (с. 31) объясняет *povitas et vilitas sermonis* Ветхого Завета только трудностью перевода с еврейского на греческий, а не тем, что язык переводчиков был не чистый греческий: значит, в его время (IV–V в.) не только не было у иудеев особенного греческого языка, но даже не было никаких известий или преданий об этом из прежних времен.

3) Затем, как бы мы ни относились к известному письму *Аристия* о том, что перевод LXX был сделан вследствие желания царя Птолемея иметь еврейские священные книги в своей библиотеке, в любом случае для нас важно то, что этому рассказу верили Филон, Иосиф Флавий, отцы церкви: стало быть, они находили, что этот перевод сделан настоящим греческим языком, понятным царю, а не каким-то жаргоном, которого греки не понимали; иначе — какая польза была бы царю от такого перевода? Мало того, Филон, прекрасно писавший по-гречески, прибавляет еще, что переводчики знали оба языка: следовательно, он видел в языке LXX настоящий (хотя, может быть, и вульгарный) греческий язык; в противном случае он хоть одним бы словом упомянул, что переводчики знали лишь жаргон. Правда, Филон в своих цитатах из LXX делает изменения, но они имеют целью лишь исправить язык LXX, как вульгарный, на более литературный, более близкий к аттическому.

4) Апостолы, проповедовавшие веру Христову всем народам и устно, и через послания, должны были тоже знать настоящий греческий язык, чтобы их понимали; апостол Павел говорит даже в Афинах, в Ареопаге, и в Деяниях нет ни малейшего намека на то, чтобы афиняне осмелили его язык.

5) Равным образом, и иудейские прозелиты широко распространяли свое учение по всей Римской империи еще в I веке нашей эры (см. *И. И. Семенов*. Иудеи и греко-римский мир. С. 1); это тоже было возможно лишь при условии знания ими настоящего греческого языка.

6) Среди египетских папирусов найдено несколько иудейских документов на греческом языке, и язык их ничем не отличается от языка неиудейских папирусов того времени (см. *Ad. Deissmann*. *Bibelstudien*. С. 63).

7) В пользу существования особого «иудейско-греческого языка» можно было бы сослаться на то, что в раввинских памятниках (Талмуде и др.) заимствованные евреями греческие слова имеют часто другое значение, чем в известных нам памятниках греческого языка (см. об этом *S. Krauss*. *Griechische und lateinische Lehnwörter im Talmud, Midrasch und Targum*. С. 206 сл.): например, στρατιῶνς значит «солдат», στρατιώτης — «офицер» или даже «князь», λευεὼν «солдат» и т. д. Однако такое изменение значений греческих слов, заимствованных еврейским языком, все-таки не доказывает, что иудеи-эллинисты употребляли жаргон. Прежде всего, в числе приведенных Краусом слов, может быть, есть такие, которые и в самом греческом народном языке того времени и тех мест имели указанные им значения; только при нашем недостаточном знакомстве с разговорной κοινή нам неизвестны эти значения из греческих источников, точно так же, как в числе этих гебраизированных греческих слов есть такие, которые нам совсем неизвестны из греческих источников. Затем, эти греческие слова вошли уже в плоть и кровь еврейского языка, получили иногда даже другую звуковую форму, например, «сангедрин» вместо греческой

народной формы $\sigma\upsilon\nu\epsilon\delta\omicron\upsilon\iota\nu$ из $\sigma\upsilon\nu\epsilon\delta\omicron\upsilon\iota\nu$, и могли уже внутри самого еврейского языка, как его элементы, получить новое значение. Но из этого вовсе не следует, что иудей, владевший вполне греческим языком, говоря по-гречески (а не вставляя в еврейскую речь получившие в ней права гражданства греческие слова), искажал слова в произношении или придавать им значение, которого они в самом греческом языке не имели. В русском народном языке иностранные слова бывают иногда сильно искажены (например, «фатера», «киятер»), получают даже вовсе новое значение (например, «мораль» в выражении «мораль напущать», «линия» в выражении «вести свою линию»); но из этого вовсе не следует, что мы, говоря по-французски или по-немецки, произносим соответствующие французские и немецкие слова на русский лад и употребляем их в новом, русском значении. Во всяком случае, важно то, что раввинизмы почти не коснулись библейского греческого языка ни со стороны произношения, ни со стороны смысла, так что в огромном большинстве случаев звуковая форма и значение таких слов в библейском языке обыкновенные греческие, не совпадающие с раввинскими. Так, $\sigma\upsilon\nu\epsilon\delta\omicron\upsilon\iota\nu$ в Новом Завете всегда с υ , а не с α ; $\sigma\tau\omicron\alpha\tau\eta\gamma\acute{\omicron}\varsigma$ и $\lambda\epsilon\gamma\epsilon\acute{\omicron}\nu$ никогда не означают солдата, а $\sigma\tau\omicron\alpha\tau\iota\acute{\omicron}\tau\eta\varsigma$ — офицера или князя; $\lambda\epsilon\iota\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\gamma\iota\alpha$ в раввинском языке значит, как в древнеаттическом «работа, возложенная государством на гражданина», «государственная служба», а в языке LXX и Нового Завета, как в $\kappa\omicron\iota\nu\eta$, оно (и глагол $\lambda\epsilon\iota\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\gamma\epsilon\acute{\iota}\nu$) означает «богослужение» (откуда наше «литургия»).

А между тем, если бы LXX и писатели Нового Завета говорили и писали на иудейско-греческом жаргоне, из которого будто бы греческие слова попали и в раввинские книги, то, конечно, они употребляли бы греческие слова как раз в таких значениях, какие имеют они в раввинских книгах. Только некоторые специальные еврейские (главным образом религиозные) понятия, которых у греков не было, выражаются

одними и теми же словами в раввинских сочинениях и в библейском языке, что было неизбежно: например, ἄγγελος у самих греков, конечно, не могло означать «Ангела», так как это понятие им было неизвестно: только подобные слова и можно назвать иудейско-греческими.

Приведенные соображения доказывают, что гипотеза об особом «иудейско-греческом диалекте», мало даже понятном для греков, несостоятельна. Но еще более, пожалуй, несостоятельна она потому, что основание ее очень ненадежно. Основана она на том предположении, что у LXX и в Новом Завете очень много гебраизмов. А что такое гебраизмы? Это — понятие крайне неопределенное. Под ним разумеются все явления языка LXX и Нового Завета, которые *нам*, при нашем недостаточном знании языка, кажутся негреческими и которые иногда бывают сходны с еврейскими. Но как субъективно подобное мерило, мы уже видели при обозрении спора между пуристами и гебраистами XVII–XVIII веков. Мы видели там, что были гебраисты крайние, которым чуть не все казалось гебраизмами; были и более умеренные; были, наконец, пуристы, которые никаких гебраизмов не признавали. Как различна практика, так и различна теория относительно того, что считать гебраизмом: Эрнести, например, как мы видели (с. 36–37), держался правила, «что если какое-либо выражение встречается и в еврейском языке и в языке греческих писателей, то вернее думать, что оно образовалось по образцу еврейского, чем заимствовано у лучших греческих писателей, потому что гораздо вероятнее, что люди еврейского происхождения самостоятельно употребляли это выражение; особенную силу имеет это замечание в том случае, если у греков такое выражение встречается редко и относится к числу изысканных». Напротив, П. Вендланд полагает, что все явления, которые можно найти в *κοινή* и которые понятны из развития греческого языка, должны быть исключены из числа доказательств в пользу арамеизмов («Byzantinische Zeitschrift», 1903. С. 189).

Затем, даже если бы возможно было установить какую-нибудь теорию в этом отношении, все-таки наши заключения о гебраизмах были бы далеко не тверды. Всякий филолог знает, как трудно доказать с уверенностью, что какой-нибудь необычный факт языка, переданный нам в рукописях древнего автора, невозможен; и в истории классической филологии не раз бывали случаи, что критики очень ученые признавали невозможным то, что потом оказывалось вполне правильным. Ошибаются в этом отношении не только новые ученые, но ошибались даже и древние аттикисты, у которых в распоряжении было гораздо более произведений древней литературы: так, например, они учили, что конструкция ἀκολούθειν μετὰ τινος неправильная (*Phrynichus*. Ecl., с. 458 по изд. Rutherford'a), а между тем, она у аттических писателей попадаетс^я нередко. Более надежны наши суждения в грамматических вопросах (и то далеко не всегда); но в лексических вопросах они всегда проблематичны: ввиду того, что до нас дошла лишь ничтожная часть всей греческой литературы, никогда нельзя сказать с уверенностью, что какое-нибудь слово, встречающееся в наших текстах только один раз (так наз. ἄλλαξ εἰρημένα), или необычное значение какого-нибудь слова не существовали в языке: они могли встречаться в не дошедших до нас текстах. Почти у каждого автора найдутся ἄλλαξ εἰρημένα: это не значит, что он их сочинил, может быть даже, это были вовсе не очень редкие слова в языке, но просто лишь по игре случая они встречаются в дошедших до нас сочинениях только один раз. Наконец, если бы даже мы могли доказать, что какое-нибудь слово ни в одном письменном памятнике не встречалось, все-таки нельзя было бы сказать с уверенностью, что оно не могло существовать в языке, раз только оно не противоречит законам его: оно могло быть в разговорном языке и случайно не попасть в письменность; к тому же, всякий живой язык способен к такому бесконечному творчеству, что всегда может создать новое слово по аналогии со старыми, и такое слово будет вполне законным его элементом.

одними и теми же словами в раввинских сочинениях и в библейском языке, что было неизбежно: например, ἄγγελος у самих греков, конечно, не могло означать «Ангела», так как это понятие им было неизвестно: только подобные слова и можно назвать иудейско-греческими.

Приведенные соображения доказывают, что гипотеза об особом «иудейско-греческом диалекте», мало даже понятном для греков, несостоятельна. Но еще более, пожалуй, несостоятельна она потому, что основание ее очень ненадежно. Основана она на том предположении, что у LXX и в Новом Завете очень много гебраизмов. А что такое гебраизмы? Это — понятие крайне неопределенное. Под ним разумеются все явления языка LXX и Нового Завета, которые *нам*, при нашем недостаточном знании языка, кажутся негреческими и которые иногда бывают сходны с еврейскими. Но как субъективно подобное мерило, мы уже видели при обозрении спора между пуристами и гебраистами XVII–XVIII веков. Мы видели там, что были гебраисты крайние, которым чуть не все казалось гебраизмами; были и более умеренные; были, наконец, пуристы, которые никаких гебраизмов не признавали. Как различна практика, так и различна теория относительно того, что считать гебраизмом: Эрнести, например, как мы видели (с. 36–37), держался правила, «что если какое-либо выражение встречается и в еврейском языке и в языке греческих писателей, то вернее думать, что оно образовалось по образцу еврейского, чем заимствовано у лучших греческих писателей, потому что гораздо вероятнее, что люди еврейского происхождения самостоятельно употребляли это выражение; особенную силу имеет это замечание в том случае, если у греков такое выражение встречается редко и относится к числу изысканных». Напротив, П. Вендланд полагает, что все явления, которые можно найти в *κοινῇ* и которые понятны из развития греческого языка, должны быть исключены из числа доказательств в пользу арамеизмов («Byzantinische Zeitschrift», 1903. С. 189).

Затем, даже если бы возможно было установить какую-нибудь теорию в этом отношении, все-таки наши заключения о гебраизмах были бы далеко не тверды. Всякий филолог знает, как трудно доказать с уверенностью, что какой-нибудь необычный факт языка, переданный нам в рукописях древнего автора, невозможен; и в истории классической филологии не раз бывали случаи, что критики очень ученые признавали невозможным то, что потом оказывалось вполне правильным. Ошибаются в этом отношении не только новые ученые, но ошибались даже и древние аттикисты, у которых в распоряжении было гораздо более произведений древней литературы: так, например, они учили, что конструкция ἀκολουθεῖν μετὰ τινος неправильная (*Phrynichus*. Ecl., с. 458 по изд. Rutherford'a), а между тем, она у аттических писателей попадаетсся нередко. Более надежны наши суждения в грамматических вопросах (и то далеко не всегда); но в лексических вопросах они всегда проблематичны: ввиду того, что до нас дошла лишь ничтожная часть всей греческой литературы, никогда нельзя сказать с уверенностью, что какое-нибудь слово, встречающееся в наших текстах только один раз (так наз. ἄλλ᾽ εἰρημένα), или необычное значение какого-нибудь слова не существовали в языке: они могли встречаться в не дошедших до нас текстах. Почти у каждого автора найдутся ἄλλ᾽ εἰρημένα: это не значит, что он их сочинил, может быть даже, это были вовсе не очень редкие слова в языке, но просто лишь по игре случая они встречаются в дошедших до нас сочинениях только один раз. Наконец, если бы даже мы могли доказать, что какое-нибудь слово ни в одном письменном памятнике не встречалось, все-таки нельзя было бы сказать с уверенностью, что оно не могло существовать в языке, раз только оно не противоречит законам его: оно могло быть в разговорном языке и случайно не попасть в письменность; к тому же, всякий живой язык способен к такому бесконечному творчеству, что всегда может создать новое слово по аналогии со старыми, и такое слово будет вполне законным его элементом.

Таким образом, назвать гебраизмом какое-нибудь библейское слово или необычное значение его только потому, что оно неизвестно нам из других греческих текстов, мы не имеем права. Притом же, старые гебраисты судили о библейском языке с точки зрения классического (припомним вышеприведенное на с. 37 выражение Эрнести: «заимствовано у *лучших писателей*»), т.е. считали гебраизмами те явления, которые чужды классическому греческому языку, но близки к еврейским. Так как теперь доказано, что в основе библейского языка лежит не классический, а $\kappa\omicron\iota\nu\eta$, и притом не литературная, а разговорная, то, конечно, все старые суждения о гебраизмах не имеют никакого значения. Поясним это сравнением. Предположим, что вся наша теперешняя литература погибла бы, а сохранилось бы только несколько комедий, переведенных с немецкого, и несколько комедий оригинальных, написанных каким-нибудь обруселым немцем. Если бы какой-нибудь ученый через 2000 лет стал сравнивать язык этих комедий с языком Несторовой летописи, «Слова о полку Игореве» и других произведений древней русской литературы, то он нашел бы огромную разницу в языке и, может быть, стал бы считать все несогласия языка комедий с языком древним — германизмами; но разве это было бы верно? Старые гебраисты делали совершенно такую же методическую ошибку, сравнивая библейский язык с аттическим и даже с гомеровским. Гебраисты XIX века знали, что основа библейского языка есть $\kappa\omicron\iota\nu\eta$, о составе которой (особенно в разговорной ее форме) до последнего времени нам почти ничего не было известно; и тем не менее они ухитрялись каким-то образом определять, какие элементы библейского языка — греческие, и какие — семитические. Каким же критерием они руководствовались? Новая школа гебраистов делает, пожалуй, еще большую методическую ошибку, чем старая: у тех было основание, хотя и ложное на самом деле, но которого они не считали ложным; а новые гебраисты продолжают пользоваться старым критерием, хотя и знают, что он ложный.

Они делают еще и другую, тоже важную методическую ошибку, отыскивая гебраизмы у LXX (и вообще в переводных сочинениях) и выводя из этого заключение об особом «иудейско-греческом языке». LXX дают перевод, иногда буквальный, иногда очень далекий, почти парафраз. Не считаясь с этими свойствами перевода, гебраисты делают двоякого рода ошибки:

1) В тех частях, которые переведены буквально, гебраизмы, если они и есть, не могут служить доказательством того, что переводчики говорили на гебраистическом греческом языке: при таком методе перевода конструкции подлинника, т.е. главным образом его синтаксические обороты, могли сохраняться в переводе даже и тогда, когда они чужды греческому языку. Но все-таки у LXX «обыкновенно не бывает совсем негреческих конструкций» (*Winer-Schmiedel. Gramm. d. N. T. C.* 29): например, лишь редко встречается еврейское употребление женского рода вместо греческого (и русского) среднего, как Пс. 117, 23 (= Мф. 21, 42; Мк. 12, 11) *παρὰ Κυρίου ἐγένετο αὕτη καὶ ἔστιν θαυμαστὴ ἐν ὀφθαλμοῖς ἡμῶν* «это — от Господа, и есть дивно в очах наших» (переводчик Псалмов вообще, по замечанию Шмиделя, один из наименее думавших). Таким образом, синтаксические семитизмы LXX являются следствием неправильного метода перевода и уважения переводчиков к подлиннику, но не могут быть доказательством того, что переводчики сами так говорили. Акила переводил уже совсем буква в буква, вовсе не заботясь о законах греческого языка, например, Быт. 1, 5 *ἐκάλεσεν ὁ θεὸς τῷ φωτὶ ἡμέρα* (LXX; правильно *τὸ φῶς ἡμέραν*) «назвал Бог свет днем»; но отсюда не следует, что Акила знал по-гречески еще хуже, чем LXX, ибо он был прозелит из греков. Если по буквальному переводу судить о языке самого переводчика, то пришлось бы допустить, что люди, переводившие Священное Писание и богослужебные книги с греческого на славянский язык, сами говорили на языке иудейско-греческо-славянском, потому что в славянском переводе найдутся и грецизмы в большом количестве (например, слово «дориносимый» или употребление родительного падежа в восклицании «о божественного,

о любезного, о сладчайшего Твоего гласа»), и гебраизмы, перешедшие из греческого текста (например, Мф. 21, 42 в старых текстах: «Отъ ба бысть си и есть дивъна въ очию нашею»). Доказательством того, что семитизмы в буквальных греческих переводах взяты прямо из оригинала, а не принадлежат языку самих переводчиков, может еще служить следующий факт. К книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, имеется пролог, написанный внуком автора прямо по-гречески, тогда как самый текст сочинения переведен этим внуком с еврейского. Замечательно, что между языком пролога и текста есть разница: в первом язык ничем не отличается от языка александрийского грека того времени; во втором он имеет семитическую окраску. Переводчик сам понимал, насколько отличается язык его перевода от обыкновенного греческого языка, на котором он говорил и писал в прологе. Он просит поэтому у читателей прощения в том, что некоторым он покажется слабым относительно выражений перевода, несмотря на свое старание, потому что еврейский текст при (буквальном) переводе на другой язык получает иной смысл: *παράκειλησθε — συγγνώμην ἔχειν ἐφ' οἷς ἂν δοκῶμεν τῶν κατὰ τὴν ἐριμνεσίαν πεφύλοπονημένων τισι τῶν λέξεων ἀδυναμεῖν· οὐ γὰρ ἰσοδυναμεῖ αὐτὰ ἐν ἑαυτοῖς ἑβραϊστὶ λεγόμενα καὶ ὅταν μεταχθῇ εἰς ἑτέραν γλῶσσαν*. То же самое явление мы замечаем в Евангелии от Луки: пролог его написан другим языком, чем самый текст, особенно в начальных главах: в первом случае апостол Лука писал от себя обыкновенным греческим языком; во втором он имел перед собой еврейский оригинал и старался близко передать его (см. *Ad. Deissmann. Bibelstudien. C. 63, 71*).

2) LXX часто не столько переводят, сколько истолковывают⁹. Упуская это из вида, гебраисты при сличении греческого текста с еврейским предполагают, что каждое греческое слово имеет буквально то же значение, как соответствующее еврейское, и при

⁹ Ср. замечание Оригена (*Field II, 803*) о том, что LXX перевели одно место, *sensum magis eloquii exponentes, quam verbum de verbo exprimentes* [излагая больше смысл высказывания, чем выражая (его) слово за словом.] (*Ad. Deissmann. Bibelstudien. C. 150*).

этом оказывается, что иное греческое слово должно иметь такое значение, какого оно вообще никогда не имеет; отсюда выводится заключение, что евреи употребляли это слово в таком смысле, в каком греки его не употребляли, и что, следовательно, иудеи говорили на особом греческом диалекте. Например, проф. *J. M. S. Baljon* в своем словаре (*Grieksch-theologisch woordenboek hoofdzakelijk van de oud — christelijke letterkunde. Utrecht, 1896*) приводит для слова ὄρμευθος у LXX значения: «оливковое, масличное дерево» и «кипарис». Еврейские названия этих деревьев передаются греческими переводчиками через ὄρμευθος; следовательно,— заключает Бальён,— ὄρμευθος у LXX имеет эти значения. Но на самом деле ὄρμευθος значит «можжевельник» как вообще в греческом языке, так и у LXX; «маслину» и «кипарис» LXX в переводе заменили «можжевельником», а не перевели. Думать, что иудеи могли обозначать на своем греческом диалекте одним и тем же словом два совершенно различных растения,— прямо бессмысленно (ср. также: о. проф. *Н. А. Елеонский. Очерки из библейской географии, I, 375 прим.*). То же самое произошло со словом χολή: в греческом языке оно всегда значит «желчь»; но комментаторы к Мф. 27, 34 ἔδωκαν αὐτῷ πλεῖν οἶνον (или ὄξος) μετὰ χολῆς μεμιγμένον, желая согласовать эти слова с Мк. 15, 23 ἐδίδουν αὐτῷ ἑσμουριμένον οἶνον, думают, будто χολή может означать вообще «горькое вещество», и ссылаются при этом на несколько мест из LXX, в которых χολή поставлено там, где еврейский текст имеет слово, означающее «ядовитое растение» (Втор. 29, 18; Пс. 68, 22), «горечь» (Втор. 32, 32; Иер. 8, 14; 9, 15; Плач 3, 20), «полынь» (Притч. 5, 4; Плач 3, 15). Но на самом деле χολή вовсе не имеет всех этих значений; а LXX, переводя свободно, подставили во всех приведенных местах по какой-то причине вместо еврейских слов, означающих разные горькие вещества, одно χολή, означающее «желчь», которая тоже горька и ядовита (по мнению их); но тем не менее самое слово χολή не значит ни «яд», ни «горечь», ни «полынь». В нашем славянском переводе мы имеем

такие же случаи замены одного, неизвестного, предмета другим, известным. В Быт. 41, 2 ἐβόσκητο ἐν τῷ ἄρῃ переведено по-славянски «пасяхуся по берегу». Согласно методу Бальёна, в словаре к славянской Библии для слова «берег» следовало бы отметить значение «тростник», «осока»; между тем, несомненно, что наши переводчики, не знавшие значения египетского слова ἄρῃ (см. о. проф. Н. А. Елеонский. Очерки из библейской географии, I, 414), или по какой другой причине, подставили здесь вместо него по смыслу слово «берег»; в Ис. 19, 7 они передали его просто «злак». То же случилось у Мф. 22, 19, где они «ославянили» монету динарий, подставив вместо нее «пенязь».

К числу неточностей перевода LXX относятся и те случаи, когда они, вместо перевода некоторых выражений, особенно каких-нибудь технических, дают переложение их на египетские нравы. Так, в книге Есф. 2, 21 упоминается чиновник, который носит в подлиннике титул «хранитель порога», но LXX передают этот термин через ἀρχισωματοφύλαξ «овер-телохранитель», «начальник телохранителей», а это был египетский титул высшего офицера, командовавшего царской гвардией при дворе Птолемеев, и затем вообще титул разных высших придворных чинов. Тут LXX египтизировали и подновили библейский термин, т. е. сделали то же самое, как если бы мы в переводе Библии передали этот титул, например, посредством «командир (шеф) лейб-гвардейского полка» или какого-нибудь древнего придворного назвали бы в переводе «камергером». Изображая нужду в стране, пророк Иоиль 1, 20 говорит, что высохли «источники»; LXX обращают эти источники в «каналы» (ἀφ᾽ ὧν ὕδατων), потому что для такой страны, как Египет, где каналы из Нила имеют то же значение, что источники в других странах, такое изображение бедствующей земли нагляднее. Равным образом, и слова «поток» и «река», когда они употребляются образно, иногда заменяются словом «канал» по той же причине. В книге Быт. 50, 2 сказано, что врачи набальзамировали тело Иакова, а LXX вместо «врачи» говорят ἐνταφιασταί, потому что

ένταφιαστῆς было техническим египетским выражением для членов корпорации, занимавшейся бальзамированием трупов.

При важных в религиозно-историческом отношении словах LXX еще более неблагоприятно сказывается вредное влияние механического сопоставления греческих слов с еврейскими. Возьмем для примера слово ἱλαστήριον. О нем в самых почтенных богословских сочинениях говорится, что у LXX или в «библейском» греческом языке оно «значит» то же, что еврейское kapporeth «крышка на ковчеге завета» (на которую кропил первосвященник жертвенной кровью в великий день очищения). Но, как показывает этимология этого слова и как подтверждают некоторые надписи, оно значит «предмет, которым умилоствуют». Когда LXX называют крышку ковчег завета ἱλαστήριον, то понятие «крышка» они не переводят, а заменяют другим понятием, которое объясняет священно-храмовое предназначение этого предмета. Крышка ковчег завета, правда, есть ἱλαστήριον, но из этого не следует, что слово ἱλαστήριον у LXX или у апостола Павла или где бы то ни было означает «крышка»; оно всегда и везде значит «предмет, которым умилоствуют»¹⁰. Большая часть так называемых «библейских» значений обыкновенных греческих слов обязана своим появлением в словарях просто такому механическому сопоставлению греческих слов с еврейскими.

Сказанное сейчас о языке LXX относится также и к другим переводам семитических оригиналов на греческий: с этой точки зрения надо судить не только о языке многих ветхозаветных апокрифов, но даже и о языке синоптических Евангелий, так как и они заключают в себе части, которые первоначально были задуманы по-арамейски.

Если мы будем следовать принципу умеренных — не считать гебраизмами тех явлений, которые можно объяснить из

¹⁰ Об этом см. *Ad. Deissmann* еще в «*Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*», IV (1903), 3. S. 193–212 и ср.: *P. Fiebig* и *G. Klein* *ibid.*, IV, 4. S. 341–343, 343–344; *S. Fraenkel* *ibid.*, V (1904), 3. S. 257–258, а также проф. *C. Bruston* *ibid.*, VII (1906), I. S. 77–81.— *Н. Н. Г.*

греческого языка, если будем сравнивать библейский язык не с аттическим, а с *κοινή*, и если не будем судить о гебраизмах на основании переводов с семитического, то уже и тогда окажется, что число предполагаемых гебраизмов очень невелико и что принадлежат они почти исключительно религиозной области. А так как изучение *κοινή* только что еще началось, то можно надеяться, что в будущем число их окажется совсем ничтожным. Блаж. Иероним по крайней мере, как мы видели (с. 31), находил, что «слов, звучащих по-новому, гораздо меньше в стольких книгах Писания, чем Цицерон собрал их в своем маленьком труде»; а он под «словами, звучащими по-новому», понимает, конечно, не только гебраизмы, но и чисто греческие новообразования. Но, во всяком случае, и теперь уже можно сказать с уверенностью, что никакого «иудейско-греческого наречия» не существовало: если даже и есть в библейском языке гебраизмы, то они показывают только, что это не вполне хороший греческий язык, но никоим образом они не могут служить доказательством того, что это — какой-то особый диалект греческого языка. Все эти семитизмы (в сочинениях, не переведенных с еврейского или арамейского) почти исключительно касаются лексической стороны языка; что же касается морфологии и синтаксиса, то они те же, что и в *κοινή*, т. е. вполне греческие. Если бы LXX и писатели Нового Завета говорили на жаргоне, то это непременно отразилось бы и на грамматике. До нас дошло несколько образчиков греческого языка, на котором говорили иностранцы, плохо владевшие им; таковы, например, нубийские надписи, где и морфология, и синтаксис негреческие: так, родительный падеж оканчивается на -ε, предлоги соединяются с любым падежом (*οὖν τῇ μητρὶ καὶ τῆς γυναικός*) и т.п. Ничего подобного у LXX и в Новом Завете нет; даже Акила употребляет артикль всегда правильно и применяет аттракцию относительного местоимения (*Winer — Schmiedel*, с. 29).

Отрицая существование «иудейско-греческого диалекта», мы не хотим этим сказать, что все иудеи говорили по-гречески хорошо. Несомненно, что из тех иудеев, для которых родным

языком был арамейский, а греческий был чужим (какими были иудеи палестинские), одни говорили по-гречески хуже, другие — лучше, со множеством градаций, причем каждый ломал настоящий греческий язык на свой лад, а одного общего для всех иудеев жаргона не было. Но у большей части иудеев рассеяния родным языком был греческий; еврейскому языку они учились уже после. Что эти иудеи-эллинисты говорили уже вполне настоящим тогдашним греческим языком, а не жаргоном,— это мы и старались доказать.

Однако влияние «еврейского духа», конечно, отразилось на Священном Писании; но оно сказывается не в языке, а в стиле вообще, в способе мышления и выражения. Например, греку чужды параллелизм мыслей Ветхого Завета, применение притчи в Новом Завете.

Критика догматической теории

Что касается догматической теории (с. 41–42), то и она имеет не более прав на существовании, чем гебраистическая. Хотя христианами были выработаны новые слова или старым словам были приданы новые значения, это не дает нам права думать о каком-то особом «христианском» диалекте греческого языка: особые слова и особые значения слов найдутся во всяком языке в разных областях труда и знания; но из этого не следует, что язык, например, моряков, военных и т.д. можно называть особым наречием. Греческая философия выработала тоже немало новых слов и придала новые значения многим старым словам; тем не менее никто не считает язык греческих философов особым диалектом греческого языка. Поэтому считать греческий язык христиан «совершенно особым религиозным наречием» так же неправильно, как считать русский язык после принятия русскими христианства отличным от русского языка раньше этого. Конечно, с принятием христианства и возникновением новых понятий, явились в русском языке новые слова, отчасти

прямо заимствованные у греков, например, «Евангелие», «диакон», «диавол» и др., отчасти переведенные с греческого или образованные вновь, например, «Богородица», «священник», «обедня», «вечерня», «утреня» и т. д.; а некоторые старые слова получили новое значение, например, «Господь», «часы»; может быть, вошли в употребление и некоторые новые конструкции. Однако, несмотря на такие многочисленные нововведения, никто не видит в христианском русском языке особого наречия; а между тем на русском языке эти христианские нововведения должны были отразиться сильнее, чем на греческом, потому что русский язык не был обработан литературно, так что христианству приходилось вводить в него понятия вообще культурные, а греческий язык и раньше был богат разными философскими терминами, которые надо было только приспособить к христианским идеям.

Теория проф. Адольфа Дейсмана

Против обеих теорий, касающихся языка LXX и писателей Нового Завета,— гебраистической и догматической, — выступил гейдельбергский [ныне берлинский] профессор богословия *Адольф Дейсман* (G. Adolf Deissmann) в своих сочинениях: *Bibelstudien*, 1895; *Neue Bibelstudien*, 1897; *Die sprachliche Erforschung der griechischen Bibel*, 1898 (переведено проф. Н. Н. Глубоковским в «Христианском Чтении» за 1898, № 8, с. 372–400); *Hellenistisches Griechisch* — статья в *Realencyclopädie von Herzog — Hauck*, t. VII 3, с. 627–639 и др. Его *Bibelstudien* должны составить эпоху в изучении библейского языка. Он первый восстал против обособления библейского языка от языка светского, показав при помощи папирусов и надписей на многочисленных частных примерах, что так называемые «христианские» или «иудейско-греческие» слова или мнимые семитизмы не самом деле были обыкновенными словами общего языка, и притом главным образом нелитературного.

В грамматическом отношении вообще почти не может быть и речи об особенных свойствах библейского греческого языка; но и относительно выбора слов, даже таких, по-видимому, чисто христианских, как, например, ἀγάπη «любовь» (в этическо-религиозном смысле), ἐπίσκοπος «епископ», πρεσβύτερος «пресвитер», Дейсман показал, что это не специально новозаветный язык, а только лишь дальнейшее развитие κοινή. Изыскания Дейсмана находятся еще в начале: весь запас слов LXX и Нового Завета далеко еще не исследован на основании памятников «общего языка». Поэтому пока мы еще не в состоянии (а во всех пунктах это, пожалуй, будет невозможно и вообще) сопричислить все явления библейского языка к κοινή. Но тот факт, что уже при первом ударе сделана брешь в старой гипотезе, позволяет нам надеяться, что наука скоро обратит в развалины все это здание.

Как мы сказали выше, Дейсман, видя в библейском языке κοινή, и притом в более близкой форме к разговорному языку, чем к литературному, основывает свои выводы главным образом на папирусах и надписях. На важность папирусов при изучении языка LXX указал еще *Thiersch* в 1841 г. (*De Pentateuchi versione Alexandrina libri tres*); пользовался ими и *Winer* в своей грамматике; но это были лишь слабые попытки; лишь в 90-х годах XIX века, благодаря тому, что наука обогатилась новыми находками папирусов в огромном количестве и их изданиями, на папирусы было обращено внимание ученых, и Дейсман первый сделал папирусы краеугольным камнем в изучении библейского языка.

Дейсман усиленно настаивает еще на необходимости при исследовании языка не представлять себе язык писаний Ветхого и Нового Заветов чем-то единым; напротив, необходимо прежде всего разграничить их на две большие категории — сочинений оригинальных, написанных прямо по-гречески, и переведенных с семитических оригиналов. Это деление не совпадает с делением на книги ветхозаветные и новозаветные, так как, с одной стороны, к памятникам переводным надо причислить первичные

документы синоптических Евангелий и, может быть, кое-что из Апокалипсиса Иоанна, а к греческим оригиналам — многие из так называемых апокрифов Ветхого Завета. Эти группы очень сильно различаются между собой по характеру языка; для примера можно сравнить 2-е послание апостола Павла к Коринфянам с греческой Псалтирью. Оригинальные греческие сочинения суть памятники греческого языка, на котором действительно греки говорили, а в переводах — язык искусственный, книжный, сделанный для данного случая, подражающий в большей или меньшей степени, сознательно или бессознательно, особенностям чуждого ему оригинала; но эта зависимость от оригинала могла оказать влияние только на образование новых выражений, т.е. сочетаний слов, и на синтаксис, но никак не могла повести к сочинению новых слов, или к изменению значений старых слов, или на морфологию (но и в синтаксисе переводных сочинений, как мы говорили (с. 55), вовсе негреческих конструкций нет). Язык перевода LXX был настолько искусственным и далеким от живого, что даже чтение Торы каждую субботу на греческом языке в «рассеянии» и научное изучение труда LXX не могли дать ему жизни у слушателей и читателей, как показывает то ничтожное влияние, какое он оказал на язык апостола Павла и Филона. Всего лишь 2–3 оборота, обратившиеся в формулы, да несколько легко запечатлевающих конструкций перешли в торжественный, архаизирующий религиозный язык.

Даже и внутри указанных двух больших групп есть заметные различия. Переводы сделаны не одной рукой и не по одинаковому методу: например, слова Христа в Евангелиях в общем переведены лучше, чем многие части LXX. Какое своеобразие язык Евангелия и посланий св. Иоанна представляет хотя бы по сравнению с посланием к Евреям! Таким образом, язык у разных писателей Ветхого и Нового Заветов различен — так же, как он различен у светских авторов. Мнение о том, что библейский язык представляет собой нечто единое, произошло оттого, что

филологическую точку зрения смешивают с религиозной. С религиозно-исторической стороны священные тексты представляют, действительно, нечто единое, как документы и памятники двух фаз, которые не могут быть отделены одна от другой. Это бесспорно — так же, как и то, что мысли, понятия, дух греческого Ветхого и Нового Заветов родственны между собой и резко отличаются от верований греко-римского язычества. Но это единство их с религиозно-исторической точки зрения не дает нам права делать заключение и о единстве языка во всех ветхозаветных и новозаветных писаниях. Общее в их языке лишь то, что они почти все суть памятники позднейшего греческого языка, и притом, нелитературного.

Дополнение проф. Альберта Тумба к теории Ад. Дейсмана

Ясно, что для изучения библейского языка необходимо главным образом изучение разговорной *κοινή*. Мы уже говорили о том, что изучать ее можно как на основании древних памятников безыскусственной письменности (папирусов, надписей и др.), так еще и обходным путем — посредством заключения от теперешнего новогреческого языка к родоначальнику его — эллинистическому. На важность этого источника также и для изучения библейского языка указал проф. *Albert Thumb* в сочинениях: *Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus* (Strassburg, 1901. S. 123) и *Die Sprachgeschichtliche Stellung des biblischen Griechisch* в «*Theologische Rundschau*», V, 3 (за март 1902 г. S. 85–99), (переведено проф. Н. Н. Глубоковским в «Христианском Чтении» за 1902, № 7. С. 6–16, под заглавием «Греческий язык Библии» и пр.). Он доказывает свое мнение несколькими примерами. ὄνομα в значении «лицо» (один из мнимых гебраизмов) — на самом деле есть принадлежность эллинистического языка: это доказывают не только папирусы, но и новогреческий язык, в котором употребляется слово (ὀ)νομασία в значении «лица». Значение слова νύμφη «невестка»

при значении «невеста» Шмидель (Грамм., с. 27) выводит из еврейского kallâh, которое имеет оба эти значения; однако новогреческое νύφη «невеста», «молодая женщина», «невестка» доказывает, что и библейское νύφη в значении «невестка» есть не гебраизм, а чисто греческое явление.

Говоры в библейском языке

А priori надо предположить, что в языке LXX мы имеем александрийский (египетский) говор эллинистического языка, а в языке писателей Нового Завета — говор палестинский или малоазийский. Но разница между этими говорами в ту эпоху могла быть лишь ничтожной: сколько-нибудь заметное деление общего языка на диалекты началось позже (см. выше, с. 20–22), а в ту эпоху κοινή была поразительно однообразна. Данное наблюдение очень поучительно для нас в методологическом отношении: через это, например, мы имеем право объяснять форму или значение слова у малоазийца апостола Павла на основании греческого текста из Египта. Решение вопроса о таком тонком диалектном различии между языком LXX и Нового Завета на основании рукописей невозможно: так как наши рукописи принадлежат к позднему сравнительно периоду, когда уже диалекты в κοινή обозначились яснее, то в рукописном предании Библии совсем нет единства; в каждой рукописи обнаруживается влияние позднейшего говора самого писца, времени и местности, где она возникла; а иногда, может быть, в рукописях первоначальные вульгаризмы исправлялись на основании грамматических правил аттического диалекта, когда вошел в большую моду аттицизм.

Общие выводы

Подведем итоги всему сказанному нами о библейском языке.

1) Язык LXX и Нового Завета в общем есть эллинистический в нелитературной его форме; насколько он близок к

обыкновенному разговорному — сказать трудно; но так как всякий письменный язык отличается от разговорного, то надо думать, что библейский язык занимает положение среднее между *κοινή* литературной и разговорной.

2) Язык отдельных писаний Ветхого и Нового Заветов неодинаков: в переводных сочинениях он имеет семитизмы, попавшие из оригинала вследствие стремления переводчиков передавать текст буквально; в оригинальных сочинениях язык свободен от семитизмов, за исключением цитат или некоторых выражений, обратившихся в формулы, взятых из сочинений переводных. Но, кроме того, язык каждого писателя в отдельности имеет отличия от языка другого.

3) Как велико число семитизмов, нельзя определить с совершенной решительностью, отчасти потому, что понятие о семитизме точно не установлено, отчасти же потому, что эллинистический нелитературный язык недостаточно изучен.

4) «Иудейско-греческого диалекта», на котором будто бы говорили иудейские эллинисты, не существовало, равно как не было и специального «христианско-греческого языка».

Глава III. Особенности библейского языка сравнительно с аттическим

Дадим теперь краткий обзор языка LXX и Нового Завета. Так как этот язык в основе своей есть эллинистический, то это будет обзор эллинистического языка, основанный только на материале, взятом из писаний Ветхого и Нового Заветов. Если бы существовали у нас руководства к изучению эллинистического языка вообще, то в подобном обзоре почти не было бы надобности; но наше знание греческого языка есть почти исключительно знание аттического литературного языка, а потому, чтобы составить себе представление об эллинистическом языке, нам приходится сравнивать его с известным нам аттическим. При этом надо заметить, что, указывая на разницу между эллинистическим и аттическим элементами, мы не можем с полной уверенностью сказать, что такого-то явления у аттиков не существовало, потому что и аттический диалект мы знаем все-таки очень несовершенно, особенно разговорную его форму, из которой главным образом и вышла κοινή; говоря об отсутствии того или другого явления в аттическом, мы этим говорим только то, что в известных нам доселе памятниках аттического наречия этих явлений не найдено.

Особенности языка LXX и Нового Завета удобнее всего изложить по связи с разными элементами, входящими в его состав, а именно:

I. «общий греческий язык»;

II. латинские и и другие иностранные элементы;

- III. семитические элементы;
- IV. христианские элементы;
- V. особенности отдельных писателей.

Особенности первых трех категорий могут быть разделены на:

А. лексические, к которым относятся:

- а) новые слова;
- б) новые значения слов;

Б. грамматические; к которым относятся:

- а) особенности морфологические;
- б) особенности синтаксические.

I. «Общий греческий язык»

А. Особенности лексические

а) *Новые слова.* Собственно новых слов, совсем неизвестных нам из аттического, т.е. слов с неизвестными нам корнями, очень мало; огромное большинство новых слов — или производные, или сложные, образованные совершенно правильно с аттической точки зрения, по старым типам, так что они составляют продукт только дальнейшего развития аттического языка.

Таковы:

1) *Глаголы* на -όω, произведенные от имен: ασφαλτόω (от ἄσφαλτος *смола*) *осмоляю*, ἀθώω (от ἄθωος), ἀναστατόω (от ἀνάστατος), ἀνακαινόω, ἀποδεκατόω, ἀφυπνόω, διηλόω, δολιόω, δυναμόω (ἐνδυναμόω, ὑπερδυναμόω), ἐγκλοιόω, θεμελιόω, καλλιόω, κεφαλαίόω, κραταίόω, μαδαρόω, μοτόω, μυελόω, νεκρόω, περισιαλόω, περιχαλκίω, σαρόω, σθενόω, φατνόω, χαριτόω, ὠραιόομαι.

На -έω — по большей части сложные [с приставками]: (простой — δυνατέω), ἀγαθοποιέω *делаю добро*, ἀγαθοεργέω, ἀθετέω, ἐκδικέω, ἐξουθενέω, ἐργοδιωκτέω, ἑτεροζυγέω, εἰκληματέω, λατομέω, λιθοβολέω, λογομαχέω, ὀλιγοψυχέω, πολυπληθέω, πρωτοτοκέω, συμποδέω, τιμογραφέω, χωροβατέω.

Ha - ἰζω, после -ι- на - ἄζω : αἰρετίζω, αἰχμαλωτίζω, ἀκουτίζω, ἀναθεματίζω, ἀνεμίζω, ἀποκεφαλίζω, δειγματίζω, δογματίζω, ἐκμυελίζω, ἐνθρονίζω, ἐξεικονίζω, ἐπιφυλλίζω, θεατροίζω, ἱματίζω, ἰουδαίζω, καταστραγγίζω, κερατίζω, (ἐκ)μυκτηριζώ, ὀρθρίζω, πελεκίζω, προσσιελίζω, (δια)σκορπίζω, σμυρνίζω, σπλαγχνίζομαι, συμμορφίζω, φυλακίζω, χωματίζω, ὠραίζομαι; ἀγιάζω, ἀκηδιάζω, εἰσοδιάζομαι, ἐνταφιάζω, ἐξηλιάζω, ἐξιχνιάζω, θυσιάζω, ὁμοιάζω, σινιάζω.

Ha - εὖω : αἰχμαλωτεύω, ἀλειεύω, ἀποδεσμεύω, ἀφρονεύομαι, γυμνητεύω, διδυμεύω, ἡμισεύω, κωφεύω, λαξεύω, λοιμεύομαι, μεσιτεύω, (ἐξ)ολεθρεύω, παγιδεύω, παραβολεύομαι, περπερεύομαι, πρωτοτοκεύω, φυγαδεύω, χωνεύω.

Ha - ὑνω : ἀγαθύνω, σκληρύνω.

2) *Существительные*, произведенные от глаголов:

Ha - μός, обозначающие действие, по большей части от глаголов на -ίζω и -άζω: ἀγιασμός (от ἀγιάζω) *освящение, очищение*, ἀγορασμός, ἀκριβασμός, ἀνατιναγμός, ἀποσκορακισμός, ἀπωσμός, ἀρπαγμός, βαπτισμός, βρυγμός, γελοιασμός, γλυκασμός, γογγυσμός, γομφιασμός, διαμερισμός, (ἀπ)ελεγμός, ἐμπαιγμός, ἐνταφιασμός, ἐξιχνιασμός, ἑτασμός, θλιμμός, μυκτηρισμός, νυσταγμός, οἰωνισμός, ὄνειδισμός, παροργισμός, πειρασμός, ῥαντισμός, σαββατισμός, σωφρονισμός, ὑποσκελισμός.

Ha - μα, по большей части обозначающие результат действия, но также и само действие (что выражается главным образом окончаниями -σις и -μός), а иногда употребляющиеся и в разных других значениях, производятся от любых глаголов: ἀγαλλίαμα (от ἀγαλλιάω *радыюсь*) *предмет радости, радость*, ἀγαυρίαμα, ἀγνόνημα грех, ἀθέτημα, αἰτίωμα, ἀνταπόδομα (у аттиков ἀνταπόδοσις), ἄντλημα *орудие для черпания* (=ἀντλητήρ или ἀντλητής), ἀπαύγασμα, ἀπόκριμα (у аттиков ἀπόκρισις), ἀποσκήμα, βάπτισμα (несколько отличается от βαπτισμός, которое никогда не употребляется о крещении Иоанновом, а о христианском употреблено только в послании к Колоссянам 2, 12 в значении), ἐμπαιγμα (отличается от ἐμπαιγμός тем, что последнее означает

только действие *пору́гание*, а первое включает в себе и результат этого действия — *шутка, насмешка*), ἔμπτυσμα, ἐξέρομα, ἐπίβλημα, ἐπίσαγμα, ἡμίσευμα, ἥττημα, θέλημα, θέμα, ἱεράτευμα, ἴνδαλμα, κάθεμα (от καθίμι спускаю), собств. *спущенный вниз предмет* — *шейная цепочка*, κατάκριμα, κατάλειμμα, κατάλυμα (от καταλύω *останавливаюсь*) *место остановки, гостиница*, κατόρθωμα, νύσταγμα, παράπτωμα, πρόσκομμα, πρόχωμα, σμήγμα, τηλαύγασμα, ὑπόθεμα, ὑποσκέλισμα (то же что ὑποσκελισμός), ὑποστήριγμα, φαλάντωμα, φαλάκρωμα.

На - σις, отвлеченные существительные, обозначающие действие, по большей части от глагольных основ на гласную, реже от глагольных основ на согласную, но не от глаголов на -ζω, от которых существительные в большинстве оканчиваются на -σμός: ἀθέτησις (от ἀθετέω) *уничтожение*, ἀνάβλεψις, ἀνάνευσις, ἀποκάλυψις, βίωσις, γόγγυσις (от γογγύζω, попадающее только один раз в Чис. 14, 27 вместо обычного γογγυσμός), γρηγόρησις, ἐκδίκησις, ἔκνηψις, ἐπιτόθησις, ἔτασις, θέλησις, θλίψις, κατάνυξις, κατάρασις, πεποιθήσις, πρόσκλισις, πρόσχυσις, ὑέροψις.

На - εῖα от глаголов на -εύω: ἀρεσκεία (от ἀρεσκεύομαι) *желание нравиться*, ἐριθεία, ἐστιατορεία, ἱερατεία, μεθοδεία, φυγαδεῖα (от φυγαδεύω).

На - μονή: ἐπιλήσμονή (от ἐπιλήσμων), πεισμονή (от πείθω).

Без суффикса: οἰκοδομή (древнее οἰκοδομία или οἰκοδόμημα), ἀναζυγή *снятие с лагеря*, ἀπαντή, ἀποκρυβή или ἀποκρυφή, βροχή, γλυφή, ἐπιγονή, ἐπισκοπή, κοπή, παρεμβολή.

На - τηс, обозначающие действующее лицо: αἰνιγματιστής *говорящий загадками*, βαптиστήс (от βαπτίζω), βιαστήс (от βιάζομαι), γελοιαστήс, γνώστηс, γογγυστήс, διώκτηс, δότηс (древнее δοτήρ), ἐκδικητήс, ἑλληνιστήс (от ἑλληνίζω *говорю по-гречески*) *говорящий по-гречески (иностранец)*, ἐνταφιαστήс, ἐνυπνιαστήс, ἐξουσιαστήс, ἐπισπουδαστήс, ἐρεθιστήс, εὐαγγελιστήс, ἱατήс (древнее ἱατρός или ἱατήρ), κερατιστήс, λυτρωτήс, μεριστήс, πειρατήс, προσκυνητήс, πυρωτήс, ραφιδευτήс, τειχιστήс, χωνευτήс; такие слова образуются почти так же легко, как глагольные

формы. Особняком стоят: ἐπενδύτης *верхняя одежда* и ὑποδύτης *исподняя одежда* от ἐπενδύω и ὑποδύω, обозначающие не лица, но вещи, а также ἐρημίτης *отшельник* и μεσίτης *посредник*, происходящие не от глаголов, а от прилагательных ἐρημος и μέσος.

На - τ η ρ, обозначающие орудие: ἀναλημπτήρ (от ἀναλαμβάνω) *то, чем можно брать, черпак*, ἀρτήρ (от αἶρω) *орудие, с помощью которого носильщики поднимают и носят тяжести*, διωρτήρ или διωστήρ, ἐπαρυστήρ, λουτήρ *умывальник*, ὄνυχιστήρ, σφαιρωτήρ, ὑποχυτήρ.

На - τ ῆ ρ ι ο ν, обозначающие место или орудие: ἀκροατήριον (от ἀκροάομαι *слушаю*) *место для слушания, зал суда*, ἱλαστήριον *предмет, посредством которого умилоствуют, крышка ковчега завета* (см. выше, с. 54), λαξευτήριον *орудие для разбивания камней*.

3) *Существительные*, произведенные от прилагательных:

На - ό τ η ς, отвлеченные, от прилагательных II склонения: ἀγιότης (от ἅγιος *святой*) *святость*, ἀγνότης (древнее ἀγνεία от ἀγνεύω), ἀδηλότης, ἀφελότης (от ἀφελής — образовано по аналогии с предыдущими, так как существительные отвлеченные, произведенные от прилагательных III склонения на - η ς, обыкновенно оканчиваются на - ε ι α; у других писателей и здесь ἀφέλεια), γυμνότης, δολιότης, ματαιότης, μεγαλειότης; от существительных образованы: ἀδελφότης (от ἀδελφός *брат*) *братство* (в конкретном смысле), θεότης (от θεός) *состояние божества, божественность*, λοιμότης (от λοιμός) *моровая язва*.

На - σ ύ ν η, отвлеченные, от прилагательных III склонения на - ω ν: ἐλεημοσύνη (от ἐλεήμων *милосердный*) *милосердие*; в Новом Завете по большей части в конкретном смысле — *милостыня*; μεγάλωσύνη, ταπεινοφροσύνη; от прилагательных II склонения: ἀγαθωσύνη, ἀγιωσύνη.

На - ι α, отвлеченные: ἀβροχία (от ἄβροχος) *бездождие*, αἰχμαλωσία (от αἰχμάλωτος), ἀποικεσία (от ἀποικέω, параллельная форма к ἀποίκησις) *выселение*, ἐκλιμία (от λιμός) *голод*, ἐλαφρία, παραφρονία (от παράφρων).

4) *Существительные* от существительных:

Женского рода на -ισσα: μαγείρισσα (от μάγειρος повар) повариха, Συροφοίνικισσα или Συροφοίνισσα (от Συροφοίνιξ сиропфеникиянка).

Уменьшительные на -ιον, -ίδιον, -άριον, -ισκος, -ισκη: αἰγίδιον (от αἶξ козел, коза) козленок, ἀρνίον, βιβλαρίδιον (уменьшительное от уменьшительного βιβλάριον, а последнее от βίβλος), γυναικάριον (в презрительном смысле), δορκάδιον, ἐρίφιον, θυγάτριον, ἰχθύδιον, κλινάριον, κλινίδιον, κοράσιον, κινάριον, ὄναριον, ὀψάριον, περὺγιον, ψιχίον (от ψῖξ), ὥτιον или ὠτάριον (от οὖς); -ἀσπιδίσκη, βασιλίσκος (от βασιλεύς). Некоторые из этих слов потеряли уменьшительное значение, например, ὠτάριον или ὥτιον ухо.

На -ιον не уменьшительные, по большей части произведенные от существительного с приставкой: ἐμπλόκιον (от ἐμπλοκή, которое от ἐν и πλέω *плету*) *украшение, вплетенное в волосы*, εἰσόδιον, ἐνώπιον (от ἐν и οὖς) *серьга, ἐξόδιον, ἐπικύμιον, καθόρμιον, περιβώμιον, περισπόριον, περιστήθιον, περιστόμιον, ὑποπόδιον, ὑποτίθιον, φρύγιον*.

На -εῖον, обозначающие место: εἰδωλεῖον (от εἰδωλον идол) *капище, ἀσταρτεῖον капище Астарты*.

На -ών, обозначающие место: ἀμπελὼν *виноградник*, ἀφεδρὼν *отхожее место*, κοιτὼν *спальня*, λυτρὼν *спальня*, μελισσὼν *улей*, ῥοὼν *гранатовый сад*, σιτοβολὼν *житница*, συνκὼν *фиговый сад*, φοινικὼν *место, засаженное финиковыми пальмами*.

5) *Прилагательные*, произведенные от имен или причастий:

На -ιος: ἐπιούσιος¹¹, περιούσιος.

На -ικός (после -ι- на -акός): κυριακός, σαρκικός.

На -ινός, обозначающие время: ὀρθρινός *утренний* (классическое — ὀρθριος) αὐθημερινός, καθημερινός (от καθ' ἡμέραν) *ежедневный* (классическое — καθημέριος, но уже у аттиков μεθημερινός), ταχινός (от τάχα, ταχέως).

В эллинистическом языке LXX и Нового Завета очень много слов *сложных* — сравнительно еще больше, чем в классическом.

¹¹ Об этом слове см. еще у A. Bischoff в «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft», VII (1906), 3, S. 266–271. — Н. Н. Г.

Перечислять их было бы бесполезно, потому что греческий язык образует сложные слова совершенно легко — так же, как теперь немецкий, в противоположность латинскому и русскому, не любящим таких слов. Поэтому новые сложные слова едва ли можно даже назвать нововведением в языке. Например, с приставкой σύν- можно сложить любой глагол для обозначения совместного действия: βασιλεύω *царствую*, συμβασιλεύω *царствую вместе с кем*¹². Поэтому давать список новых сложных слов LXX и Нового Завета было бы бесцельно. Укажем лишь несколько слов, более примечательных: αἱματεκχυσία (от αἷμα — ἐκ — χέω) *кровопролитие*, ἀλλοτριοεπίσκοπος *тот, кто вмешивается в чужие дела*¹³, ἀμφοτεροδέξιος *проворный*, ἀνθρωπάρεσκος *человекоугодник*, ἀροτρόπους (от ἄροτρον — ποὺς) *сошник*, γραμματοεισαγωγεὺς *глашатай*, δωροδέκτης (от δῶρον — δέχομαι) *мздоимец*, εἰδωλολατρεία, ἐργοδιώκτης, ζωογονέω, καλοποιέω, λιθοβολέω, νυχθήμερον, οἰκοδεσποτέω, πατροπαράδοτος, ποταμοφόρητος.

Совсем новых слов *непроизводных и несложных* (или по крайней мере таких, которых части не сразу видны) очень немного, например, αἰθάλη *пепел*, ἄκαν (= классич. ἄκανθα) *терн*, ἀκροβυστία *крайняя плоть* (по-видимому, искаженное сложное слово ἀκρο — ποσθία), ἀλισγέω, ἀμόρα, ἀμφίταπος, ἀπτάκης или ἀπτακός, βούβαλος, γλεῦκος, γογγύζω, γρηγορέω, διαβάθρα, δράξ, ἐργήγορος, ἐγκρίς, ἐνώπιον, θλαδίας, καμψάκης, καρπάσινος, κάρταλλος, κοιλάς, λικμός, λογία, μέσακλον, ὀπήτιον, ῥογάς, ῥάδαμνος, ῥαφίς, ῥεμβάς, ῥεμβω, σκοταμήνη, σπίλος, στήκω, στρηνιάω, χάρτης, χυδαῖος, ὤα, ὠμία.

Некоторые слова LXX и Нового Завета, хотя и древние, но известны нам не из аттического, а из *других диалектов*.

¹² О более трудном и однажды встречающемся в Библии (Еф. 3, 6) σύνσωμος (а также ο συνκληρονόμος и συνμέτοχος) см. *Erwin Preuschen* в «Zeitschrift fur die neutestamentliche Wissenschaft», I (1900), 1, S. 85–86.— *Н. Н. Г.*

¹³ Об этом слове см. еще у *A. Bischoff* в «Zeitschrift fur die neutestamentliche Wissenschaft», VII (1906), 3, S. 271–274.— *Н. Н. Г.*

Исследователи библейского языка, кажется, склонны думать, что LXX и писатели Нового Завета брали эти слова сами непосредственно из разных диалектов в силу тех или других соображений. Так, проф. *И. Н. Корсунский* писал: «Но по местам LXX избирают и формы других диалектов взамен форм аттического диалекта, очевидно пользовавшихся предпочтительным употреблением в κοινή διάλεκτος их времени, или же употребляют и формы одного и формы другого из диалектов древнегреческого языка по тем или иным соображениям их пригодности для выражения тех или других понятий еврейского кодекса ветхозаветных священных книг и по мере их употребления в народном устном или литературном обиходе того времени («Перевод LXX», с. 139). У него же (с. 143): «Эту форму (νῆτρον), которую еще Фриних считал эолической, ... LXX толковников предпочли ионической и аттической ... форме λίτρον». Такое мнение о непосредственном заимствовании библейскими писателями слов из разных диалектов ради каких-то особенных целей должно быть признано ошибочным. Κοινή, как мы видели (с. 15–17), приняла некоторые слова и формы из диалектов, всего более из ионического, и, несомненно, те диалектные слова и формы, какие мы находим у библейских писателей, принадлежали самому «общему языку», на котором говорили и писали библейские писатели.

Так, из *ионического* диалекта κοινή заимствовала следующие слова, которые мы находим в книгах Ветхого и Нового Заветов: γογγύζω (вместо аттического τονθορῦζω), ῥήσσω (вместо ῥήγνυμι), προνής (вместо προνής), βαθμός (вместо βασμός), σχορπίζω (вместо σκεδάννυμι). Равным образом, ионическому диалекту принадлежат формы с ρσ, вместо чего у аттиков было ρρ; таковы в библейском языке ἄρσῃν вместо ἄρρῃν, ταρσός вместо ταρρός, μυρσίνη вместо μυρρίνη; однако относительно ρс и ρρ эллинистический язык не был вполне последователен: так, у LXX и в Новом Завете употребляются и θαρρέω, и θαρσέω. Что такое колебание было действительно в κοινή,— это доказывают и папирусы, и

новогреческий язык, в котором соответствующие слова являются то с ρσ, то с ρρ. Точно так же не было последовательности в κοινή относительно употребления форм с σσ и ττ: вообще говоря, ионические формы с σσ получили в эллинистическом языке перевес над аттическими формами с ττ, но это бывало не во всех случаях: так, в библейском языке с σσ — θάλασσα, πράσσω, ταράσσω, περισσός, νεοσσός; но ἐκπλήσσομαι и ἐκπλήττομαι (1 раз); ἐλάσσω и ἔλαττον, ἐλαττονεῖν, ἐλαττοῦν; ἥσσον, ἥσσωθητε и ἥττημα, ἥτῃσθαι; κρεῖσσον и κρεῖττον, κρεῖττων. Соответственно этому всегда ион. σήμερον вместо атт. τήμερον. Эллинистическая форма νῆτρον у LXX попала в κοινή тоже не из аттического наречия, где было λίτρον, а из какого-нибудь другого, может быть, эолического, может быть, ионического. Вместо атт. λεώς, νεώς как эллинистический язык вообще, так и LXX и Новый Завет в частности имеют формы λαός, ναός; но аттическая форма ἰλεως удержалась. Вероятно, благодаря воздействию ионического диалекта на κοινή в последней употребляются иногда не сокращенными [не слитными] формы, которые у аттиков всегда сокращались [были слитными]; таковы в библейском языке: νεομηνία (вместо атт. νουμηνία), ἀγαθοεργεῖν; во II склонении: ὅστέα, ὅστέων, но ὅστοῦν; χρυσέων, χρυσέους, χρυσέας наряду с сокращенными [со слитными]; в III склонении: χειλέων, но ἐτών; в спряжении глаголов на -έω: ἐδέετο вместо ἐδεῖτο. Влияния других диалектов, кроме ионического, на эллинистический язык, как он представлен у LXX и в Новом Завете, следов почти нет: доризмами можно считать только разве слово ὄρνιξ (вместо атт. ὄρνις), ἡ λιμός (вместо ὁ λιμός).

Многие слова, употребляемые у LXX и в Новом Завете как обыденные, мы встречаем в более древнюю эпоху только в поэзии. Проф. *И. Н. Корсунский*, указывая на то, что и классическая проза находилась под влиянием поэзии, полагает, что «LXX толковников, дабы выразить многие понятия, для

которых в выработанной до них прозе не доставало многих выражений, обильно пользовались из того же источника». Это едва ли верно, так как: 1) трудно допустить, чтобы LXX и писатели Нового Завета были знакомы с древней греческой поэзией; 2) как мы говорили выше (с. 17), такие поэтические слова употреблялись в живом эллинистическом языке, как самые обыкновенные. Надо думать, что такие поэтические слова попали в библейский язык не из древней поэзии, а из живого языка. Таковы слова у LXX и в Новом Завете: ἀλέκτωρ, ἄμωμος, ἀρμόζω *выдаю замуж*, βαρέω вместо βαρύνω, βαστάζω, βρέχω, διαλαλέω, ἐνι вместо ἐνεστι, ἐντρέπομαι *стыжусь*, ἔριφος, εὐδοῶ, ζόφος, θαμβέω, καμνύω, κραταῖος, λαῖλαψ, μεσονύκτιον, ὀδηγέω, πειράζω, ῥάκος, ῥύομαι, σαργάνη, σαρόω, σκύλλω, στείρος, φαντάζω *делаю видным, показываю*, φημίζω, φλογίζω, ὠρύομαι.

б) Но в позднейшем греческом языке мы находим не только новые слова, но также и новые, неизвестные нам из аттического, значения слов, существовавших в аттическом. Таковы, например, у LXX и в Новом Завете слова: ἀνάκειμαι *возлежу за столом* (вместо *откладываюсь в запас, приношусь в дар*), ἀνακλίνομαι и ἀναπίπτω *ложусь за стол* (вместо *отклоняюсь, падаю назад*), ἀπεκρίθη *ответил* (атт. ἀπεκρίνατο *ответил*, ἀπεκρίθησαν *разошлись*), ἀποτάσσομαι *прощаюсь*, ἐρεῦγομαι *говорю* (вместо *меня тошнит*), ἐρωτῶ *прошу* (вместо *спрашиваю*), εὐχαριστῶ *благодарю на словах* (вместо *плачу благодарностью на деле*), παιδεύω *наказываю* (вместо *воспитываю*), παρακαλῶ *прошу* (вместо *призываю*), περισπῶμαι *я очень занят* (вместо *снимаю с себя*), σεβάζομαι *почитаю* (в смысле древнего σέβομαι, вместо *боюсь*), στέγω *выдерживаю* (вместо *покрываю*), συγκρίνω *сравниваю* (вместо *соединяю*), συνίστημι *показываю, доказываю* (вместо *помещаю вместе*), φθάνω *достигаю* (вместо *предупреждаю, делаю раньше*), χορτάζω *кормлю, насыщаю* (обобщенно; у древних — *кормлю животное, о человеке лишь с презрительным оттенком*), χρηματίζω *называюсь* (вместо

занимаюсь государственными делами), ψωμίζω кормлю (обобщенно; у древних — кормлю ребенка или молодое животное), γεννήματα плоды (у древних — рожденное, дети), δαίμων, δαιμόνιον злой дух (вместо божество вообще), δῶμα крыша (вместо дом), λαμπάς лампа (вместо факел), ξύλον живое дерево (у древних δένδρον живое дерево, ξύλον срубленное дерево), ὀψάριον рыба (у древних — всякое кушанье, кроме хлеба), ὀψώνιον жалованье (вместо провизия), πτώμα труп (вместо падение, упавший предмет), ὁρμή улица (вместо возвращение, нападение), σῶματα рабы (вместо тела), εὐσχήμων почтенный, богатый (вместо красивый).

В некоторых случаях утратилась аттическая разница между синонимами, так что вместо одних аттических слов вошли в частое употребление в эллинистическом языке другие, близкие к ним по значению. Так, «вижу» в языке LXX и в Новом Завете βλέπω или θεωρῶ (которые у аттиков значат «смотрю»), редко ὀρῶ; «увидел» — εἶδον (εἶδα) или ἐθεασάμην, а не ἐθεώρησα или ἔβλεψα; в perfectum ἑώρακα или τεθέαμαι; «увиджу» — ὄψομαι. «Иду» — πορεύομαι; исчезло βαδίζω и εἶμι с приставочными; последние употребляются только в более литературном слого у апостола Луки и в послании к Евреям; сохранилось еще причастие ἐπιούσα. Ἐρχομαι значит «иду», «прихожу», «ухожу» и имеет все формы настоящего и имперфекта, тогда как у аттиков оно имеет только indicat. praes. В смысле «ухожу» употребляется и πορεύομαι, но наиболее специальный глагол с этим значением есть ὑπάγω. Таким образом, οἱ ἐρχόμενοι καὶ οἱ ὑπάγοντες (Мк. 6, 31) значит «приходящие и уходящие» и равняется аттическому οἱ προσιόντες καὶ οἱ ἀπιόντες. Περιπατῶ, которое у аттиков значит «гуляю», в эллинистическом языке имеет гораздо более широкое значение «хожу» = атт. βαδίζω, περιέμι. В смысле «говорю» употребляется не только атт. λέγω, но и λαλῶ, которое у аттиков обыкновенно значит «болтаю». Τρώγω, имеющее у аттиков специальный смысл «гложу», «ем десерт», в κοινή имеет широкое значение «ем» (вообще). Εἶς употребляется также в значении аттического τίς или в значении πῶτος. Вместо

οὐδεὶς говорится также πᾶς οὐ. Прилагательное ἴδιος *собственный* получило в κοινή значение почти притяжательного местоимения *свой* (=атт. ἐαυτοῦ). Сверх того, много глаголов, бывших прежде обыкновенно переходными, в κοινή получили возвратное или среднее [медиальное] значение, например, ἀπορρίπτω *бросаюсь* (Деян. 27, 43), αὐξάνω или αὐξῶ *увеличиваюсь*, ἐνισχύω *получаю силы* (LXX и Деян. 9, 19), ἐπιβάλλω *падаю* (в лодку, о волнах) и др. Наоборот, некоторые средние [медиальные] глаголы получили переходное или даже причинное значение, например, βασιλεύω *делаю царем* (LXX), διψῶ и λεινῶ (Мф. 5, 6).

К лексическому отделу можно отнести также те случаи, когда в κοινή существительные имеют другой род, а иногда вместе с тем и другое склонение, чем в аттическом диалекте. Так, ἔλεος *милосердие* у классиков всегда мужского рода и II склонения, а в эллинистическом языке LXX и Нового Завета оно среднего рода и III склонения, хотя в рукописях и изданиях иногда попадают и формы мужского рода; также ὁ и ἡ ληνός *точило*, ὁ и ἡ λιμός *голод*, ὁ и ἡ βράτος *терновый куст*, ὁ и τὸ πλοῦτος *богатство*, ὁ и τὸ ζήλος *ревность*, τὸ νίκος и ἡ νίκη *победа*, τὸ δίψος и ἡ δίψα *жажда*. Некоторые слова имеют оба рода лишь во множественном числе: οἱ δεσμοί и τὰ δεσμά *узы*, οἱ στάδιοι и τὰ στάδια *стадии*.

Б. Особенности грамматические

В *грамматическом* отношении отметим лишь наиболее важные факты отличия «общего языка» от аттического.

а) Произношение. Произношение в κοινή изменилось сравнительно с аттическим и продолжало меняться с течением времени. Несомненно, были и местные различия в произношении. Но вопрос этот пока мало еще разработан. Папирусы дают нам некоторые указания относительно произношения в Египте; они исследованы в этом отношении в книге Ed. Mayser'a «Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolomäerzeit», 1906 [ср. «Христианское Чтение», 1902, № 7. С. 25].

б) *Этимология*¹⁴ [Морфология].

Имена существительные и прилагательные. В I склонении *род. и дат. падежи ед. ч.* слов на -ρα и -υῖα (которое произносилось как υα) оканчиваются у LXX и в Новом Завете на -ης и -η (вместо атт. -ας и -α), например, σπείρης, μαχαίρης, μαχαίρη, κυνομυίης, συνειδυίης. Обыкновенно тут видят ионизм; но, скорее, это — явление, образовавшееся в самой κοινή под влиянием аналогии; напротив, слова на -ρα и -ια (ἡμέρα, ἀλήθεια, μία) удерживают α во всем склонении ед. ч. Слова νοῦς и πλοῦς склоняются по III скл., как βοῦς: род. νοός, дат. νοί. В III склонении *вин. пад. ед. ч.* оканчивается иногда на -αν и -ην вместо -α и -η, например, у LXX (только в некоторых рукописях) αἶγαν (Чис. 15, 27), ἀκρίδαν (Исх. 10, 4), ἄνθρακιν (Иез. 28, 13), βασιλέαν (3 Цар. 1, 47), γυναῖκαν (Руфь 4, 12), ἐλπίδαν (Сир. 13, 6), κοιλάδαν (2 Цар. 5, 18), μερίδαν (1 Цар. 13, 24), νύκταν (Исх. 13, 21; 1 Цар. 14, 34), σκνίφαν (Исх. 8, 18), φρέναν (3 Мак. 5, 3), χεῖραν (1 Цар. 21, 8) — ἀσθενῆν (1 Цар. 2, 10), ἀσεβῆν (Пс. 9, 23); в Новом Завете (тоже лишь в некоторых рукописях): ἄρσεναν (Апок. 12, 13), ἀστέραν (Мф. 2, 10), Δίαν (Деян. 14, 12), εἰκόναν (Апок. 13, 14), μῆναν (Апок. 22, 2), χεῖραν (Ин. 20, 25), — ἀσεβῆν (Рим. 4, 5), ἀσφαλῆν (Евр. 6, 19), συγγενῆν (Рим. 16, 11), ὑγίην (Ин. 5, 11). Это не есть простое «прибавление -ν к окончанию -α винит. падежа» вследствие какого-то «усиления значения и употребления носовых звуков», как сказано у проф. И. Н. Корсунского (Перевод LXX, с. 396 и 386), но это -αν перенесено в III скл. из I, т. е. по аналогии, например, с ἡμέραν возникло χεῖραν, по аналогии с βορέαν возникло βασιλέαν, по аналогии с κριτήν возникло ἀσφαλῆν. Вследствие этого нельзя с точностью сказать, какое ударение надо ставить на этом -ην — облеченное ли (как оно было на окончании -η III скл.), или

¹⁴ «Этимология» — устаревший термин, соответствующий современному термину «морфология». В дальнейшем заменен современным термином. Другие, не употребляющиеся теперь термины, сохранены, но сопровождаются современными, заключенными в квадратные скобки. — *Прим. ред.-сост.*

острое (по аналогии с I скл.), а также, с каким ударением писать $\chi\epsilon\iota\rho\alpha\nu$ и т. п. — с обличенным ли (как в III скл.), или с острым (как в I скл.). От слов на $-\eta\varsigma$ III скл. вин. пад. на $-\eta\nu$ был и у аттиков, например, $\tau\rho\acute{\eta}\rho\eta\nu$, $\Delta\eta\mu\omicron\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu\eta\nu$, но только от $\beta\alpha\rho\upsilon\tau\omicron\nu\alpha$. Ввиду того, что $-\alpha\nu$ и $-\eta\nu$ являются в рукописях Ветхого и Нового Заветов только как вариант наряду с $-\alpha$ и $-\eta$, да и то в небольшом сравнительно числе случаев, издатели решают этот вопрос различно; несколько помогут для его решения папирусы и надписи, но едва ли много, так как и в них (по крайней мере в документах после Р. Х.) попадаетея и то, и другое окончание, иногда даже оба в одном и том же документе (в эпоху до Р. Х. такое $-\alpha\nu$ очень редко на папирусах).

Вин. пад. множ. ч. от слов на $-\epsilon\upsilon\varsigma$ оканчивается на $-\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ вместо $-\acute{\epsilon}\alpha\varsigma$, т. е. одинаков с именительным (вероятно, по аналогии с $\alpha\acute{\iota} \pi\acute{o}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ — $\tau\acute{\alpha}\varsigma \pi\acute{o}\lambda\epsilon\iota\varsigma$), как уже у аттиков в конце IV века до Р. Х. От $\tau\acute{\epsilon}\sigma\sigma\alpha\rho\epsilon\varsigma$ вин. п. тоже по большей части одинаков с именительным, как очень часто и на папирусах (по аналогии с несклоняемыми числительными). Наоборот, от слов на $-\upsilon\varsigma$ вин. пад. множ. ч. имеет окончание несокращенное [неслитное] $-\upsilon\alpha\varsigma$ (по аналогии с вин. пад. на $-\alpha\varsigma$ от согласных основ) — $\iota\chi\theta\acute{\upsilon}\alpha\varsigma$, $\beta\acute{o}\tau\rho\upsilon\alpha\varsigma$ (вместо атт. $\iota\chi\theta\acute{\upsilon}\varsigma$, $\beta\acute{o}\tau\rho\upsilon\varsigma$); также и от $\beta\omicron\upsilon\varsigma$ — $\beta\acute{o}\alpha\varsigma$ (вместо атт. $\beta\omicron\upsilon\varsigma$). От $\gamma\acute{\eta}\rho\alpha\varsigma$ дат. пад. $\gamma\acute{\eta}\rho\epsilon\iota$, как в ионическом диалекте (в атт. — $\gamma\acute{\eta}\rho\alpha$); однако эта форма едва ли заимствована из ион. диалекта: вероятно, вследствие неясного произношения окончания в именит. пад. $-\alpha\varsigma$, это слово перешло в склонение имен на $-\omicron\varsigma$ (как $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$), так что и род. пад. от него у LXX $\gamma\acute{\eta}\rho\omicron\upsilon\varsigma$, как $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon\varsigma$, а не $\gamma\acute{\eta}\rho\omega\varsigma$, как у аттиков. Подобным образом у нас слова на «-мя» (например, время) перешли в склонение слов на «-е» (как *поле*) вследствие неясности произношения, так что в просторечии род. пад. *время* (как *пóля*), дат. пад. *время* и т. д.

Двойственного числа совсем нет в $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ ни в склонении, ни в спряжении; оно исчезло еще у аттиков в IV веке до Р. Х. Но эллинизм пошел еще дальше в этом направлении и устранил и

другие понятия, указывавшие на различие между двойственным и множественным: *πότερος, ἑκάτερος, οὐδέτερος, μηδέτερος, πρότερος*; они все (кроме *ἕτερος*) были заменены словами, обозначающими множественность — *τίς, ἕκαστος, οὐδείς (οὐθείς), μηδείς (μηθείς), πρῶτος*.

В силу того же уничтожения различия между двойственностью и множественностью *превосходная степень* прилагательных на *-ατος* почти исчезла и была заменена сравнительной степенью (здесь, стало быть, наоборот, прежнее понятие множественности исчезло); сохранились лишь некоторые старые, твердо установившиеся, «окаменелые» формы превосходной степени — *ὑψιστος, ἐλάχιστος, πλεῖστος, μέγιστος, κράτιστος* (в зват. пад.), *ἥδιστα* (наречие), *τάχιστα* (наречие), *μάλιστα*. Но и они, может быть, уже не содержали в себе полного понятия превосходной степени и были близки по значению к положительной, как это видно из того, что от *ἐλάχιστος* образована сравнительная степень *ὁ ἐλαχιστότερος* в смысле превосходной (Еф. 3, 8). В *κοινή* появились новые формы степеней сравнения, не существовавшие в аттическом: *ἀγαθώτερος* (Суд. 11, 25 и 15, 2, хотя не во всех рукописях), *τάχιον, διπλότερος, μειζότερος, ἐλαχιστότερος, κατώτερος, ἐσώτερος, ἐξώτερος*.

Глаголы. Система спряжения не потерпела в эллинистическом языке больших изменений сравнительно с прежним, так как почти все классические формы залогов, наклонений, времен уцелели, за исключением двойственного числа. В частности, заметим следующее из библейского языка.

Слоговое приращение почти всегда отсутствует в *plusquam-perf.*, например, *πλειούνηισαν*, хотя есть и исключения, например, *ἐβέβλητο* (Лк. 16, 20), *ἐλεγέγραπτο* (Деян. 17, 23).

Временное приращение [количественное] иногда отсутствует в глаголах, начинающихся с *εἰ-, οἰ-, εὐ-*, например, *εἴξα, οἰκοδομήθη, εὐρίσκειν*, а кое-где в отдельных случаях даже в глаголах, начинающихся с краткой гласной (по большей части в глаголах с приставками), например, *ἀφέθησαν, ὄφελον*. В глаголах

с двумя приставками иногда бывает два приращения, например, παρεσυνεβλήθη (LXX), ἀλεκατεστάθη (Мф. 12, 13; Мк. 3, 5; Лк. 6, 10).

Относительно образования глагольных форм заметим, что некоторые глаголы на -ζω имеют основу на гортанный [заднеязычный] звук: νυστάζω — аог. ἐνύσταξα, παίζω — аог. ἐπαιξα, fut. παίξω (у атт. ἐπαισα, παίσομαι), βασιάζω — аог. ἐβάσταξα (LXX); στηρίζω имеет основу то на зубной [переднеязычный], то на гортанный [заднеязычный]: ἐστήρισα и ἐστήριξα, στερίσω (στεριῶ) и στηρίξω; наоборот, σαλπίζω имеет формы с основой лишь на зубной [переднеязычный] в противоположность аттическому: ἐσάλπισαν, σαλπίσω (σαλπῶ LXX).

Наиболее важным нововведением было *перенесение окончаний аориста I в аорист II и имперфект*. Началось это явление еще у аттиков в формах εἶλα (при εἶλον) и ἦνεγκα (при ἦνεγκον). Но в эллинистическом языке это явление получило широкое распространение; в библейских текстах оно чаще встречается у LXX, чем в Новом Завете. Однако и в Новом Завете этот процесс еще не был закончен (позднее он пошел еще дальше и устранил совсем окончания аориста II); в библейских текстах мы находим окончания аориста I в формах аориста II наряду с аттическими правильными, причем рукописи часто колеблются между той и другой формами; очень редко это бывает в формах имперфекта, причем часть рукописей всегда дает и правильные аттические формы, почему можно думать, что такие позднейшие формы имперфекта представляют в Новом Завете чтение неподлинное; у LXX такие формы имперфекта исследователями вовсе не указаны. Так получились в разных (но не всех) наклонениях формы аористов: εἶλα, ἦνεγκα, ἔβαλα, εἶδα, εἶλα, εὗρα, ἦλθα, ἔτεσα, ἀπέθανα, ἔλαβα, ἔπια и др. Имперфект с окончаниями аориста I дается некоторыми рукописями лишь в нескольких местах: εἶχαν, εἶχαμεν, εἶχατε, ἔλεуαν, причем во всех этих случаях другие рукописи дают правильные аттические формы.

Окончание 3-го лица множ. ч. аориста I -αν проникло и в перфект (вместо -αι), но как у LXX, так и в Новом Завете аттические формы преобладают. Таковы у LXX: πέποιθαν (Иудифь. 7, 10) во всех рукописях, ἐώρακαν (Втор. 11, 7) и παρέστηκαν (Ис. 5, 29) в некоторых рукописях. В Новом Завете: ἐώρακαν (Лк. 9, 36; Кол. 2, 1), τετήρηκαν (Ин. 17, 6), ἔγνωκαν (Ин. 17, 6), ἀπέσταλκαν (Деян. 16, 36), εἰσελήλυθαν (Иак. 5, 4), γέγοναν (Рим. 16, 7; Апок. 21, 6), πέλ(τ)ωκαν (Апок. 18, 3), εἶρηκαν (Апок. 19, 3) — все эти формы даются лишь некоторыми рукописями.

Окончание 2-го лица ед. ч. имперфекта -εις проникло в перфект и аорист; но у LXX и в Новом Завете есть только несколько случаев этого явления, и притом лишь в некоторых рукописях. У LXX: ἀπέσταλκες (Исх. 5, 22), ἔδωκες (Иез. 16, 21; Неем. 9, 10). В Новом Завете: κεκοπίαιες и ἀφῆκες (Апок. 2, 3), ἐλήλυθες (Деян. 21, 22), ἐώρακες (Ин. 8, 57), ἔδωκες (Ин. 17, 7), εἵληφες (Апок. 11, 17), ἀπекάλυψες (Мф. 11, 25).

Окончание -σαι 2-го лица ед. ч. страдат. и среднего [медиального]¹⁵ залога перфекта или настоящего времени глаголов на -μι проникло и в соответствующую форму настоящего времени глаголов на -αω. У LXX: κοιμᾶσαι (Втор. 31, 16) вместо атт. κοιμᾷ, κτᾶσαι (Сир. 6, 7). В Новом Завете: ὀδυνᾶσαι (Лк. 16, 25), καυχᾶσαι (1 Кор. 4, 7; Рим. 2, 17, 23; 11, 18) и в будущих φάγεσαι и πίεσαι (LXX и Лк. 17, 8) — все формы в Новом Завете без различий.

Глаголы на -μι в эллинистическом языке подвергаются влиянию глаголов на -ω, что заметно еще и в аттическом; но в κοινή это влияние усиливается в действительном залоге; впрочем, в библейском языке встречаются и древние формы — то во всех рукописях, то в некоторых; страдательный или средний [медиальный] залог спрягается по-древнему, хотя и не вполне. Так, от глаголов на -υμι образуются формы как бы от глаголов на -ω, например, praes. δεικνύεις, ὀμνύει, ὀμνύουσι; impf. ἐζώννυες,

¹⁵ Средний залог — в современной терминологии «медиальный»; в XIX в. употреблялся также термин «общий залог».

ἐστρώννυον; imperat. ἀπόλλυε, ὀμνύετε; infin. ὀμνύειν, δεικνύειν; partic. ἀπολλύων, δεικνύοντος. Ἰσᾶναι переходит в ἰσάνειν или ἰσᾶν и даже σᾶνειν, от которых и образуются формы настоящего времени, например, 3-е л. мн. ч. ἰσῶσι, прич. ἰσάνων или ἰσῶν; от старого perf. ἔστηκα образовалась новая форма praes. στήκω. От δύναμαι иногда встречаются в разночтениях формы спряжения на -ω: δύνομαι, -όμεθα, -όμενος (формы, известные нам из папирусов). От τίθημι 3-е л. мн. ч. impf. ἐτίθουν (в некоторых рукописях также ἐτίθοσαν и атт. ἐτίθεσαν). От δίδωμι та же форма ἐδίδουν (наряду с атт. ἐδίδοσαν); в страд. или среднем [медиальном] залоге impf. ἐδίδετο и aor. medii ἔδετο с разночтениями ἐδίδото и ἔδοτο; conj. aor. δοῖ наряду с атт. δῶ; есть еще форма δῶη, но трудно сказать, что она такое — conj. или opt. (если opt., то надо писать δῶη); conj. praes. δίδοι. От γινώσκω conj. aor. γνοί наряду с γνῶ. Ἰημι переходит иногда в ἰω, и от этого встречаются новые формы: praes. ἀφίω, συνίεις, ἀφεῖς (сокращенно [слитно] из ἀφίεις), ἀφίομεν, ἀφίουσιν, inf. συνίειν, partic. τοῖς συνίουσιν, impf. ἤφιεν. От εἰμί не аттич. формы: impf. ἦμεν, ἦς, ἦμεθα, imperat. ἦτω. Οἶδα спрягается так: οἶδας, οἶδε, οἶδαμεν и т. д., но есть и атт. ἴστε, ἴσασι в более литературных писаниях Нового Завета (у Луки, например).

От многих глаголов на -ω мы находим в библейском языке неаттические образования аориста, перфекта, будущего, например, от ἐσθίω fut. φάγομαι; эти глаголы перечислены в грамматиках к Новому Завету *Winer-Schmiedel*'я и *Blass*'а.

Уже из представленного здесь краткого очерка особенностей морфологии библейского языка видно, что в ней много спорных вопросов, решение которых крайне затрудняется разногласием рукописей. Κοινή представляет собой такую стадию в развитии греческого языка, когда старые формы боролись с новыми, возникавшими главным образом под влиянием аналогии: каждая форма имеет свою отдельную историю; и для решения этих спорных вопросов необходимо как всестороннее исследование рукописей, так и детальное изучение

каждой формы, по преимуществу на основании папирусов и надписей.

в) Синтаксис

Перевод LXX, как мы указывали выше (с. 50), вследствие буквальности своей, кое-где имеет конструкции не вполне греческие. Синтаксис LXX недостаточно исследован, и потому подробно мы не можем его касаться; но несомненно, что относительно собственно греческих элементов он очень близок к синтаксису Нового Завета, т.е. к синтаксису эллинистического языка, и потому, сказанное о синтаксисе Нового Завета приложимо более или менее и к синтаксису LXX. Укажем главнейшие черты, отличающие синтаксис Нового Завета от синтаксиса аттической прозы.

Согласование подлежащего и сказуемого. При подлежащем среднего рода множ. ч. аттики ставят сказуемое-глагол в ед. ч. В Новом Завете и у LXX это правило не всегда соблюдается, и сказуемое-глагол ставится то в ед., то во мн. числе; очень часто рукописи колеблются. Ин. 19, 31, ἵνα καταγῶσιν αὐτῶν τὰ σκέλη, но там же ἵνα μὴ μεῖνῃ τὰ σῶματα.

Падежи. Управление многих глаголов изменилось: вместо одного падежа ставится другой; особенно часто вместо простого падежа употребляется предлог с падежом, хотя нередко наряду с новой конструкцией употребляется и старая — аттическая. Так, καλῶς ποιεῖν τινι (Лк. 6, 27) вместо τινά, καταρᾶσθαι τινα (Мк. 11, 21) вместо τινί, προσκυνεῖν τινι или ἐνωπιὸν τινος (LXX и Новый Завет) вместо τινά, которое тоже встречается у LXX и в Новом Завете, παραινεῖν τινα (Деян. 27, 22) вместо τινί, χρησθαί τινα (1 Кор. 7, 31 в части рукописей) вместо τινι, что обыкновенно и в библейском языке, πεινᾶν и διψᾶν τι (Мф. 5, 6) вместо τινός, ἐπιθυμεῖν τι (LXX и Новый Завет) вместо τινός, κληρονομεῖν τι вместо τινός, κρύπτειν τι ἀπὸ τινος (Мф. 11, 25) вместо τί τινα, ποιεῖν τι τινι или τι ἐν τινι или τι εἰς τινα вместо τί τινα «делать что с кем», ὀμνύειν ἐν τινι или εἰς τι или κατὰ τινος вместо τι «клясться чем», καταδικάζειν τινά вместо τινός, βασιλεῦειν ἐπὶ τινος или ἐπὶ

τινα вместо τινός, πολεμεῖν τινα (Исх. 14, 25) или μετὰ τινος вместо τινί «воевать с кем». Стали говорить ἐν τῷ ὄδι и εἰς ὄδην «в аду» вместо ἐν и εἰς ὄδου,— очевидно потому, что ὄδης стало обозначать самую преисподнюю, а не бога преисподней, как раньше. Вместо аттич. винительного отношения по большей части ставится дательный, например, τῷ γένει «по происхождению», ὀνόματι «по имени», ἀδύνατος τοῖς ποσίν, ἀλερίμητοι τῇ καρδίᾳ. Вместо винительного внутреннего объекта слов одного корня или одного значения с глаголом часто ставится дательный, и притом даже без всякого определения, которое в аттическом языке при таком винительном почти необходимо, например, ὁδῷ πορεύεσθαι, περιπατεῖν, στοιχεῖν (LXX и Новый Завет) «идти путем», ἐπιθυμία ἐπιθυμεῖν, χαρᾷ χαίρειν, θανάτῳ τελευτᾶν и др. Место gen. partitivus очень часто употребляется описание с предлогами ἐξ, ἀπὸ, ἐν, например, εἰς ἐξ ὑμῶν, τίνα ἀπὸ τῶν δύο, τίς ἐν ὑμῖν. Gen. part. или выражение с предлогом, его заменяющее, нередко ставятся в смысле подлежащего или дополнения, тогда как в классическом языке этим подлежащим или дополнением является τίς, от которого и зависит gen. part., например: εἶπον ἐκ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ (т. е. τινές) «сказали *некоторые* из учеников его», θανατώσουσιν ἐξ ὑμῶν (т. е. τινάς) «умертвят *некоторых* из вас». Место gen. part., зависящего от глаголов, также нередко ставится выражение с предлогом (ἐξ, ἀπὸ) или иногда вин. пад., например, ἐκ τοῦ ἄρτου ἐσθιέτω (вместо атт. τοῦ ἄρτου) «есть хлеб», ὃς ἂν πίη ἐκ τοῦ ὕδατος «пить воду», ἵνα ἀπὸ τοῦ καρποῦ δώσουσιν «чтобы дали плодов». При сравнительной степени вместо gen. comparationis или частицы ἢ с каким-либо падежом ставится иногда также παρὰ или ὑπὲρ с вин. пад., например, Лк. 3, 13 μηδὲν πλεον παρὰ τὸ διατεταγμένον πράσσετε «ничего не делайте более того, что приказано», Лк. 16, 8 φρονιμώτεροι ὑπὲρ τοὺς υἱοὺς τοῦ φωτός «умнее сынов света». В смысле сравнительной степени нередко употребляется даже положительная степень с ὑπὲρ, например, 1 Цар. 9, 2 οὐκ ἦν ἐν υἱοῖς Ἰσραὴλ ἀγαθὸς ὑπὲρ

αὐτόν «не было среди сынов Израилевых лучше его»; Лк. 13, 2 ἁμαρτωλοὶ παρὰ πάντας.

Предлоги. Новый Завет сохранил все аттические собственные предлоги, кроме ἀμφί, но некоторые употребляются не со всеми падежами, с какими они употребляются в аттическом языке. Так, περί с дат. пад., редкое и в аттической прозе, совсем не встречается в Новом Завете; также ὑπὸ с дат. пад.; πρός с род. и дат. пад. попадаетея очень редко. Но зато в κοινή развилось употребление таких предлогов несобственных, которые вовсе или почти не употреблялись так у аттиков: ἕως с род. пад. «до», ἐνώπιον «перед», ἐπάνω «на», «над», ὑποκάτω «под». Относительно предлогов в эллинистическом языке замечается тенденция к употреблению винит. падежа вместо родительного или дательного при обозначении пребывания на месте, тогда как в аттическом языке винительный падеж при предлогах означает почти всегда движение к месту; иногда, впрочем, но гораздо реже, в эллинистическом языке бывает и обратное явление — употребление падежа (род. или дат.), означающего пребывание на месте, для обозначения движения. Так, в эллинистическом языке, а отсюда и в библейском, εἰς с вин. пад. часто ставится вместо аттического ἐν с дат. на вопрос «где?», например Мк. 1, 9, ἐβαπτίσθη εἰς τὸν Ἰορδάνην, но Мк. 1, 5 ἐβαπτίζοντο πάντες ἐν τῷ Ἰορδάνῃ ποταμῷ и Мф. 3, 6, ἐβαπτίζοντο ἐν τῷ Ἰορδάνῃ, Лк. 11, 7 εἰς τὴν κοίτην εἰσὶν. Обратное явление — ἐν с дат. вместо εἰς с вин. — в Новом Завете редко, например, Лк. 9, 46 εἰσῆλθε διαλογισμὸς ἐν αὐτοῖς. Нередко, впрочем, одни рукописи дают εἰς, другие — ἐν. Это смешение ἐν и εἰς встречается и у LXX, и у всех евангелистов, кроме Матфея; но в посланиях и даже в Апокалипсисе ἐν и εἰς по большей части различаются, как в аттическом. Подобным же образом ὑπὸ с вин. пад. употребляется вместо аттического ὑπὸ с дат. или род. в смысле «под чем», например, Ин. 1, 48 ὄντα ὑπὸ τὴν συκῆν «под смоковницей». Также ἐπὶ с вин. пад. вместо аттического ἐπὶ с род. или дат. в смысле «на чем», например, Лк. 2, 25 πνεῦμα ἅγιον ἦν ἐπ' αὐτόν «на нем».

Бывает изредка и обратное явление — ἐπὶ с род. или дат. пад. вместо аттического ἐπὶ с вин., например, Мк. 9, 20 πεσὼν ἐπὶ τῆς γῆς «упав на землю»; Мф. 9, 16 οὐδεὶς ἐπιβάλλει ἐπίβλημα ἐπὶ ἱματίῳ παλαιῷ. Рукописи, однако, сильно колеблются относительно падежа при ἐπὶ. Равным образом, πρὸς с вин. пад. употребляется в смысле «при ком», «у кого», «при чем», например, Мф. 26, 18 πρὸς ὃν ποιῶ τὸ πάσχα «у тебя».

Алὸ иногда употребляется вместо ἐξ в значении «из», например, Деян. 16, 39 ἀπελθεῖν ἀπὸ τῆς πόλεως «из города». Алὸ ставится часто также и вместо ὑπὸ при глаголах в страд. залоге, например, Деян. 2, 22, ἀποδεδειγμένον ἀπὸ τοῦ Θεοῦ; впрочем, рукописи в таких местах по большей части сильно колеблются. Κατὰ с вин. употребляется часто для описания простого род. падежа: так, в Новом Завете, например, словами κατὰ Ματθαῖον обозначается, может быть, просто писатель этой формы евангельского повествования: «Евангелие Матфея»; Деян. 18, 15 νόμου τοῦ καθ' ὑμᾶς = ὑμετέρου «вашего». Περί и ὑπὲρ с род. нередко ставятся один взамен другого (впрочем, и в рукописях смешиваются), так что περί получает значение «за», а ὑπὲρ — «о», например, Мф. 26, 28 τὸ αἷμα τὸ περὶ πολλῶν ἐκχυννόμενον «изливаемая за многих», но Мк. 14, 24 τὸ αἷμα τὸ ἐκχυννόμενον ὑπὲρ πολλῶν. Обратное явление — ὑπὲρ вместо аттич. περί — в Новом Завете встречается редко, и почти только у одного апостола Павла, например, Флп. 1, 7 φρονεῖν ὑπὲρ πάντων ὑμῶν «думать о всех вас».

Прилагательные. Прилагательное ср. р. ед. ч. нередко употребляется в смысле отвлеченного существительного и даже, как существительное, соединяется с род. п. (в посланиях апостола Павла, как вообще в κοινή, что бывает, впрочем, иногда и у аттич. писателей), например, 1 Кор. 1, 25 τὸ μωρὸν τοῦ Θεοῦ σοφώτερον τῶν ἀνθρώπων ἐστίν (= ἡ μωρία).

Числительные. Для придания числительному (и даже вообще имени) разделительного значения оно повторяется, как и в еврейском языке, например, Мк. 6, 7 ἤρξατο αὐτοὺς ἀποστέλλειν δύο δύο (= ἀνὰ δύο или κατὰ δύο) «по двое». Мк. 6, 39 ἐπέταξεν

αὐτοῖς ἀνακλινθῆναι πάντας συμπόσια συμπόσια «по отделениям», ... καὶ ἀνέλεσαν πρασιαὶ πρασιαὶ «рядами».

Местоимения. Замечательную черту языка Нового Завета и — еще больше — языка LXX составляет необыкновенно частое употребление косвенных падежей *личных местоимений* там, где в классической прозе это было бы избегнуто, например, 1 Ин. 3, 17 ὃς ἂν ... θεωρῇ τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ χρειὰν ἔχοντα καὶ κλείσῃ τὰ σπλάγχνα αὐτοῦ ἀπ' αὐτοῦ, πῶς ἡ ἀγάπη τοῦ Θεοῦ μένει ἐν αὐτῷ;

Возвратное местоимение во множ. числе для всех трех лиц в эллинистическом языке есть ἑαυτῶν (атт. ἡμῶν αὐτῶν, ὑμῶν αὐτῶν, σφῶν αὐτῶν исчезли). Там, где аттики употребляют возвратные местоимения, в библейском языке нередко ставятся личные, например, Мф. 18, 8 βάλε ἀπὸ σοῦ.

Ὅστις в относительном предложении не отличается по значению от ὃς, например, Деян. 8, 15 Πέτρον καὶ Ἰωάννην, οἵτινες προσήυξαντο (= οἱ); но у апостола Павла ὃς и ὅστις употребляются с аттическим различием. *Вопросительное τίς* употребляется иногда в значении относительного, например, Мк. 14, 36 οὐ τί ἐγὼ θέλω, ἀλλὰ τί σὺ (= ὃ, как и стоит в рукописи D).

В *прямом вопросе* вместо τίς нередко ставится ποῖος (как иногда и в аттическом). В *косвенном вопросе* ὅστις и другие косвенно-вопросительные местоимения перестали употребляться и заменены прямыми τίς и др. (которые и в аттическом и в Новом Завете могли употребляться наряду с ὅστις и пр.).

Залоги глагола. Действительный залог в библейском языке употребляется иногда там, где по-аттически должен бы был стоять средний [медиальный], и наоборот, например, ποιεῖν (κρίσιν, πόλεμον, συμβούλιον и др.) вместо ποιεῖσθαι; наоборот, περιβλέπεσθαι вместо περιβλέπειν, τίθεσθαι (ἀποστόλους, εἰς ὁργὴν) вместо аттич. ποιεῖν или ион. τιθέναι.

Времена глагола. *Настоящее* часто употребляется вместо будущего в предсказаниях (как иногда и в классическом языке); всего чаще так употребляется ἔρχομαι, например, Ин. 14, 3 ἐὰν ἐτοιμάσω τόπον ὑμῖν, πάλιν ἔρχομαι καὶ παραλήμψομαι ὑμᾶς.

Равным образом, *partic. praes.* ставится иногда для обозначения действия, следующего за действием главного глагола, вместо классического *partic. fut.*, которое в библейском языке почти вышло из употребления, например, Деян. 15, 27 ἀπεστάλαμεν τοὺς ἀνδράς καὶ τὴν Σίλαν ἀπαγγέλλοντας «чтоб они возвестили».

Разница между *имперфектом* и *аористом* изъяснит. накл., а также между другими наклонениями настоящего и аориста в библейском языке та же, что в классическом, а именно видовая. Так называемый *aoristus gnomicus* употребляется в библейском языке очень редко и почти только в сравнениях, например, Ин. 15, 6 ἐὰν μὴ τις μένῃ ἐν ἐμοί, ἐβλήθη ἔξω ὡς τὸ κλῆμα καὶ ἐξηράνθη.

Перфект употребляется с тем же значением, как и в аттическом; но иногда вместо него бывает и аорист (как, впрочем, иногда и в аттическом), например, Мф. 23, 2 ἐπὶ τῆς Μωϋσέως καθέδρας ἐκάθισαν οἱ γραμματεῖς «сели (и сидят)»; в Апокалипсисе бывает и наоборот — перфект вместо аориста, например, 5, 7 ἦλθεν καὶ εἴληφεν.

В *будущем* почти исчезли неопределенная форма¹⁶ и причастие; они встречаются только в литературном языке Деяний и послания к Евреям. Эти формы заменяются разными способами, например, описанием посредством гл. μέλλω с *inf. praes.*

Вместо простых форм глаголов нередко встречаются *сложные*, составленные из форм глагола εἶμι (иногда γίνομαι) с *partic. perf.* и с *partic. praes.*; такие описания попадают и в классическом языке, но сравнительно редко. Так, в Новом Завете употребляются в одинаковом значении γεγραμμένον ἐστὶ и γέγραπται, ἦν γεγραμμένον и ἐγέγραπτο; ἦσαν καταμένοντες = κατέμενον, ἐσόμεθα προσκαρτεροῦντες = προσκαρτερήσομεν, ἔσεσθε μισοῦμενοι = μισήσεσθε «будете ненавидимы», ἐστὶν προσαναπληροῦσα = προσαναπληροῖ, ἴσθι εὐνοῶν = εὐνόει, εἶναι προσευχόμενον = προσεύχεσθαι.

¹⁶ Термин «неопределенное наклонение» заменен в тексте статьи термином «неопределенная форма».

Наклонения в главных предложениях

Изъявительное наклонение. Так называемый *modus irrealis*, состоящий в аттич. прозе из прошедшего изъявит. (impf., aor., plqr.) с *ἄν* и употребляемый в аподосисе условных периодов, в Новом Завете иногда встречается без *ἄν* (хотя в огромном большинстве случаев *ἄν* ставится), например, Ин. 15, 24 εἰ τὰ ἔργα μὴ ἐποίησα ἐν αὐτοῖς..., ἁμαρτίαν οὐκ εἶχουσιν (вместо οὐκ ἄν εἶχ.).

Для выражения *неисполнимого желания* в аттическом ставится εἴθε или εἰ γάρ с прошедшим изъяв. или εἴθε (εἰ γάρ) ὄφελον с неопред. формой. Вместо этого в библейском языке употребляется ὄφελον или ὅφελον с прошедшим изъявит., причем это ὄφελον (ὅф.) не спрягается, т.е., следовательно, оно само обратилось в неизменяемую частицу, например, ὅφελον ἀπεθάνομεν (Исх. 16, 3) «о если бы мы умерли (тогда)», ὅφελον ἐβασιλεύσατε (1 Кор. 4, 8). Это же ὅфелон употребляется с fut. ind. для выражения *желания исполнимого* (= атт. εἴθε или εἰ γάρ с opt.), например, ὅфелон καὶ ἀποκόψονται οἱ ἀναστατοῦντες ὑμᾶς (Гал. 5, 12). Подобным образом ἐβουλόμην или ἤθελον ставятся вместо аттич. ἐβουλόμην ἄν (для выражения желания неисполнимого) и вместо аттич. βουλοίμην ἄν (желания исполнимого), например, Гал. 4, 20 ἤθελον παρεῖναι πρὸς ὑμᾶς ἄρτι καὶ ἀλλάξαι τὴν φωνήν μου «хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой» (= аттич. ἐβουλόμην ἄν); Деян. 25, 22 ἐβουλόμην ἀκοῦσαι «желал бы послушать» (= аттич. βουλοίμην ἄν).

Сослагательное наклонение. Fut. ind. и aor. conj. в библейском языке часто употребляются одно вместо другого; впрочем, это бывает почти исключительно в придаточных предложениях; в главных это редко, например, Ис. 33, 24 ἀφεθῇ αὐτοῖς ἡ ἁμαρτία = ἀφεθήσεται «будет отпущено согрешение».

При conj. *adhortativus* 1-го л. множ. чис. (а также при imperativus 2-го л.) ставится ἄφες (imperat. aor. от ἀφίημι), обратившееся в частицу, как наше «пусть», так что оно ставится и при ед. и при множ. ч. глагола, или δεῦρο при ед. ч. глагола и δεῦτε при множ. ч. глагола (в классич. языке ставятся ἄγε, φέρε, δεῦρο); по-русски

так употребляются «дай», «давай»; например, Мф. 7, 4 ἄφες ἐκβάλλω «дай вырву»; Мф. 27, 49 ἄφες ἴδωμεν «давай посмотрим»; Деян. 7, 34 (=Исх. 3, 10) καὶ νῦν δεῦρο ἀποστείλω σε; Мк. 12, 7 δεῦτε ἀποκτείνωμεν; Мф. 28, 6 δεῦτε ἴδετε «посмотрите».

При *запрещениях*, выражаемых 2-м и 3-м лицом аог. conj. с μή (а также imperat. praes. с μή), ставится часто ὅρα, ὁρᾶτε, βλέπετε без влияния на конструкцию (как по-русски «смотри»), например, Мф. 8, 4 ὅρα μηδενὶ εἰπῆς «смотри, не говори никому»; Мф. 24, 6 ὁρᾶτε μὴ θροεῖσθε.

Желательное наклонение. *Optativus*, выражающий в классическом языке исполнимое желание, употребляется иногда и в Новом Завете, например, μὴ γένοιτο. Но он часто заменяется, особенно в проклятиях, повелительным, например, ἀνάθεμα ἔστω. О замене его посредством ὅφελον с ind. fut. см. выше с. 87.

Modus potentialis (opt. с ἄν) в разговорной κοινή совсем исчез. В Новом Завете встречается лишь несколько примеров его в литературном языке апостола Луки (в Евангелии и Деяниях). Вобщем же вместо него употребляются другие формы, например, ind. fut.: 1 Кор. 15, 35 ἐρεῖ τις = аттич. εἰποι τις ἄν (хотя по-аттически может быть fut.); вместо βουλοίμην ἄν ставится ἐβουλόμην.

Повелительное наклонение употребляется в библейском языке так же, как в аттическом; но нередко заменяется другими оборотами и конструкциями, например, посредством fut. ind. в законах Ветхого Завета (редко в Новом Завете), например, οὐ φονεύσεις «не убивай»; также посредством ἵνα с conj. например, ἡ γυνὴ ἵνα φοβῆται τὸν ἄνδρα.

Наклонения в придаточных предложениях. *Желательное наклонение* в придаточных предложениях в Новом Завете почти совсем исчезло; остается лишь несколько примеров его, почти исключительно в более литературном языке апостола Луки (Евангелие и Деяния). Поэтому вместо optativus orationis obliquae сохраняется наклонение прямой речи. Вместо optativus iterativus (т.е. желательного наклонения, употребляемого в предложениях временных и относительных для обозначения

повторяемости действия в прошедшем — «всякий раз, когда» или «всякий, кто» с прошедшим) в библейском языке употребляется *imperf.* или *aor. ind.* с ἅν (или с ἐάν, которое в эллинистическом языке при относительном местоимении или наречии ставится в смысле аттического ἅν), например, Мк. 3, 11 τὰ πνεύματα, ὅταν αὐτὸν ἐθεώρουν, προσέλιπτον «всякий раз, как Его видели» (= аттич. ὁπότε ἴδοιεν); Мк. 6, 56 ὅπου ἐάν (ἅν) εἰσελθοῦντο, ... ἐν ταῖς ἀγοραῖς ἐτίθεσαν τοὺς ἀσθενοῦντας ... καὶ ὅσοι ἂν ᾗψαντο αὐτοῦ, ἐσώζοντο «куда бы Он ни входил ... все, кто касались».

В *предложениях цели* при ἵνα и μή, кроме *conj.*, ставится также *fut. ind.* (по-аттически оно может быть только при ὅπως), например, Апок. 22, 14 ἵνα ἔσται...καὶ εἰσέλθωσιν, где *fut. ind.* и *conj.* стоят рядом в одном значении; Евр. 3, 12 βλέπετε, μή ἔσται.

В *условных предложениях* произошли следующие перемены. Ἐάν соединяется не только с *conj.*, как в аттическом, но и с *ind. praes.*, например, 1 Ин. 5, 15 ἐάν οἶδαμεν. Полная потенциальная форма условного периода (εἰ с *opt.* в придаточном — *opt.* с ἅν в главном) в Новом Завете совсем не встречается; но εἰ с *opt.* в придаточном несколько раз встречается, но так, что главное предложение имеет *ind.* или заменяющую его форму, например, 1 Пет. 3, 14 εἰ καὶ πάσχετε διὰ δικαιοσύνην, μακάριοι (подраз. ἐστέ или ἔσεσθε) «если бы вы терпели мучения за правду, все-таки вы (будете) счастливы». Об ирреальной форме условного периода см. выше с. 87.

В *относительных предложениях*, имеющих смысл предложений цели, где аттики ставят *ind. fut.*, в Новом Завете употребляется редко *ind. fut.*, обыкновенно же *conj.* например, Мк. 14, 14 = Лк. 22, 11 ποῦ ἔστιν τὸ κατάλυμα, ὅπου φάγω «где бы Я мог вкусить» (= аттич. ἔδομαι).

Во *временных предложениях* при ὅταν ставится *ind.* в смысле аттического *opt. iterativus*, о чем см. выше (с. 88–89), но иногда ὅταν с *ind.* употребляется даже просто вместо аттического ὅτε с *ind.* для обозначения единичного случая, например, Исх. 16, 3

ὄφελον ἀπεθάνομεν ... ἐν γῇ Αἰγύπτῳ, ὅταν ἐκαθήσαμεν καὶ ἡσθίομεν
«о если бы мы умерли в Египте, когда мы сидели и ели»; Апок. 8,
1 ὅταν ἦνοιξεν..., ἐγένετο σιγή «когда открыл».

При ἕως, ἕως οὗ (ἕως ὅτου), ἄχρις (οὗ), μέχρις (οὗ) с conj. «пока не» частица ἄν почти всегда отсутствует (рукописи, впрочем, часто колеблются), например, Мк. 13, 30 μέχρις οὗ ταῦτα πάντα γένηται «пока это все не случится». Прὶν с conj. и opt. почти совсем вытеснено из употребления союзом ἕως и т.п.; прὶν сохранилось лишь в двух местах в более литературном слоге ап. Луки (Ев. 2, 26 и Деян. 25, 16).

Неопределенная форма. Употребление *инфинитива без артикля* в Новом Завете сильно сократилось по сравнению с аттическим: в зависимости от глаголов со значением «говорить» и «думать» — там, где по-русски предложение с союзом «что» — inf. в Новом Завете по большей части заменяется предложением с ὅτι или ὥς; а в остальных случаях — там, где по-русски неопределенная форма или предложение с союзом «чтобы», — наряду с inf. в Новом Завете употребляется предложение с ἵνα (в аттическом языке конструкция с ἵνα в подобных случаях невозможна; изредка равносильной инфинитиву конструкцией в аттическом является предложение с ὅπως). Только при δύνασθαι и μέλλειν употребляется и в эллинистическом исключительно инфинитив. Впрочем, разные писатели Нового Завета употребляют inf. и предложение с ἵνα в разных пропорциях: Мф., Мк., Ин. употребляют ἵνα очень часто, Лука — особенно в Деяниях — гораздо реже; у Иакова, Петра и в послании к Евреям предложение с ἵνα употребляется по-аттически — как действительное предложение цели.

Предложение с ὅτι, ὥς в Новом Завете ставится и в таких случаях, где по-аттически должен быть inf., а именно при глаголах φημί, ὁμνῶ и при глаголах со значением «думать» δοκῶ, ἐλπίζω, νομίζω, οἶμαι и др., например, Мф. 5, 17 μὴ νομίσετε, ὅτι ἦλθον; Иак. 1, 7 μὴ οἰέσθω, ὅτι λήμψεται. Инфинитивная конструкция при глаголе «думать» встречается почти только у Луки и Павла;

инфинитивная конструкция при глаголе «говорить» у всех новозаветных писателей, кроме Луки и Павла, гораздо реже, чем предложение с ὅτι. Союз ὥς в Новом Завете встречается тоже почти исключительно у Луки и Павла.

Косвенная речь, выраженная инфинитивами, почти исчезла в Новом Завете; только у Луки есть несколько случаев ее, и то коротких; обыкновенно же бывает прямая речь, перед которой иногда ставится еще ὅτι (что бывает и в аттическом), например, Ин. 10, 36 λέγετε, ὅτι «βλασφημεῖς», ὅτι εἶπον· «υἱὸς τοῦ Θεοῦ εἰμί» (в первом случае прямая речь введена посредством ὅτι, во втором она следует непосредственно за εἶπον).

Вот примеры употребления предложения с ἵνα вместо аттического inf.: а) после глаголов со значением «хотеть, стремиться, остерегаться, просить, приказывать, позволять, делать»: 1 Кор. 14, 5 θέλω πάντας ὑμᾶς λαλεῖν γλώσσαις, μᾶλλον δὲ ἵνα προφητεύητε (здесь рядом асс. с inf. и предложения с ἵνα в одинаковом смысле); Лк. 9, 40 ἐδεήθην τῶν μαθητῶν σου, ἵνα ἐκβάλωσιν αὐτό «попросил, чтобы...» (по-аттич. было бы или ἐκβάλεῖν, или ὅπως ἐκβαλοῦσιν); Мк. 6, 8 παρήγγειλεν αὐτοῖς, ἵνα μηδὲν αἰρώσιν «приказал им не брать»; б) после безличных выражений συμφέρει, ἀρετὸν (ἐστί), сочетаний из глагола (по большей части ἐστίν) с существительными ὥρα, συνήθεια, χρεῖα и др. или с прилагательными ἱκανός, ἄξιος и др.: Мф. 5, 29 συμφέρει σοι, ἵνα ἀπόληται (по-аттич. было бы συμφέρει σοι αὐτὸν ἀπολέσθαι); Ин. 12, 23 ἐλήλυθεν ἡ ὥρα, ἵνα δοξασθῇ; Ин. 1, 27 οὐκ εἰμί ἐγὼ ἄξιος, ἵνα λύσω.

Неопределенная форма для обозначения цели при глаголах «идти», «посылать» и др. в Новом Завете употребляется чаще, чем в аттическом, где обыкновенно в этом случае употребляется partic. fut., например, Мф. 5, 17 οὐκ ἦλθον καταλύσαι, ἀλλὰ πληρῶσαι «не нарушить пришел Я, но исполнить» (в аттич. было бы καταλύσων — πληρώσων); Мф. 25, 35 ἐδώκατέ μοι φαγεῖν (тут и по-аттич. был бы inf.). Наряду с inf. и в этом случае употребляется предложение с ἵνα, например, Мф. 27, 26 τὸν Ἰησοῦν παρέδωκεν, ἵνα σταυρωθῇ.

При глаголе «приказывать» ставится *acc. s. inf. passivi*, если не названо лицо, которому приказывают (как в латинск. языке), например, Мф. 18, 25 ἐκέλευσεν αὐτὸν πρᾶθῆναι «приказал его продать» (в аттич. был бы *inf. activi*, как в русском).

Соединение *инфинитива* с ἄν, очень употребительное в аттическом диалекте, в Новом Завете ни разу не встречается,— очевидно, потому, что *modus potentialis* и *modus irrealis*, которые соответствуют ему в прямой речи, в разговорной κοινή вышли из употребления.

Если [логическое] *подлежащее инфинитива* то же, что управляющего глагола, то по-аттически оно при инфинитиве совсем не выражается, а имя (существительное или прилагательное), относящееся логически к этому не выраженному подлежащему при инфинитиве или составляющее с инфинитивом сказуемое, ставится в именительном падеже. Это правило аттической грамматики соблюдается и в Новом Завете, но встречаются и отступления от него, а именно: такое [логическое] подлежащее при инфинитиве иногда выражается возвратным местоимением в винит. падеже (как в латинск. яз.), например, Рим. 6, 11 λογίζεσθε ἑαυτοὺς εἶναι νεκροὺς «думайте, что вы мертвы» (по-аттич. было бы λογίζεσθε εἶναι νεκροί).

Nominativus cum infinitivo в Новом Завете встречается очень редко (в более литературном слоге), например, Евр. 11, 4 ἐμαρτυρήθη εἶναι δίκαιος.

Употребление *инфинитива с артиклем* в Новом Завете расширилось сравнительно с аттическим; всего чаще встречается родительный падеж τοῦ или τοῦ μή с *inf.*, употребление которого очень разнообразно: τοῦ может быть присоединено ко всякому такому инфинитиву, который может быть заменен предложением с ἵνα или ὥστε. Так, родительный пад. означает цель (это возможно и в аттическом, но редко встречается), например, Мф. 13, 3 ἐξῆλθεν ὁ σπείρων τοῦ σπείρειν «вышел сеятель сеять» (можно поставить *inf.* без артикля или предложение с ἵνα). Родительный падеж инфинитива может стоять при разных глаголах, соединяющихся с простым

инфинитивом, например, ἐγένετο, ἐκρίθη, ἐπιστεῖλαι, παρακαλεῖν, ἐντέλλεσθαι, προσεὔχεσθαι, κατανεύειν, συντίθεσθαι, ποιεῖν и др., при которых в аттическом эта конструкция была бы невозможна. Например, Лк. 4, 10 (= Пс. 90, 11) τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ ἐντελεῖται περὶ σοῦ τοῦ διαφυλάξαι σε «заповедает сохранить»; Деян. 3, 12 ἡμῖν πεποιηκόσιν τοῦ περιπατεῖν αὐτόν «мы сделали, чтобы он ходил».

Часто встречается *инфинитив с артиклем в зависимости от предлогов*, особенно εἰς, πρὸς, διὰ с вин., μετὰ с вин., πρὸ, ἐν; это есть и в аттическом, но в некоторых случаях аттический способ выражения не совпадает с библейским, например, Мф. 20, 19 παραδώσουσιν αὐτὸν τοῖς ἔθνεσιν εἰς τὸ ἐμπαῖξαι «предадут на поругание» (означается цель; по-аттически был бы другой оборот); Мф. 13, 4 ἐν τῷ σπεῖρειν αὐτόν «в то время, как он сеял» (по-аттич. было бы иначе, например, σπείροντος αὐτοῦ).

Если [логическое] подлежащее инфинитива с артиклем в зависимости от предлога тождественно подлежащему управляющего глагола, то оно в аттическом, по общему правилу, не должно выражаться при инфинитиве; но в Новом Завете часто оно выражается винительным падежом личного (не возвратного) местоимения, например, Мф. 26, 32 (= Мк. 14, 28) μετὰ τὸ ἐγερεθῆναι με προάξω ὑμᾶς «после того как Я воскресну, Я пойду раньше вас».

Причастие употребляется в Новом Завете приблизительно так же, как в аттическом диалекте, хотя и с ограничением некоторых случаев употребления.

Так, употребление причастия, дополняющего смысл некоторых глаголов, близких по значению глаголу «быть», в Новом Завете почти исчезло и встречается главным образом в литературном слоге у Луки и Павла. Такое причастие попадает в Новом Завете лишь при следующих глаголах: ὑπάρχω (который в Новом Завете и вообще в κοινή значит просто «быть»), ἐπιμένω, παύομαι, τελῶ (1 раз), λανθάνω (1 раз), διαλείπω (1 раз), ἐγκακῶ. При τυγχάνω, διατελῶ, ἄρχομαι, φθάνω, ἀνέχομαι, καρτερῶ, οἶχομαι, φαίνομαι, φανερός εἰμι, δῆλός εἰμι причастие ни разу не поставлено в Новом Завете; глаголы κάμνω, ἀπαγορεύω, λήγω совсем не

встречаются в Новом Завете. Например, Лк. 7, 45 οὐ διέλειπεν καταφιλοῦσα «не переставала целовать».

При глаголах, означающих душевное движение «радоваться», «печалиться» и др., причастие в Новом Завете встречается только в двух местах: Деян. 16, 34 ἡγαλλιάσατο πεπιοτενικῶς; 2 Пет. 2, 10 οὐ τρέμουσιν βλασφημοῦντες.

При глаголах со значением «видеть», «слышать», «знать», «замечать» и др. причастие изредка попадает в Новом Завете, например, при ὁρῶ, βλέπω, θεωρῶ, ἀκούω, οἶδα (1 раз), ἐπίσταμαι (1 раз), γινώσκω, εὐρίσκω, δοκιμάζω. При συνίημι, αἰσθάνομαι, μέμνημαι, μαθάνω причастие ни разу не встречается. Например, Мф. 24, 30 ὄψονται τὸν υἱὸν τοῦ ἀνθρώπου ἐρχόμενον. Вместо причастия при глаголах этой категории употребляется нередко inf. или предложение с ὅτι.

Причастие будущего, как вы видели, почти исчезло в Новом Завете; оно заменяется причастием настоящего, инфинитивом и другими оборотами.

Accusativus absolutus, например, ἐξόν, δεόν, исчез в Новом Завете, кроме τυχόν, получившего значение наречия «может быть».

Genitivus absolutus сохранился; но аттическое правило о том, чтобы [логическое] подлежащее его не встречалось в главном предложении, в библейском языке не существует, и gen. absol. часто ставится там, где по-аттически должно бы быть participium conjunctum, например, Мф. 9, 18 ταῦτα αὐτοῦ λαλοῦντος αὐτοῖς, ἰδοὺ ἄρχων προσελθὼν προσεκύνει αὐτῷ (в аттич. было бы ταῦτα λαλοῦντι).

Из *частиц*, определяющих отношение причастия к главному предложению, в Новом Завете употребляются, хотя и очень редко, только καίπερ, καὶ ταῦτα, καίτοι; чаще — ὥς.

Соединение причастия с ἄν исчезло в Новом Завете.

Но есть и *новые случаи употребления причастия* в Новом Завете сравнительно с аттическим: таково избыточное употребление некоторых причастий, например, λαβὼν, ἀναστὰς,

ἀπελθὼν, πορευθεῖς; Мф. 13, 31 ὃν (= κόκκον σινάπεως) λαβὼν ἄνθρωπος ἔσπειρεν; Лк. 15, 18 ἀναστὰς πορεύσομαι. Такое избыточное причастие λέγων при глаголах ἀποκρίνομαι, λαλῶ, κραῶ и др., часто встречающееся в Новом Завете, например, ἀπεκρίθη λέγων, ἡρώτων λέγοντες, ἔκραξαν λέγοντες. Такой же плеоназм составляет постановка при глаголе причастия, тождественного ему, у LXX, а в Новом Завете только в цитатах из Ветхого Завета, например, Мф. 13, 14 βλέποντες βλέψετε; Деян. 7, 34 ἰδὼν εἶδον; Евр. 6, 14 (= Быт. 22, 17) εὐλογῶν εὐλογήσω σε καὶ, πληθύνων πληθυνῶ σε.

Отрицания. Правило об отрицаниях в Новом Завете, как в κοινή вообще, проще, чем в аттической прозе: οὐ ставится при изъявительном, μή при остальных наклонениях, в том числе при инфинитиве и причастии, хотя есть исключения в обоих случаях.

В условных предложениях реальной формы (εἰ с изъявительным наклонением всех времен при изъявительном накл. в главном предложении) бывает отрицание οὐ; но в условных предложениях ирреальной формы (εἰ с изъявительным наклонением прошедших времен при изъявительном наклонении прошедшего времени с ἄν в главном предложении) — отрицание μή. В относительных предложениях с изъявительным наклонением — почти всегда οὐ. При причастии — обыкновенно μή, редко οὐ.

В Новом Завете, как и в аттическом, часто встречается соединение отрицаний οὐ μή с conj. aor. или с fut. ind. в смысле οὐ с fut. ind., например, Лк. 13, 35 οὐ μή ἴδητέ με (= οὐκ ὄψεσθε) «не увидите Меня»; Мф. 16, 22 οὐ μή ἔσται τοῦτο. Но у LXX этот оборот служит также для выражения запрещения — подобно тому, как fut. ind. ставится в смысле imperativus (см. с. 88), например, Быт. 3, 3 οὐ φάγεσθε οὐδὲ μή ἄψησθε «не ешьте и не касайтесь» (где рядом стоят οὐ с fut. ind. и οὐ μή с conj. aor. в одном значении).

Союзы. Союзы в Новом Завете ставятся реже, чем в аттической прозе, но все-таки чаще, чем в семитических языках.

Вместо разнообразия частиц, которыми в аттической прозе характеризуется отношение одной мысли к другой, в Новом Завете мы находим всего чаще монотонное соединение их посредством καί, которое повторяется иногда по несколько раз сряду, например, 7 раз в Деян. 13, 17 сл. Καί ставится нередко даже там, где аттик поставил бы другой союз, более выразительный, например, καὶ ὁμως или ὁμως δέ «и все-таки», καὶ μὴν или καίτοι «а между тем», ὥστε «так что» и др. Поэтому отношение одного предложения к другому часто приходится лишь угадывать на основании общего хода мыслей. Примеры: Мк. 12, 12 καὶ ἐξήτουν αὐτὸν κρατῆσαι, καὶ ἐφοβήθησαν τὸν ὄχλον «но побоялись народа» (по-аттич. было бы: ἐξήτουν μὲν ... ἐφοβήθησαν δέ); Мф. 6, 26 οὐ σπείρουσιν — καὶ ὁ πατήρ ὑμῶν ὁ οὐράνιος τρέφει αὐτὰ «и все-таки Отец ваш Небесный питает их» (по-аттич. ὁμως δέ или просто δέ); Ин. 7, 28 κάμῃ οἶδατε καὶ οἶδατε, πόθεν εἰμί, καὶ ἀπ' ἐμαυτοῦ οὐκ ἐλήλυθα «а между тем Я пришел не от Себя» (по-аттич. καὶ μὴν или καίτοι, или же καὶ ταῦτα с причастием ἐληλυθότα); Мф. 5, 15 ἀλλ' ἐπὶ τὴν λυχνίαν (τιθέασιν), καὶ λάμπει «так что светит» (по-аттич. ὥστε λάμπειν); Лк. 19, 43 ἤξουσιν ἡμέραι ἐπὶ σέ καὶ παρεμβαλοῦσιν οἱ ἐχθροὶ σου χάρακά σοι «придут дни, когда обложат».

Соединение мыслей посредством μὲν — δέ, столь обычное в аттич. прозе, в Новом Завете применяется очень редко, так что μὲν в некоторых писаниях совсем не встречается: 2 Пет., 1, 2, 3 Ин., 2 Фес., 1 Тим., Тит, Флм., Апок.; в других почти не встречается: Иак. 3, 17, Еф. 4, 11, Кол. 2, 23, 1 Фес. 2, 18; довольно редко во всех Евангелиях (особенно у Мк. 6 раз: 4, 4; 9, 12; 12, 5; 14, 21, 38; 16, 19); несколько чаще только в литературном слоге: в Деяниях, посл. к Евр. (1 Пет.), Иуд. и в некоторых посл. ап. Павла (особенно Рим. и 1–2 Кор.).

В клятвах у LXX, нередко и в Новом Завете (Евр. 6, 14) вместо аттич. ἢ μὴν употребляется сочетание частиц εἰ μὴν (или εἰ μὴν), встречающееся на папирусах.

Εἰ, употребляющееся у аттиков в косвенном вопросе, в библейском языке вводит также и прямой (как синоним с ἄρα), например, Лк. 22, 49 κύριε, εἰ πατάξομεν ἐν μαχαίρᾳ;

Из частиц сравнения, наряду с аттическими ὥς и ὥστερ, καθά, καθό, часто употребляется в Новом Завете эллинистическое καθώς «как».

Соединение предложений. Периодическая речь не свойственна новозаветному языку; искусно построенными периодами в Новом Завете можно считать только 3: Лк. 1, 1–4 ἐπειδήπερ πολλοὶ ἐπεχείρησαν...; Деян. 15, 24–26 ἐπειδὴ ἡκούσαμεν...; Евр. 1, 1–5 πολυμερῶς καὶ πολυτρόπως... Обыкновенно же в новозаветном рассказе предложения не соединяются в длинные периоды, а следуют одно за другим паратактически, связанные между собой каким-нибудь союзом или наречием, например, καὶ (см. выше, с. 62), τότε (также однозначными [синонимичными] с ним выражениями ἐν ἐκείνῳ τῷ καιρῷ, ἐν ἐκείνῃ τῇ ὥρᾳ и т. п.), οὖν, ἔπειτα, ἔτι, даже иногда совсем без союза (особенно в Ин., напр. 1, 23 ἔφη; 26 ἀπεκρίθη).

В *строении предложений* встречается часто неправильность (анаколуф) такого вида: Мф. 12, 36 πᾶν ῥῆμα ἀργόν, ὃ λαλήσουσιν οἱ ἄνθρωποι, ἀποδώσουσιν περὶ αὐτοῦ λόγον (вместо περὶ παντὸς ῥήματος ἀργοῦ... ἀποδώσουσιν λόγον); 2 Цар. 7, 21 καὶ ὁ οἶκος οὗτος ὁ ὑψηλός, πᾶς ὁ διαπορευόμενος αὐτὸν ἐκστήσεται (вместо τὸν οἶκον τοῦτον τὸν ὑψηλὸν πᾶς ὁ διαπορευόμενος ἐκστήσεται).

II. Инородные элементы в библейском языке

Так как в эллинистическом языке были и негреческие элементы, то они находятся также и в Библии: это — главным образом латинизмы и в очень небольшом числе заимствования из других варварских языков. В то время, как гебраизмы в Библии являются следствием буквального перевода с еврейского или подражанием ему со стороны библейских писателей, а вообще не могут считаться составной частью живого греческого языка того времени, латинизмы и иные варваризмы, встречающиеся в

Библии, составляют принадлежность самого греческого языка: это были «иностранные» слова и обороты, получившие в греческом языке права гражданства, как это бывает во всех языках. Надо заметить, что эти иностранные элементы были принадлежностью по преимуществу разговорной *κοινή*; образованные же люди, аттикисты, всегда смотрели на них, как на варваризмы, и старались избегать их в своей речи.

А. Латинизмы стали проникать в греческий язык с середины II века до Р. Х. после завоевания римлянами Греции, Азии и Египта — сперва в незначительном числе, потом все больше и больше. В переводе LXX, как сделанном еще раньше этого времени, латинизмов нет; в Новом Завете они есть, но еще в небольшом количестве. [Ср. *Guil. Schulze. Graeca Latina. Gottingae, 1901* и ср. «Христ. Чтение» 1902, № 7. С. 25].

а) *Лексические латинизмы* в Новом Завете состоят главным образом из юридических и военных терминов, названий мер, монет, изредка предметов одежды, утвари и т.п. Латинские слова вполне сохраняют в греческом языке латинскую форму тогда, когда латинское окончание имеется и в греческом, например, *σπεκουλάτωρ* *speculator*, *κουστωδία* *custodia*; в противном случае латинское окончание заменяется греческим, например, *κῆνσος* *census*, *δηνάριον* *denarium*; иногда бывают и небольшие изменения звуков внутри слова. Вот список латинских слов, попадающихся в Новом Завете: *ἀσσάριον*, *δηνάριον*, *κεντυρίων*, *κῆνσος*, *κοδράντης* *quadrans*, *κολωνία*, *κουστωδία*, *λεγεών*, *λέντιον*, *λιβερτίνος*, *λίτρα* *libra*, *μάκελλον*, *μεμβράνα*, *μίλιον*, *μόδιον*, *ξέστης* — искаженное *sextarius*, *πραιτώριον*, *σικάριον*, *σιμκίνθιον* *semicinctium*, *σουδάριον*, *σπεκουλάτωρ*, *αἱ ταβέρναι*, *τίτλος*, *φελόνης* *paenula*, *φόρον*, *φραγέλλιον* *flagellum*, *φραγελλῶν*, *χάρτης* *charta*, *χῶρος* *cogus* (сев.-зап. ветер).

Римские имена собственные тоже были в употреблении у греков и даже у евреев; в Новом Завете мы находим более 40 латинских имен лиц и мест.

Встречаются также буквальные переводы латинских слов и выражений, чуждые самому греческому языку, сколько мы можем судить; таковы: συμβούλιον — по-видимому, искусственное слово, образованное для перевода латинского consilium, ἔχειν с двумя винительными в смысле латинского habere *считать*, например, Лк. 14, 18, ἔχε με παρητημένον habe me excusatum, ἐργασίαν δοῦναι operam dare, τὸ ἱκανὸν ποιεῖν satis facere, τὸ ἱκανὸν λαμβάνειν satis accipere, συμβούλιον λαμβάνειν consilium capere, может быть также σὺ ὅψῃ (Мф. 27, 4) tu videris.

Латинский язык оказал влияние и на словообразование греческого языка; некоторые латинские суффиксы вошли в употребление в греческом, и через это получались слова с греческим корнем и латинским суффиксом. В Новом Завете таковы слова на -ιανος — -ianus: Ἡρῳδιανοὶ от Ἡρώδης *приверженцы Ирода*, Χρηστιανοὶ или Χριστιανοὶ от Χρηστός или Χριστός *христиане*.

б) *Грамматические латинизмы*. Влияние латинского языка на греческий синтаксис было ничтожно; почти все синтаксические явления, которые обыкновенно считаются заимствованными из латинского, можно считать возникшими самостоятельно в греческом языке. Более вероятными (но все-таки не несомненными) латинизмами этого рода в Новом Завете можно признать лишь следующие: употребление предлога ἀπὸ, как в латинском *ab*, при определении расстояния, например, Ин. 11, 18 ἦν Βηθανία ἐγγὺς τῶν Ἱεροσολύμων, ὡς ἂ π ὁ σταδίων δεκαπέντε «на расстоянии около 15 стадий»; употребление предлога πρὸ с двумя родительными в таких выражениях: Ин. 12, 1 πρὸ ἑξ ἡμερῶν τοῦ πάσχα «за 6 дней до пасхи», как в лат. ante diem tertium Calendas; употребление inf. pass. вместо inf. act. при глаголе «приказывать», когда не названо лицо, которому приказывают (см. выше с. 92), например, Деян. 23, 3 κεύεις με τύπτεσθαι jubes me verberari; употребление асс. с inf. вместо простого inf., когда [логическое] подлежащее инфинитива тождественно подлежащему управляющего глагола (см. выше с. 92), напр.,

Деян. 5, 36 Θεωδᾶς λέγων εἶναι τινα ἐ α υ τ ὸ ν *dicens se esse magnum aliquem.*

Б. Влияние *других варварских языков* на греческий было значительно меньше, чем латинского; из них заимствовались главным образом слова, обозначающие туземные предметы или обычаи. Некоторые из них были приняты в греческий язык задолго еще до Р.Х. и в рассматриваемую нами эпоху уже перестали чувствоваться как иностранные, а потому и перечислять все иностранные слова, встречающиеся в Библии, нет надобности; укажем лишь несколько для примера: считаются *персидскими* ἀγγαρεύειν, ἀράβη, γάζα, κίδαρις, μανδύας, μανιάκης, παράδεισος, σανδάλιον, σαράβαρα, σαράπη; считаются *египетскими* ἄχι, βαῖον, βάρις, βίβλος, θίβη, ἴβις, κόνδυ, κόσμυβος, λάπυρος, στίβη, σίναπι, σινδών; считается *финикийским* ἀρραβὼν, считается *кельтским* ῥέδη (проникло в греческий при посредстве латинского rheda), *македонскими* κράβατος, παρεμβολή, ῥύμη.

III. Еврейский и арамейский элемент

Мы говорили уже выше (с. 47) о том, что понятие о гебраизме неопределенное и что одни ученые считают гебраизмом то, что другие считают продуктом самого греческого языка. Поэтому мы приведем здесь лишь те явления, которые признают за гебраизмы такие умеренные исследователи, как *Schmiedel* и *Thayer*. Но напомним, что даже и эти гебраизмы мы вовсе не считаем непременно все за таковые; весьма возможно, что многие из них суть чисто греческие явления, только неизвестные нам из памятников греческого языка.

А. Лексические гебраизмы

а) *Новые слова.* Из них: 1) некоторые представляют просто транскрипцию семитических слов, например, ἀβαμά (LXX), ἀββά, ἀδωναί и ἀδωναίε (LXX), ἀλληλουῖα, ἀμήν, γαββαθά,

Γολγοθά, κορβάν, πάσχα, ραββεί, ρακά, σαβαώθ, σατάν, σιμέρα, ταλειθά, χειρουβείν; 2) другие несколько изменены на греческий лад, обыкновенно в окончаниях; таковы βάτος (мера), γέεννα, γειώρας, ζιζάνιον (растение), κάβος (LXX; мера), κόρος (мера), μαμωνάς, μάννα, σάββατον, σάτον (мера), χαυών (LXX). Мы не приводим здесь слов семитического происхождения, с давних пор вошедших в греческий язык и получивших в нем права гражданства; полный список таких слов см. в книге *H. Lewy. Die semitischen Fremdwörter im Griechischen. Berlin, 1895*; мы привели лишь те, которые, сколько мы можем судить, заимствованы из еврейского самими LXX и писателями Нового Завета.

б) Более многочисленны слова и выражения греческие по происхождению, но под еврейским влиянием принявшие *новое значение*; к ним относят, например, следующие: ὁ αἰὼν οὗτος (ἐκεῖνος; ὁ μέλλων), ἀποκρίνομαι «начинаю говорить» (хотя раньше нет вопроса), δέω и λύω «запрещаю» и «позволяю», δόξα «сияние» (τοῦ φωτός; Деян. 22, 11), δυνάμεις τοῦ οὐρανοῦ (о звездах), ἐπισκοπή (о божественном «посещении»), μακροθυμῶ «долготерплю», οἰκοδομῶ (в переносном смысле об увеличении — созидании христианской мудрости, благочестия, святости), ὀφειλέτης и ὀφειλήματα «должник» и «долги» (по отношению к греху), ὁδός «жизнь», περιπατῶ «живу», ποιῶ τὸν νόμον «исполняю закон», πορευομαι «живу» и «умираю», πορνεύω «служу идолам», προστίθεμαι с inf. «повторяю» (например, Лк. 20, 11: προσέθετο ἕτερον πέμψαι δοῦλον = πάλιν ἐπέμψεν), σκάνδαλον и σκανδαλίζω (в переносном смысле), σπέρμα «потомство», φωτίζω (о духовном просвещении).

Много слов греческого происхождения имеют в библейском языке специальное значение, относящееся к еврейской религии, национальным учреждениям, обычаям, историческим происшествиям и т. п.; таковы: ἄγγελος (ἀρχάγγελος), ἀκροβυστία, ἀνάθεμα и ἀναθεματίζω, ἀποδεκατῶ, ἀποσυνάγωγος (ἀρχισυνάγωγος

и др.), οἱ ἄρτοι τῆς προθέσεως, γραμματεὺς «книжник», διάβολος, διαθήκη, διασπορά, δωδεκάφυλον, ἐγκαίνια, ἐγκαινίζω, ἐξορκιστής «заклинатель бесов», ἐπιγαμβρεύω, θυσιαστήριον, τὸ ἱλαστήριον, καθαρίζω и κοινῶ (ο чистоте и нечистоте в левитском смысле), κληρονομῶ (в техническом употреблении), λατρεία (ритуальное служение), λυτρῶ (в теократическом смысле), μοσχοποιῶ, νομοδιδάσκαλος, ὀλοκαύτωμα, πατριάρχης, πεντηκοστή, πρεσβυτέριον, προσήλυτος, προφήτης, πρωτοκαθεδρία, πρωτοτόκια, σκηνοπηγία, συναγωγή, συνέδριον, υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου (τοῦ θεοῦ), φυλακτήριον.

Некоторые слова, как полагают, может быть, даже образованы самими иудеями-эллинистами или новозаветными писателями для выражения нужных им понятий, от чисто греческих слов, например: λιθοβολῶ, αἱματεκχυσία, σκληροκαρδία, σκληροτράχηλος, ἀγαθοεργῶ, ὀρθοποδῶ, ὀρθοτομῶ, μοσχοποιῶ, μεγαλωσύνη, ταπεινοφροσύνη, παραβάτης, πατριάρχης, ἀγενεαλόγητος χρυσοδακτύλιον. Наиболее вероятно иудейское происхождение таких слов, которые относятся к иудейской религии, обычаям, учреждениям и т.д. (см. приведенные выше) или к идолопоклонству, например, εἰδωλόθυτος, εἰδωλολατρεία.

Некоторые выражения, состоящие из чисто греческих слов, по большей части образные, представляют собой, как полагают, буквальный перевод семитических выражений и в таких сочетаниях были чужды грекам, например, ἀνίστασθαι σπέρμα τινί, ἀπερίτμητος τῇ καρδίᾳ, λέγειν ἐν τῇ καρδίᾳ, ἡ καρδία ἡμῶν πεπλάτυνται, ἐν γεννητοῖς γυναικῶν, ἐν ἡμέραις Ἡρώδου, ἔσκαψε καὶ ἐβάθυνε, ζητεῖν τὴν ψυχὴν τινος, καρποὶ τῶν χειλέων, ὀφειλήματα ἀφιέναι «отпускать грехи», ὀφθαλμὸς πονηρός (ο зависти), πορεύεσθαι ὀπίσω τινός «быть последователем кого», ποτήριον «чаша» (в образном смысле), εἰς πρόσωπόν τινος βλέπειν и πρόσωπόν τινος λαμβάνειν или θαυμάζειν «смотреть на лицо кого» в смысле «обращать внимание на его общественное положение, быть лицеприятным», σάξ καὶ αἷμα σπλαγχνίζεσθαι, στηρίζειν τὸ

πρόσωπον, στόμα μαχαίρης, υἱὸς или τέκνον с род. пад. отвлеченного имени (например, ἀπωλείας, εἰρήνης, βροντῆς, φωτός, ὀργῆς, ὑπακοῆς и др.), χεῖλος τῆς θαλάσσης.

Б. Грамматические гебраизмы

Грамматические гебраизмы обязаны своим происхождением также буквальному переводу с еврейского; к числу их обыкновенно относят, например, следующие случаи: употребление предлога ἐν с дат. пад. в смысле простого dat. instrumenti, например, κραῖζειν ἐν φωνῇ μεγάλῃ «кричать громким голосом», ποιεῖν κράτος ἐν βραχίονι, πολεμεῖν ἐν τῇ ῥομφαίᾳ τοῦ στόματος; употребление предлога εἰς с винит. пад. в качестве сказуемого вместо именительного или винительного падежа при глаголах «быть», «считаться», «считать» и т.п., например, ἔσονται εἰς σὰρκα μίαν «будут единою плотью» (= ἔσονται σὰρξ μία), ἐλογίσθη εἰς δικαιοσύνην, εἰς οὐδὲν λογισθῆναι, εἰς προφήτην αὐτὸν εἶχον; некоторые конструкции глаголов с предлогами, например, ὁμνῶειν ἐν τινι, φεύγειν ἀπὸ τινος, ἐλπίζειν ἐπὶ τινα или ἐπὶ τινι, ποιεῖν ἔλεος μετὰ τινος «оказывать милость кому», μεγαλύνειν ἔλεος μετὰ τινος и др.; употребление несобственных предлогов ἔμπροσθεν (Мф. 11, 26; 18, 14), ἐνώπιον (Деян. 6, 5), κατενώπιον (Еф. 1, 4), κατέναντι (Рим. 4, 17), ὀπίσω (Лк. 14, 27) — там, где в чисто греческой речи был бы другой оборот, например, Мф. 18, 14 οὐκ ἔστιν θέλημα ἔμπροσθεν τοῦ πατρὸς ὑμῶν «нет воли Отца вашего»; Деян. 6, 5 ἤρεσεν ὁ λόγος ἐνώπιον παντὸς τοῦ πλήθους «понравилось это предложение всему собранию». Иногда употребляется описание, состоящее из предлога и существительных ὀφθαλμός, πρόσωπον, στόμα, χεῖρ там, где в чисто греческой речи достаточно одного предлога, например, Деян. 5, 41 ἐλογεῦοντο ἀπὸ προσώπου τοῦ συνεδρίου «ушли от синагргиона»; Ин. 10, 39 ἐξῆλθεν ἐκ τῆς χειρὸς αὐτῶν «избавился от них». Местоимения иногда ставятся плеонастически там, где в чисто греческой речи они не должны быть, особенно, αὐτός, которое ставится даже при причастии и в относительном предложении при ὅς, например, Апок. 2, 7 τῷ

νικῶντι δώσω αὐτῷ; Мк. 7, 25 γυνή, ἥς εἶχεν τὸ θυγάτριον αὐτῆς πνεῦμα ἀκάθαρτον. Родит.падежотвлеченногосуществительного употребляется при существительном там, где в чисто греческой речи было бы прилагательное или другой какой-нибудь оборот (в еврейском языке употребление прилагательного вообще мало развито), например, Лк. 18, 6 ὁ κριτὴς τῆς ἀδικίας = ὁ ἄδικος κριτὴς; Евр. 12, 15 ῥίζα πικρίας = ῥίζα πικρά. Выражение καὶ ἐγένετο или ἐγένετο δὲ ставится плеонастически, как введение перед определением времени или перед рассказом о каком-либо случае, например, Лк. 2, 1 ἐγένετο δὲ ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις ἐξηλθεν δόγμα; Лк. 19, 15 καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἐπανελθεῖν αὐτὸν ... καὶ εἶπεν. Упомянутое выше (с. 94–95) употребление при глаголе причастия, тождественного ему, или дательного падежа существительного одного корня с этим глаголом, например, βλέποντες βλέπετε, χαρᾷ χαίρειν есть перевод еврейского inf. absolutus. Гебраизмом считается также плеонастическое употребление причастий λαβὼν, ἀναστὰς, ἀπελθὼν, πορευθεὶς (см. выше, с. 94–95). Условное предложение с εἰ без аподосиса ставится иногда, как подражание еврейскому, для выражения сильного отрицания с клятвой или без нее, например, Евр. 4, 3 (= Пс. 95, 11) ὥμοσα ἐν τῇ ὀργῇ μου· εἰ εἰσελεύσονται εἰς τὴν κατάπαυσίν μου «покаялся: не войдут»; Мк. 8, 12 ἀμὴν λέγω ὑμῖν, εἰδοθήσεται τῇ γενεᾷ ταύτῃ σημεῖον «не будет дано». Употребление οὐ ... πᾶς в смысле οὐδείς тоже считается гебраизмом, как и выражение τί ἐμοὶ καὶ σοί (Мк. 1, 24; Ин. 2, 4).

IV. Христианский элемент в Новом Завете

Христианский элемент в Новом Завете проявляется только в лексическом отношении. Христианство, давши жизнь новым понятиям, естественно, должно было выработать для них и словесные выражения. Много ли оно ввело совсем новых слов, мы с точностью определить не можем по недостаточному знанию обыкновенного греческого языка того времени;

несомненно, что во многих случаях новая вера брала для выражения нужных ей понятий слова обычные, придавая им свое особое значение; например, даже такие, по-видимому, чисто христианские слова, как εὐαγγέλιον, ἱερεὺς, ἀρχιερεὺς, ἐπίσκοπος, πρεσβύτερος, λειτουργία, употреблялись в обыденной речи у язычников. Многие греческие слова перешли в христианство уже со своеобразным значением из перевода LXX. Что же касается слов обыкновенных, не относящихся к области религии, которые в словарях отмечаются как христианские только потому, что они неизвестны нам из языческих писателей, то, по всей вероятности, такие слова были общи язычникам и христианам и лишь по простой случайности известны нам только из христианских писателей; по крайней мере, проф. Ад. Дейсману удалось найти в языческих папирусах и надписях немало слов, которые считались прежде чисто христианскими. Поэтому не следует придавать значения тому, что какое-либо слово у языческих авторов не найдено, и из того, что слово впервые мы встречаем в Новом Завете, никак не следует, что оно сочинено христианами или до них не существовало. Ради полноты, однако, приведем:

а) Слова Нового Завета, не найденные пока у светских писателей: ἀγαθοποιία, αἰσχροκερδῶς, ἀκατάκριτος, ἀλίσγημα, ἀνακαινώω, ἀνακαινῶσις, ἀντιμισθία, ἀντίχριστος, ἀπέκδυσις, ἀπελεγμός, αὐτοκατάκριτος, ἀφιλάγαθος, ἀφιλάργυρος, βαπτολογέω, δαιμονιώδης, δικαιοκρασία, δῖλος, δῶκτης, δοκιμή, ἐγκομβόομαι, ἐθελοθρησκία, εἰδωλολατρία и подобные, ἐπιούσιος, ἐτεροδιδασκαλέω, εὐαγγελιστής¹⁷, εὐμετάδοτος, εὐπροσώπεω, θεοδίδακτος, ἰσάγγελος, καλοδιδάσκαλος, καρδιογνώστης, καταθεματίζω, κenoφωνία, λογομαχέω, λογομαχία, ὀλιγόπιστος, ὀλιγοπιστία, ὀρθοποδέω, ὀφθαλμοδοουλία, πληροφορία, πολὺσπλαγχνος, προσωπολήμπτης (~λημπτέω, ~λημψία),

¹⁷ Для εὐαγγελιστής см. также А. Dieterich в «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft», I (1900), 4. S. 336–338.— Н. Н. Г.

πρωτοκαθεδρία, συγκακοπαθέω, συγκακουχέω, συζωοποιέω, σύμψυχος, συσταυρόω, φρενα|πατάω (~πάτης), φυ|σιόω (~σιώσις), χρηστεύομαι, ψευδάδελφος, ψευδαπόστολος (и другие сложные с ψευδο-).

б) Новые значения, какие христианство дало старым словам. Сюда относятся прежде всего слова с техническим или ритуальным значением, например: ἀδελφός о брате-христианине, ἀποστολή и ἀπόστολος об апостолах, ἀρχαί, ἐξουσίαι и др. об Ангелах, βάπτισμα, γλῶσσα о даре языков, διάκονος, ἐκκλησία, ἐπίσκοπος, εὐαγγέλιον, ἱερεὺς о христианах, κλητοί «званные» и ἐκλεκτοί «избранные», παράδεισος (2 Кор. 12, 4) о рае небесном, παράκλητος, προφητεύω и προφήτης о христианском пророчестве, τύπος о событии Ветхого Завета, которое было прообразом события Нового Завета ἀντίτυπον, Χριστός.

в) Новая вера вообще возвысила и одухотворила значения многих старых слов, каковы, например: ἀγάπη, εἰρήνη, ζωή, θάνατος, κόσμος, πίστις, συνείδησις, σωτηρία¹⁸, χάρις, ψυχή. Рабское слово ταπεινοφροσύνη было облагорожено; слово σταυρός, говорившее о позоре, было увенчано ореолом славы.

г) Образовались вновь целые выражения, например: ἀποθανεῖν τῇ ἁμαρτίᾳ, ζῆν τῷ Θεῷ, ζῆν τῷ Θεῷ ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ, τῶν πιστευόντων δι' ἀκροβυστίας, τῆς ἐν ἀκροβυστίᾳ πίστεως, βαπτίζειν τινὰ ἐν πνεύματι, εἰς πνεῦμα, εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς, ἐπὶ τῷ ὀνόματι, ἐν τῷ ὀνόματι, εἰς Χριστόν, εἰς τὸν θάνατον, εἰς ἐν σῶμα.

Однако все сказанное о новых греческих словах и значениях слов, введенных иудейством или христианством, относится не столько к истории языка, сколько к истории религии. Греческий иудей, например, который впервые образовал слово εἰδωλόθυτος по аналогии с ἱερόθυτος, не коверкал этим греческого языка и не полагал начала новому диалекту; это был термин его отличной от греков религии, а не отличного

¹⁸ О Σωτήρ см. P. Wendland в «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft», V (1904), 4. S. 335–353, а о σώζειν и его производных W. Wagner. Ibid., VI (1905), 3. S. 205–235.— H. H. Г.

от греков языка. То же самое надо сказать и о перемене значений старых слов, произведенной иудейством и христианством. Что многие пустые слова стали содержательными и полновесными, презренные — почетными, это не нуждается в доказательстве. Но все это относится к истории религии, а не языка: язык христиан был таким же греческим, как и язык остальных греков, о чем мы уже говорили.

Мнимые гебраизмы и христианизмы. В словарях к Новому Завету и теперь еще тщательно отмечаются слова, попадающиеся только в Библии, и этому обстоятельству придается важное значение, как доказательству того, что язык Библии совсем особый и в значительной степени является созданием самих библейских писателей. На самом деле это обстоятельство по большей части чисто случайное, как мы уже говорили. Мы упоминали также, что исследования проф. Ад. Дейсмана (а отчасти и некоторых других ученых) показали, что многие слова, значения слов и конструкции, считавшиеся исключительно библейскими, на самом деле встречаются в языке папирусов и надписей, т.е. были принадлежностью обыкновенного греческого языка.

Таковы слова: ἀγάπη, ἀκατάγνωστος, ἀντιλήμπτωρ, ἐλαιὼν, ἔναντι, ἐνώπιον, εὐάρεστος, εὐίλατος, ἱερατεῦειν, καθαρίζειν, κυριακός, λειτουργικός, λογεῖα, νεόφυτος, ὀφειλή, περιδέξιον, ἀπὸ πέρουσι, προσευχή, πυρράκης, σιτομέτριον, φιλοπρωτεύειν, φρεναπάτης.

То же должно сказать о «библейских» значениях слов и выражений: ἀδελφός в смысле «член религиозного сообщества», ἀναστρέφεσθαι и ἀναστροφή в этическом смысле, ἀντίλημψις «помощь», λειτουργεῖν и λειτουργία в сакральном смысле, πρεσβύτεροι «священники»¹⁹, ἐρωτᾶν «просить», ἀρεσκεία в хорошем смысле, ἐπιθυμητής в дурном смысле, ἐξιλάσκεσθαι τὰς ἁμαρτίας, λούειν о сакральных омовениях, πάροικος

¹⁹ Ср. к сему *H. Hausschildt*. Πρεσβύτεροι in Aegypten im I–III Jahrhundert n. Chr. в «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft», IV (1903), 3. S. 235–242.— *H. H. Г.*

«пришелец». Даже из приведенных нами выше гебраизмов и христианизмов некоторые, вероятно, были явлениями чисто греческими, например, οἱ ἄγιοι τῆς προθέσεως, κατὰ πρόσωπόν τινος в смысле простого κατὰ, πρεσβυτέριον, προφήτης. Рассмотрим подробнее некоторые из предполагаемых «библейских» слов.

Ὀνομα в смысле «авторитет, власть» (например, βαπτίζειν τινὰ εἰς ὄνομά τινος) или в смысле «лицо» (например, Деян. 1, 15 ὄχλος ὀνομάτων) встречается в языке папирусов и надписей (см. *Ad. Deissmann: Bibelstud.* 143; *N. Bibelstud.* 24).

Νύμφη в значении «невестка» (обыкновенно оно значит «невеста» или «молодая женщина») считается за гебраизм ввиду того, что еврейское kallah означает «невеста» и «невестка»; однако новогреческое νύφη, употребляемое в значении «невеста, молодая женщина» и «невестка», показывает, что и библейское значение νύμφη «невестка» нет надобности считать подражанием еврейскому, а что здесь — случайное сходство между греческим и еврейским, точно так же, как и церковно-славянское «невеста» имеет оба эти значения (см. и выше с. 60–61).

Ὁρθρίζειν «рано вставать» также напрасно считается гебраизмом; древний лексикограф Мирид знает это слово и называет его эллинистическим; образование его вполне правильно — такое же, как глагола ὀρθρεύειν, известного нам из Феокрита.

Ὑπολόδιον, встречающееся впервые у LXX, еще в грамматике *Winer-Schmiedel*'я (с. 23 грамматики) причисляется к словам, которые могли быть образованы самими иудеями. Однако это слово встречается не только в позднейшей греческой литературе — у Лукиана и Афиней, но и на папирусах.

Форму κατήγορ (вместо аттич. κατήγορος) в Апок. 12, 10 Шмидель (*Грамм.*, §§ 8, 13) считает не греческим, но арамейским образованием. На самом же деле это — форма вполне греческая, только простонародная; образование ее аналогично образованию позднейшей формы διάκων вместо διάκονος и обязано своим

происхождением тому, что в *κοινή* родительный падеж слов III склонения имел окончание -ου, например, ἀλεκτόρου, Εὐπλάτορου, ἀστέρου — формы, вполне сходные с κατηγόρου, вследствие чего от κατηγόρου и мог легко образоваться именительный падеж κατήγορ.

Форма ἐραυνάω (вместо аттич. ἐρευνάω) часто встречается у LXX и в Новом Завете и долго считалась одним из самых сильных доказательств в пользу иудейско-греческого языка. Но теперь она найдена на папирусах и потому должна быть признана чисто греческой формой разговорной *κοινή*.

Повторение слова в разделительном значении (см. выше, с. 84–85), например, δύο δύο «по два», употребляется и в теперешнем новогреческом языке (см. *Б. И. Ордынский*. Сличение грамматики простонародного греческого языка с грамматикой языка древнегреческого. Казань, 1858. С. 88); стало быть, это — не гебраизм, как думают обыкновенно, а чисто греческая конструкция, случайно тождественная еврейской; нечто подобное есть и в классической литературе: Aeschyl. Pers. 981 μυρία μυρία πεμπαστάν = τὸν κατὰ μυρίους ἀριθμοῦντα.

Предполагаемый гебраизм — излишнее употребление слова ὄνομα, например, Мф. 1, 21 καλέσεις τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἰησοῦν; Лк. 2, 21 ἐκλήθη τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἰησοῦς, встречается на папирусах уже около 260 г. до Р. X.

В описании имперфекта посредством причастия с εἶναι (см. выше, с. 86) обыкновенно видят арамейское влияние; однако это описание встречается уже в папирусах эпохи Птолемеев и у эллинистических авторов, например, у Аристия и особенно часто у Александра Афродисийского (II–III вв. по Р. X.).

Нагромождение личных местоимений (см. выше, с. 85) считают обыкновенно гебраизмом; но скорее это — признак вообще безыскусственного языка: по крайней мере, и в языке чисто греческих папирусов мы встречаем такое же явление, например: ἐπελθὼν...εἰς τὴν οἰκίαν μου, ὡς ζητῶν τὸν ἄνδρα μου, ἄρας τὸν λῆχον μου, ἀνέβη εἰς τὴν οἰκίαν μου (Aegyptische

Urkunden aus den königlichen Museen zu Berlin, II, № 22, строки 24–30); то же в надписи царя нубийского Силько (Corpus inscriptionum. Т. III. С. 486, или у *Mullach*. Grammatik der griechischen Vulgärsprache. С. 23), язык которой, правда, полуварварский, но во всяком случае по общему типу близкий к разговорному: ἐποίησα εἰρήνην μετ' αὐτῶν καὶ ὥμοσάν μοι τὰ εἶδωλα αὐτῶν καὶ ἐλίστευσα τὸν ὄρκον αὐτῶν.

Монотонное соединение предложений посредством καὶ (см. с. 97), в котором нередко видят влияние семитического духа, на самом деле, вероятно, есть явление чисто греческое: по крайней мере, и в новогреческом языке соединение предложений посредством καὶ вместо подчинения их одного другому не представляет ничего редкого (см. *Ордынский*. Сличение грамматики..., с. 102), да и Аристотель уже любит соединять предложения посредством καὶ. То же мы видим и в надписи царя Силько: в 22 строках ее καὶ поставлено 11 раз.

Употребление εἰ μὴν в клятвах (см. выше, с. 96) считается иудейско-греческой формулой, возникшей из смешения гебраистического εἰ μὴ в клятвах (см. выше, с. 68) с аттическим ἢ μὴν; но это мнение опровергается тем, что εἰ μὴν в этом смысле найдено на папирусах.

Анаколуф, указанный выше (на с. 97) и считаемый обыкновенно за гебраизм, на самом деле тоже, может быть, есть явление, свойственное разговорному греческому языку: так, в одном греческом стихотворении XV века есть совершенно такой же оборот: ἡ πόλις ἡ ἀγάπη σου, ἐπῆραν τῇν οἱ Τοῦρκοι вместо τὴν πόλιν ἐπῆραν οἱ Τοῦρκοι (см. *Thumb*. Griechische Sprache. С. 131). Такое же построение фразы мы находим и в надписи царя Силько: οἱ γὰρ φιλόνεικοί μου ἀρπάξω τῶν γυναικῶν καὶ τὰ παῖδια αὐτῶν, что, вероятно, значит: «Я похищаю жен и детей моих врагов».

Что касается многих других предполагаемых гебраизмов и христианизмов, не найденных еще и до сих пор нигде в греческих памятниках, то можно предположить, что и это случайность и

что со временем, может быть, хотя некоторые из них найдутся на каком-нибудь папирусе или надписи или в тексте какого-нибудь вновь открытого автора.

V. Разница в языке библейских писателей

Как мы говорили выше (с. 62), библейский язык не представляет собой в лингвистическом отношении одного целого: как светские писатели, так и библейские имеют каждый свои особенности в языке. Язык переводчиков и писателей Ветхого Завета в этом отношении совсем не исследован; язык писателей Нового Завета исследован довольно мало — лишь в общих чертах. Поэтому мы можем дать здесь лишь общую характеристику языка некоторых новозаветных писателей.

Разница в языке новозаветных писателей зависит, помимо индивидуальных особенностей каждого из них, главным образом от степени его литературности: одни пишут более литературным языком, т. е. приближающимся к аттическому, другие — более простым, т. е. близким к обычному разговорному языку своего времени. Наиболее литературными писаниями являются послание к Евреям, Деяния Апостолов и Евангелие Луки; наиболее простонародным языком написан Апокалипсис; остальные писания занимают средние места, приближаясь то к одной стороне, то к другой. Так, о послании к Евреям мы имеем отзыв Оригена у Евсевия, Церк. Ист. VI, 25:11: ὅτι ὁ χαρακτήρ τῆς λέξεως τῆς πρὸς Ἑβραίους ἐπιγεγραμμένης ἐπιστολῆς οὐκ ἔχει τὸ ἐν λόγῳ ἰδιωτικὸν τοῦ ἀποστόλου ὁμολογήσαντος ἑαυτὸν ἰδιώτην εἶναι τῷ λόγῳ, τοὔτεστι τῇ φράσει, ἀλλὰ ἐστὶν ἡ ἐπιστολὴ συνθέσει τῆς λέξεως ἑλληνικωτέρα, πᾶς ὁ ἐπιστάμενος κρίνειν φράσεων διαφορὰς ὁμολογήσαι ἄν («что характер языка Послания, носящего заглавие «к Евреям», не включает в себе простоты речи апостола, признающего себя простецом в речи, т. е. в способе выражения, но что это послание по слогу языка более греческое,— это признает всякий, могущий судить о разнице в способе

выражения»). Апостол Лука, греческий врач и, как говорит Симеон Метафраст, обладавший всей эллинской образованностью παιδεία (Migne gr. CXV, 1129), был (по авторитетному суждению блаж. Иеронима, превосходного стилиста своего времени) *inter omnes evangelistas graeci sermonis eruditissimus* («между всеми евангелистами лучшим знатоком греческого языка»). О языке автора Апокалипсиса Дионисий у Евсевия (Церк. Ист. VII, 25: 26) дает такой отзыв: *διάλεκτον μέντοι καὶ γλῶσσαν οὐκ ἀκριβῶς Ἑλληνίζουσιν αὐτοῦ βλέπω, ἀλλ' ἰδιώμασι τε βαρβαρικοῖς χρώμενον καὶ πού καὶ σολοικίζοντα* («нарекание его и язык, как я вижу, не вполне греческие, но он употребляет и варварские (негреческие) выражения, а кое-где допускает и солецизмы»).

Послания апостола Павла в лингвистическом отношении безыскусственны; он писал так, как говорил, т. е. живым языком того времени, но, однако, не таким простонародным, каким написан Апокалипсис, а разговорным языком более или менее образованных людей, и нередко применял разные риторические фигуры; недаром блаж. Иероним в своих комментариях не раз указывает на его знакомство со светской литературой (*litterae saeculares*), но вместе с тем и признает его недостаточное знание греческого языка,— конечно, литературного, аттического: *Hebraeus ex Hebraeis et qui esset in vernaculo sermone doctissimus, profundos sensus aliena lingua exprimere non valebat, nec curabat magnopere de verbis, quum sensum haberet in tuto* (Comm. in ep. ad Gal. III, с. 6) — «еврей, родом из евреев, большой знаток своего родного языка, он не мог выражать глубоких чувств на чужом языке, да и не заботился особенно о словах, когда относительно смысла не было опасности». Иероним отмечает у апостола «солецизмы», т. е., конечно, погрешности против аттического литературного языка: *nos quotiesquumque soloecismos aut tale quid annotavimus etc.* (In ep. ad Ephes. III, с. 5) — «когда мы отмечаем солецизмы или что-нибудь подобное». Не будучи литературными произведениями (с точки зрения аттицистических теорий того времени), послания апостола Павла представляют собой

памятник разговорной *κοινή*: выбор слов его таков, что древнему грамматiku-аттикисту пришлось бы беспрестанно делать поправки, чтобы устранить все слова, не допускавшиеся в письменном языке образованного общества. Так, величественных слов *υπεροείτε* *οἴητε* (1 Кор. 16, 13) не употребил бы ни один писатель того времени, сколько-нибудь заботившийся о красоте формы, потому что оба эти слова — простонародные. Да и несправедливо было бы ожидать от апостола Павла литературного языка; он не был писателем или даже эпистолографом: его послания суть обыкновенные письма, записанные таким языком, каким он говорил²⁰: а говорил он в лингвистическом отношении так, как говорили обыкновенные «маленькие люди» того времени. Его послания отличаются от писем этих «маленьких людей» не большей литературностью, а тем, что их писал человек, обладавший природным даром слова и пророческим пафосом пламенной души. *Tonat, fulgurat, meras flammas loquitur Paulus!*

Приблизительно такова же степень литературности и трех Евангелий — Матфея, Марка, Иоанна. Язык Евангелия от Матфея *Fr. Blass* в предисловии к своему изданию этого Евангелия (*Evangelium secundum Matthaeum*, Lipsiae, 1901. С. 111) характеризует так: *Quod (= hoc scriptum) sive ab initio graeco sermone conceptum sive ex aramaico hebraicove Matthaei apostoli commentario ab ignoto aliquo homine est conversum; certe longissime distat ab eo versionum genere, quod ex LXX qui vocantur Veteris Testamenti interpretum opera cognitum habemus, nitetque elocutione graeca satis pura, simplici plerumque, sed in orationibus quidem dictisque ceteris saepe etiam praevalida et luminibus orationis haud*

²⁰ Эту мысль особенно настойчиво (и преувеличенно) выдвинул проф. *Adolf Deissmann* (*Bibelstudien*. Marburg, 1895. S. 187–252; *Bible Studies*. Edinburgh, 1901. P. 3–59; *Encyclopaedia Biblica* ed. by Prof. T. K. Cheyne H. London, 1901, col. 1323–1329; «*Theologische Literaturzeitung*», 1906, 8, Sp. 231, *Licht vom Osten*. Tübingen, 1908. S. 157 ff.), но ее разделяют и пропагандируют теперь многие авторы: см., например, Prof. *Wilhelm Soltau*. *Brief oder Epistel* в «*Neue Jahrbücher*», 1906, II. S. 17–29. Данные и замечания о них см. у проф. *Н. Н. Глубоковского*. Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу. Т. II.— *Н. Н. Г.*

mediocribus distincta («написано ли Евангелие Матфея с самого начала по-гречески, или переведено каким-нибудь неизвестным лицом с арамейской или еврейской записи ап. Матфея,— во всяком случае, оно очень далеко от таких переводов, какие нам известны по труду так называемых LXX толковников Ветхого Завета: оно отличается довольно чистым греческим языком, по большей части простым, но в речах и вообще там, где приводятся чьи-либо слова, часто даже очень сильным и украшенным в значительной степени цветами красноречия»). Язык евангелиста Иоанна Дионисий у Евсевия, Церк. Ист., VII, 25:25, находит вполне греческим (конечно, эллинистического периода): τὰ μὲν γὰρ ... ἀπταιστῶς κατὰ τὴν τῶν Ἑλλήνων φωνὴν ... γέγραπται... Πολλοῦ γέ δεῖ βάρβαρόν τινα φθόγγον ἢ σολοισμὸν ἢ ὁλῶς ἰδιωτισμὸν ἐν αὐτοῖς εὐρεθῆναι («они — т. е. Евангелие и Послание Иоанна — написаны без погрешностей против греческого языка. Нечего и говорить, что в них не найдется ни варварского звука, ни солецизма, ни вообще простонародного выражения»).

Но замечательно, что разные писания одного и того же писателя и даже различные части в одном и том же писании не одинаковы по литературности. Так, в Евангелии Луки, как мы говорили выше (с. 51), пролог, написанный апостолом самостоятельно, отличается большей литературностью, чем другие его части, и период, из которого состоит весь этот пролог, есть (вместе с начальным периодом послания к Евреям) лучший период во всем Новом Завете. Деяния Апостолов, написанные тем же Лукой, в общем более литературны, чем его Евангелие; но и в Деяниях одни части менее, другие более литературны; примером первого рода может служить речь Стефана (гл. 7), второго — речь Павла (гл. 22). См. проф. *Eduard Norden*. *Die antike Kunstprosa* II, S. 483–484. Ап. Павел в посланиях к отдельным лицам пишет иначе — несколько более высоким слогом, чем в посланиях к общинам (Blass. *Grammatik*. С. 6 1-го и 2-го изд.).

О степени литературности того или другого писания можно судить на основании выбора слов, морфологии, синтаксиса: чем

больше слов, форм и оборотов аттических, чуждых живой речи эллинистического периода, тем более литературным должно считаться произведение. Так, глагол οἶδα в «общем диалекте» спрягался так: οἶδας, οἶδε(ν), οἶδαμεν, οἶδατε, οἶδασι(ν). Но в речи ап. Павла (Деян. 26, 4) стоит аттическая форма ἵσασι, также в посл. к Евр. 12, 17 ἵστε (см. выше с. 80). В той же речи апостола Павла находится единственная во всем Новом Завете форма превосходной степени на -τατος (26, 5 τὴν ἀκριβεστάτην αἴρεσιν). Inf. fut., исчезнувший из народного языка в эпоху апостолов, встречается только в Деяниях и в послании к Евреям. Optativus с ἄν (modus potentialis) и optativus orationis obliquae, также исчезнувшие из народного языка, в Новом Завете встречаются опять-таки только у ап. Луки в Евангелии и в Деяниях. Аттическое ὅπως ἄν с conj. в предложениях цели встречается только у Луки; φοβέσθαι μή — только у Луки, Павла и в послании к Евр.; ἄξιῶ с асс. с. inf.— только у Луки; косвенная речь, выраженная через асс. с. inf.— только у Луки (Деян. 1, 4; 25, 4); предложение сῖνα вместо классического inf. Лука употребляет редко, особенно в Деяниях; также в посланиях Иакова, Петра и к Евр. ἵνα встречается лишь как действительный союз цели.

Особенно важным критерием литературности служит употребление частиц, например, μέν и δέ: так, в одной 7-й главе послания к Евр. частицы μέν — δέ встречаются 7 раз, т. е. в одной главе их больше, чем в двух любых посланиях Павла, вместе взятых [*Ed. Norden. Die antike Kunstprosa* II, 499, прим. 2].

Проф. *Норден* (*Die antike Kunstprosa* II, 485 сл.) сделал в таблицах сопоставление целого ряда мест одинакового содержания из Евангелий трех синоптиков, из которого ясно видно, что язык Луки литературнее, т. е. ближе к аттическому, чем язык Матфея и Марка: Лука избегает не только иностранных слов, как ῥαββεῖ, ἀγγαρεύω, ἀμῆν, κοδράντης (ибо иностранных слов литературный язык избегал), но даже и эллинистических, которые отвергались аттикистами, и, наконец, употребляет аттические формы вместо

эллинистических. Таблицы Нордена настолько поучительны, что мы приводим их почти целиком.

МАРК	МАТФЕЙ	ЛУКА
	5, 26 κοδράνην ²¹	12, 59 λεπτόν
15, 15 τὸν Ἰησοῦν φραγελλώσας παρέδωκεν	27, 26 так же	23, 25 φραγ. нет
12, 42 λεπτά δύο, ὃ ἐστὶν κοδράνης ²¹		21, 2 λεπτά δύο
12, 14 κήνσον ²¹	22, 17 так же	20, 22 φόρον
15, 39 κεντυρίων ²¹	27, 54 ἑκατοντάρχης	23, 47 ἑκατοντάρχης
11, 9 ὡσαννά ²¹	21, 9 так же	19, 38 ὡс. нет
11, 10 ὡσαννά ²¹ ἐν ὑψίστοις	21, 9 так же	19, 38 δόξα ἐν ὑψίστοις
14, 45 ῥαββεί ²¹	26, 49 так же	22, 47 ῥαβ. нет
15, 22 ἐπὶ τὸν Γολγοθᾶν ²¹ τόπον, ὃ ἐστὶν μεθερμηνε- υόμενον Κρανίου τόπος	27, 33 εἰς τόπον λεγόμενον Γολγοθᾶ ²¹ , ὃ ἐστὶν Κρανίου	23, 33 ἐπὶ τὸν τόπον τὸν καλούμενον Κρανίον
15, 34 ἐλωί ἐλωί λαμὰ σαβαχθανί ²¹	27, 46 так же	23, 46 изменено и арамей- ские слова выпущены
	24, 47 ἀμήν ²¹	12, 44 ἀληθῶς и так часто в других местах ²²
	23, 39 οὐ μὴ με ἴδητε ἀπ' ἄρτι ἕως ἃν εἴπητε	13, 35 οὐ μὴ ἴδητέ με ἕως ἥξει ὅτε εἴπητε
	26, 29 ἀπ' ἄρτι	22, 18 ἀ π ὁ ὕ ν ὕ ν
	26, 64 ἀπ' ἄρτι ²³	22, 69 ἀπὸ τοῦ νῦν
13, 16 ὁ εἰς τὸν ἀγρὸν μὴ ἐπιστρέψάτω εἰς τὰ ὀπίσω ²⁴	24, 18 ὁ ἐν τῷ ἀγρῷ μὴ ἐπιστρέψάτω ὀπίσω	21, 21 οἱ ἐν ταῖς χώραις μὴ εἰσερχέσθωσαν εἰς αὐτήν (т. е. τὴν πόλιν)

²¹ Иностранные слова!

²² Ср. *H. Cremer. Biblisch-theologisches Wörterbuch*, 9-е изд., с. 155: «У Луки ἀμήν встречается очень редко; он заменяет его посредством ἀληθῶς (9, 27; 12, 44; 21, 3), ἐπ' ἀληθείας (4, 25), ναί (11, 51), πλὴν (10, 14; 22, 21), λέγω ὑμῖν, λέγω σοι, где у других евангелистов стоит ἀμήν λέγω ὑμῖν (ср. Лк. 7, 9 с Мф. 8, 10 и др.)».

²³ Употребление ἀπ' ἄρτι вместо ἀπὸ τοῦ νῦν запрещается аттикистами: ср. примечание *Lobeck*'а к *Phrynichus*, с. 21.

²⁴ О смешении εἰς и ἐν см. выше (с. 83). Лука не только поставил здесь по-аттически ἐν, но и неаттическое выражение ἐπιστρέφειν (εἰς τὰ) ὀπίσω в смысле «возвращаться» заменил другим.

24, 38 τ ρ ὠ γ ο ν τ ε ²⁵
καὶ πίνοντες, γαμοῦντες
καὶ γαμίζοντες

24, 28 ὅπου ἐὰν ᾦ τὸ
π τ ὠ μ α, ²⁶ ἐκεῖ συνα-
χθήσονται οἱ ἅετοί

24, 45 τίς ἄρα ἐστὶν
ὁ πιστὸς δοῦλος καὶ
φρόνιμος, ὃν κατέσ-
τησεν ὁ κύριος ἐπὶ τῆς
ο ἰ κ ε τ ε ἰ α ²⁷ αὐτοῦ

24, 49 συνδοῦλους²⁸

24, 51 ὑποκριτῶν²⁹

25, 14 ἐκάλεσαν τοὺς
ἰ δ ἰ ο υ ς ³⁰ δούλους

25, 19 συναίρει λόγον μετ'
αὐτῶν³¹

17, 27 ἡ σ θ ι ο ν, ἔπινον,
ἐγάμουν ἐγαμίζοντο

17, 37 ὅπου τὸ σ ὠ μ α,
ἐκεῖ καὶ συναχθήσονται
οἱ ἅετοί

12, 42 τίς ἄρα ἐστὶν ὁ
πιστὸς οἰκονόμος ὁ
φρόνιμος, ὃν καταστή-
σει ὁ κύριος ἐπὶ τῆς
θ ε ρ α π ε ἰ α ς αὐτοῦ

12, 45 τοὺς παῖδας καὶ
τὰς παιδίσκας

12, 46 ἀπίστων

19, 13 καλέσας δὲ δέκα
δούλους ἐ α υ τ ο ῦ

19, 15 выбран другой
оборот

²⁵ Τρῶγειν в эллинистическом языке значило просто «есть», но в аттическом «есть десерт» (фрукты, орехи, миндаль); см. с. 73. *Photius*, изд. Naber'a, с. 231: τρώγειν οὐχὶ τὸ ἐσθίειν ἀπλῶς, ἀλλὰ τὰ τραγήματα καὶ τρωκτὰ καλούμενα. У Луки не только этот глагол заменен аттическим ἥσθιον, но и расположение слов в виде τετράκωλον (4 членов) без союзов есть изысканный способ выражения.

²⁶ Об употреблении πτώμα в общем смысле «труп» см. выше (с. 73) и Phrynich, с. 375, изд. L o b e s k'a.

²⁷ Οἰκέτεια (или οἰκετεία) в собирательном смысле «слуги» есть эллинистическое слово; у аттиков в этом значении употребляется θεραπεῖα: см. *Lobeck* к Фриниху, с. 469.

²⁸ Moeris, с. 273: ὁμόδουλος ἀπτικῶς, σύνδουλος ἐλληνικῶς («в эллинистическом языке»); по-видимому, Лука следует такой же теории, заменяя σύνδουλος описанием, хотя на самом деле σύνδουλος есть и в аттическом.

²⁹ Ὑποκριτής лишь в позднейшем языке употребляется в смысле «лицемер»; здесь Лука заменяет его словом ἄπιστοι «люди, которым нельзя верить»; однако в других местах и Лука не раз употребляет ὑποκριτής в указанном смысле: см. *H. Cremer*, 612.

³⁰ Об употреблении ἴδιος в смысле «свой» см. выше, с. 74.

³¹ Это выражение, означающее «сводить счеты с кем-л.», в греческой литературе не найдено.

25, 20, 22 ἐμέρθησα³²

πέντε τάλαντα

25, 21 εὖ³³

25, 24, 26 διεσκόρπισας³⁴

3, 9 μὴ δὲ ὁ ξητεῖ³⁵ λέγειν
ἐν ἑαυτοῖς

19, 16, 18 выбран другой
оборот

19, 17 εὖ γε

19, 21, 22 ἐσπειρας

3, 8 μὴ ἄρξῃ σθε ἐν ἐ.

1, 35 πρῶτ' ἐννυχα³⁶ λίαν

6, 35 ἤδη ὥρας πολλῆς³⁷
γενομένης

14, 17 ὥσας³⁷ γενομένης

15, 42 ὥσας γενομένης

1, 32 ὥσας γενομένης
ἡλίου

14, 15 ὥσας δὲ γενομένης

26, 20 так же

27, 57 так же

8, 16 так же

4, 42 γενομένης δὲ ἡμέρας

9, 12 ἡ δὲ ἡμέρα ἤρξατο
κλίνειν

22, 14 ὅτε ἐγένετο ἡ ὥρα

23, 50 ὥ. γεν. нет

4, 40 δύνοντας δὲ τοῦ

9, 42 μύλος ὀνικός³⁸

12, 20 οὐκ ἀφῆκεν σπέρμα³⁹

12, 22 οὐκ ἀφῆκαν σπέρμα

18, 6 так же

22, 25 μὴ ἔχων σπέρμα
ἀφῆκεν τὴν γυναῖκα αὐτοῦ
τῷ ἀδελφῷ αὐτοῦ

17, 2 λίθος μυλικός

20, 29 ἀπέθανεν ἄτεκνος

20, 31 οὐ κατέλιπον τέκνα

³² Форма аориста не аттическая: см. *Lobeck* к Фриниху, с. 740.

³³ В виде восклицания εὖ γε у аттиков употребительнее, чем εὖ.

³⁴ Не аттическое слово: см. выше (с. 65) и *Lobeck* к Фриниху, с. 218.

³⁵ «Не вздумайте»; в аттическом языке такого значения δοκεῖν не имеет.

³⁶ «Ночью»: не аттический способ выражения.

³⁷ Употребление ὥσια (собственно прилагательное женск. р. от ὥσιος); в качестве существительного (с подразумеваемым ὥρα) «позднее время» запрещалось аттиками (ср. *Blass. Grammatik*. С. 137 1-го изд., 141 2-го изд.); ὥρας πολλῆς (без γενομένης) — выражение эллинистического языка (*Polyb. V, 8, 3*). Из выражений, выбранных Лукой, ἡ ἡμέρα ἤρξε. κλίνειν нам неизвестно из классических авторов, но употребление κλίνειν о солнце допускалось аттиками: *Pollux IV, 158 λέγοις δ' ἂν καὶ κλίνοντος εἰς τὰ μεσημβρινὰ τοῦ θεοῦ; в выражении ὅτε ἐγέν. ἡ ὥρα слово ὥρα употреблено в смысле «пора», «определенное время», — правильно с классической точки зрения; выражение δύνοντας τοῦ ἡλίου есть у Ксенофонта.*

³⁸ Аттикисты (*Moeris, 262, Hesychius* под сл. ὄνος) различают μύλος «нижний жернов» и ὄνος «верхний жернов»; поэтому в классическом языке соединение μύλος ὀνικός невозможно.

³⁹ О σπέρμα в смысле «потомство» см. выше (с. 101) и *H. Cremer, 958*. Замечательно, что Лука употребляет этот гебраизм только в двух местах, из которых одно (20, 28) есть цитата из LXX, а в другом (1, 55) имеется в виду фраза из LXX.

ΜΑΡΚ	ΜΑΤΘΕΪ	ΛΥΚΑ
14, 38 γρηγορεῖτε ⁴⁰ καὶ προσεύχεσθε	26, 41 так же	22, 46 ἀναστάντες (προσεύχεσθε)
14, 49 ἐκρατεῖτέ με ⁴¹	26, 55 ἐκρατήσατέ με	22, 53 ἐξετείνετε τὰς χεῖρας ἐπ' ἐμέ
12, 12 ἐζήτουν αὐτὸν κρατῆσαι	21, 46 ζητοῦντες αὐτὸν κρατῆσαι	20, 19 ἐζήτησαν ἐπιβαλεῖν ἐπ' αὐτὸν τὰς χεῖρας
14, 65 ῥαπίσμασιν ⁴² αὐτὸν ἔλαβον	{ 5, 39 ὅστις σε ῥαπίζει⁴² 26, 68 τίς ἐστιν ὁ παῖσας σε	{ 6, 29 τῷ τύπτοντί σε 22, 64 как у Мф.
10, 25 ῥαφίς ⁴³	19, 24 так же	18, 25 βελόνη
5, 41, 42 κοράσιον ⁴⁴	9, 24, 25 так же	8, 51, 54 ἡ παῖς
15, 21 ἀγγαρεύουσι ⁴⁵	27, 32 ἡγγάρευσαν	23, 26 другой оборот
1, 38 κωμοπόλεις ⁴⁶		4, 43 πόλεις
3, 6 συμβούλιον ⁴⁷ ἐποίησαν κατ' αὐτοῦ, ὅπως αὐτὸν ἀπολέσωσιν	12, 14 συμβούλιον ἔλαβον ⁴⁷ κτλ.	6, 11 διελάλουν πρὸς ἀλλήλους, τί ἂν ποιήσαιεν τῷ Ἰησοῦ

⁴⁰ γρηγορεῖν — последнее образование, запрещаемое аттикстами: см. выше (с. 69) и *Lobeck* к Фриниху, с. 119. У Луки, впрочем, оно встречается в 2-х местах: 12, 37, 39 (в последнем месте лишь как вариант).

⁴¹ κρατεῖν в смысле держать, хватать с винит. пад. есть эллинистический способ выражения: *Blass. Grammatik*, с. 100 1-го изд. [104 2-го изд.].

⁴² Существительное ῥάπισμα пощечина — не аттическое слово и запрещается аттикстами: *Phrynichus*, с. 175 изд. *Lobeck*'а. То же, вероятно, касается и глагола ῥαπίζειν давать пощечину: хотя оно и встречается 2 раза у аттических писателей — у Демосфена и комика Тимокла, но у последнего — в другом значении, а речь Демосфена, в которой оно находится, считается не принадлежащей ему. См. *W. Gunion Rutherford. The New Phrynichus* (London, 1881), с. 264–265.

⁴³ ῥαφίς запрещается аттикстами; в аттическом употребляется βελόνη: *Phrynichus*, с. 90, изд. *Lob. Cp. Rutherford. The New Phrynichus*, с. 174.

⁴⁴ Κοράσιον запрещается аттикстами: *Phrynichus*., с. 73, изд. *Lob.*

⁴⁵ ἀγγαρεύειν заставлять — иностранное слово, вошедшее в κοινή: см. выше, с. 100.

⁴⁶ Κωμόπολις известно нам лишь из последних писателей — Страбона и византийцев.

⁴⁷ Συμβούλιον — латинизм: см. выше, с. 99.

ΜΑΡΚ

11, 2 εὐρήσετε πῶλον
δεδεμένον, ἐφ' ὃν
οὐδεὶς ἀνθρώπων
οὐπω⁴⁸ κεν ἀθίκεν⁴⁹

15, 42 Ἰωσήφ εὐσχημῶν
βουλευτῆς⁵¹

12, 7 πρὸς ἐαυτοῦς⁵²
εἶπαν

6, 39 ἐπέταξεν αὐτοῖς
ἀνακλίνει πάντας
συμπόσια συμπόσια
ἐπὶ τῷ χλωρῷ χώρῳ.
Καὶ ἀνέπεσαν πρῶτα
πρῶτα, κατὰ ἑκατὸν
καὶ κατὰ πενήκοντα⁵³

12, 44 αὕτη πάντα ὅσα εἶχεν ἔβαλεν,
ὅλον τὸν βίον αὐτῆς⁵⁴

ΜΑΤΘΕΪ

8, 9 ἄνθρωπος ὑπὸ
ἐξουσίαν⁵⁰

11, 21 πάλαι ἂν ἐν
σάκκῳ καὶ
σποδῷ μετενόησαν⁵¹

21, 38 εἶπον ἐν ἐαυτοῖς

ΛΥΚΑ

19, 30 εὐρήσετε πῶλον
πότε ἀνθρώπων
ἐκθήσειν

7, 8 ὑπὸ ἐξουσίαν
τασσόμενος

23, 50 Ἰωσήφ βουλευτῆς
ὑπαρχων

10, 13 πάλαι ἂν ἐν σάκκῳ
καὶ σποδῷ καθήμενοι
μετενόησαν

20, 14 διελογίζοντο πρὸς
ἀλλήλους λέγοντες

9, 14 κατακλίνετε αὐτοὺς
κλισίας ἅπαεντήκοντα

21, 4 αὕτη ἅπαντα τὸν βίον
ὃν εἶχεν ἔβαλεν

⁴⁸ Хотя отрицание по-гречески может быть повторено в разных формах несколько раз (напр., Plut. Parmen. 166A οὐδενὶ οὐδαμῇ οὐδαμῶς οὐδεμίαν κοινωνίαν ἔχει), но сочетание οὐδεὶς οὕτω едва ли встречается в классическом языке.

⁴⁹ Форма perf. κενάθικα — эллинистическая.

⁵⁰ Такое употребление существительного с предлогом в виде определения существительного без артикля возможно и в классическом языке; но с прибавлением причастия, как у Луки, получается оборот более книжный.

⁵¹ У Луки с причастием оборот более книжный.

⁵² Употребление возвратного местоимения вместо ἀλλήλων возможно и в классическом языке (Blass. Grammatik, с. 166 1-го изд., 173 2-го изд.), но ἀλλήλων все-таки более «правильно».

⁵³ О повторении слов в разделительном значении см. выше, с. 84–85. Но так как это был оборот нелитературный, то Лука его не употребил. Кроме того, вместо κατὰ он ставит аттический предлог ἀνά, который в разделительном смысле неизвестен в κοινή и введен в эллинистическую литературу аттицистами.

⁵⁴ У Луки оборот более стройный

ΜΑΡΚ

13, 2 οὐ μὴ ἀφεθῇ λίθος
ἐπὶ λίθῳ⁵⁵

26, 16 ἐξήτει εὐκαιρίαν,
ἵνα αὐτὸν παραδῶ⁵⁶

15, 38 τὸ καταπέτασμα
ἐσχίσθη εἰς δύο ἀπὸ
ἄνωθεν ἕως κάτω⁵⁴

14, 71 οὐκ οἶδα τὸν
ἄνθρωπον⁵⁷

14, 30 τρεῖς με ἀπαρνῆση⁵⁸

12, 28 προσελθὼν εἰς⁵⁹
γραμματεῖς

10, 17 προσδραμὼν
εἰς ἐπηρώτα αὐτόν

14, 66 μὲν τῶν παιδισκῶν

13, 8 ἔσονται σεισμοὶ
κατὰ τόπους ἔσονται
λίμοι

ΜΑΤΘΕΪ

24, 2 так же

27, 51 τὸ καταπέτασμα
ἐσχίσθη ἄνωθεν ἕως
κάτω εἰς δύο

26, 74 так же

25, 12 οὐκ οἶδα ὑμᾶς

26, 34 так же

8, 19 так же, ср. 22, 35

19, 16 εἰς προσελθὼν αὐτῷ
εἶπεν

26, 69 μὲν τῶν παιδισκῶν

24, 7 ἔσονται λίμοι
καὶ σεισμοὶ κατὰ
τόπους

ΛΟΥΚΑ

21, 6 οὐ μὴ ἀφεθῇ λίθος
ἐπὶ λίθῳ

22, 6 ἐξήτει εὐκαιρίαν
τοῦ παραδοῦναι
αὐτόν

23, 45 τὸ κ. ἐσχίσθη μέσον

23, 60 οὐκ οἶδα ὃ λέγεις

13, 25 οὐκ οἶδα ὑμᾶς

22, 34 τρεῖς ἀπαρνῆση μὴ
εἰδέναι με

10, 25 νομικὸς τις ἀνέστη,
ср. 9, 57

18, 18 ἐπηρώτησέν τις
αὐτόν

22, 56 παιδισκῶν τις

21, 11 σεισμοὶ τε μεγάλοι,
καὶ κατὰ τόπους λίμοι
καὶ λίμοι⁶⁰
ἔσονται

⁵⁵ «Не останется камня на камне». О вин. пад. при ἐπὶ вместо аттического род. или дат. пад. см. выше, с. 83. У Луки здесь дат. пад. по-аттически; однако и у него в других местах есть эллинистический винительный, например, Ев. 2, 25 πνεῦμα ἅγιον ἦν ἐπ' αὐτόν.

⁵⁶ Вместо эллинистического оборота ἵνα с conj. (см. выше, с. 89–90) у Луки поставлен по-аттически род. пад. инфинитива, который в таком виде (в зависимости от существительного) в Новом Завете встречается главным образом у Луки и Павла: Blass. Grammatik. С. 229 1-го изд. [239 2-го изд.].

⁵⁷ Лука избегает здесь соединения οἶδα с винит. лица (в Ев. 13, 25 ὑμᾶς поставлено вследствие так называемого prolepsis subjecti вместо οὐκ οἶδα πόθεν ὑμεῖς ἐστέ); однако в 22, 34 он сам употребляет этот оборот.

⁵⁸ Лука избегает здесь соединения ἀπαρνοῦμαι с винит. пад. лица в смысле «отрицать свое знакомство с кем-л.»; однако в Ев. 22, 61 он сам употребляет этот оборот.

⁵⁹ Употребление εἰς в смысле τίς не аттическое; см. выше, с. 73.

⁶⁰ Очень любимая у аттиков игра слов.

Лука иногда строит периоды лучше, чем оба другие евангелиста (хотя вообще он строит их далеко не искусно), например:

1, 10 сл. αἱ εὐθὺς ἀναβαίνων ἐκ τοῦ ὕδατος εἶδεν σχιζομένους τοὺς οὐρανοὺς καὶ τὸ πνεῦμα ὡς περιστερὰν καταβαῖνον εἰς αὐτόν· καὶ φωνὴ ἐγένετο ἐκ τῶν οὐρανῶν· σὺ εἶ ὁ υἱὸς μου ὁ ἀγαπητός, ἐν σοὶ εὐδόκησα	3, 16 сл. εὐθὺς ἀνέβη ἀπὸ τοῦ ὕδατος· καὶ ἰδοὺ ἤνεφχθησαν οἱ οὐρανοί, καὶ εἶδεν πνεῦμα Θεοῦ καταβαῖνον ὡσεὶ περιστερὰν, ἐρχόμενον ἐπ' αὐτόν· καὶ ἰδοὺ φωνὴ ἐκ τῶν οὐρανῶν λέγουσα κτλ	3,21 сл. ἐγένετο δὲ ἐν τῷ βαπτισθῆναι Ἀπῆλτα τὸν λαὸν καὶ Ἰησοῦ βαπτισθέντος καὶ προσευχομένου ἀνεφχθῆναι τὸν οὐρανὸν καὶ καταβῆναι τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον σωματικῶς εἶδει ὡς περιστερὰν ἐπ' αὐτόν, καὶ φωνὴν ἐξ οὐρανοῦ γενέσθαι κτλ.
--	---	--

Особенно выделяется у Луки употребление известного рода периодов, построенных с помощью причастных конструкций, в то время как у других речь составлена из сочиненных предложений, например:

10, 28 ἰδοὺ ἡμεῖς ἀφήκαμεν πάντα καὶ ἠκολουθήκαμέν σοι	19, 27 так же	18, 28 ἰδοὺ ἡμεῖς ἀφ' ἐν τ' ες τὰ ἴδια ἠκολουθήκαμέν σοι
11, 7 καὶ φέρουσιν τὸν πῶλον πρὸς τὸν Ἰησοῦν καὶ ἐπιβάλλουσιν αὐτῷ τὰ ἱμάτια αὐτῶν καὶ ἐκάθισεν ἐπ' αὐτόν	21, 7 ἤγαγον τὸν ὄνον καὶ τὸν πῶλον καὶ ἐπέθηκαν ἐπ' αὐτῶν ἐπάνω αὐτῶν	19, 35 καὶ ἤγαγον αὐτὸν πρὸς τὸν Ἰησοῦν καὶ τὰ ἱμάτια καὶ ἐπεκάθισεν ἐπ' αὐτῶν αὐτῶν τὰ ἱμάτια ἐπὶ τὸν πῶλον ἐπεβίβασαν τὸν Ἰησοῦν
14, 49 καθ' ἡμέραν ἤμην πρὸς ὑμᾶς ἐν τῷ ἱερῷ διδάσκων καὶ οὐκ ἐκρατεῖτέ με	26, 55 καθ' ἡμέραν ἐν τῷ ἱερῷ ἐκαθεζόμεν διδάσκων καὶ οὐκ ἐκρατήσατέ με	22, 53 καθ' ἡμέραν ὄντος μου μεθ' ὑμῶν ἐν τῷ ἱερῷ οὐκ ἐξετείνετε τὰς χεῖρας ἐπ' ἐμέ
Ср. 12, 18	22, 23	20, 27
Ср. 14, 16		22, 13
	Ср. 25, 14	19, 13
	Ср. 8, 21	9, 59
10, 17 τί ποιήσω, ἵνα ζωῇν αἰώνιον κληρονομήσω	19, 16 τί ἀγαθὸν ποιήσω, ἵνα σχῶ ζωῇν αἰώνιον	18, 18 τί ποιήσω, ἵνα ζωῇν αἰώνιον κληρονομήσω ⁶¹

⁶¹ Вполне литературный аттический оборот — соединение вопросительного слова с причастием.

25, 29 τῷ γὰρ ἔχοντι
παντὶ δοθήσεται καὶ ἡ
περισσευθήσεται.
τοῦ δὲ μὴ ἔχοντος,
καὶ ὃ ἔχει ἀρθήσεται
ἀπ' αὐτοῦ

19, 26 παντὶ τῷ ἔχοντι
δοθήσεται, ἀπὸ δὲ
τοῦ μὴ ἔχοντος, καὶ ὃ ἔχει
ἀρθήσεται

Обратного отношения, т.е. употребления Лукой менее литературных слов или оборотов, почти нигде нет; впрочем, ср. Мф. 24, 45 τροφήν и Лк. 12, 42 σιτομέτριον (эллинистическое слово: *Фриних* с. 383, запрещает говорить σιτομετρεῖσθαι вместо σῖτον μετρεῖσθαι).— Мф. 24, 48 χρονίζει μου ὁ κύριος (по-аттич.), Лк. 12, 45 прибавлено ἔρχεσθαι (с inf. χρονίζω у аттиков не соединяется).— Мф. 19, 25 τίς ἄρα δύναται σωθῆναι более литературно, чем Мк. 10, 26 и Лк. 18, 26 καὶ τίς δύναται σωθῆναι.— Мф. 21, 46 ζητοῦντες αὐτὸν κρατῆσαι ἐφοβήθησαν τοὺς ὄχλους лучше построено, чем Мк. 12, 2 ἐζήτουν αὐτὸν κρατῆσαι καὶ ἐφοβήθησαν τὸν ὄχλον и Лк. 20, 19 ἐζήτησαν ἐπιβαλεῖν ἐπ' αὐτὸν τὰς χεῖρας καὶ ἐφοβήθησαν τὸν λαόν.

Такое сравнение языка трех синоптиков наводит на мысль, что Лука пользовался Евангелиями Матфея и Марка, исправляя их язык с целью придать ему большую литературность, как это по синоптическому вопросу и утверждает одна из теорий взаимного пользования первых трех евангелистов.

В заключение этой главы приведем мнение о библейском языке известного знатока греческого языка, бывшего профессора дублинского университета *Магаффи* (John Pentland Mahaffy), высказанное им в сочинении «The Progress of Hellenism in Alexander's Empire», Chicago — London, 1905. С. 114–115: «Рассмотрим язык синоптических Евангелий. Тут мы имеем обыкновенный греческий язык Палестины и Сирии, на котором писали люди, имевшие мало, по-видимому, претензий быть литературными знаменитостями. Они пишут наречием простым и грубым в сравнении с аттическим; они употребляют формы, неправильные с точки зрения пуристов. Но повествовал ли кто когда-либо о великих событиях с большей простотой, с большей

непосредственностью, с большей силой? Возьмем, например, вступительную главу Евангелия от Луки: может ли какой художник, начиная с Феокрита, показать нам идиллию более совершенной прелести? Возьмем рассказ о страданиях: кто изображал когда-либо великое горе с более простым пафосом, с более трогательной скромностью, с более естественным достоинством? Поверьте мне, вопреки педантам всего света, что наречие, которое рассказывает такие события таким образом, не есть бедный язык, но есть отражение (outcome) великого и плодотворного умственного воспитания. Таково было воспитание, которое эллинизм внес в сирийский мир».

VI. Проблемы

Изучение библейского языка далеко еще не окончено. Для LXX лексикографических исследований мало, и они недостаточны (например, очень важно было бы проследить, одинаково ли переводится в отдельных книгах одно и то же еврейское слово, или в одних так, в других иначе), а собственно грамматических исследований совершенно не имеется, если не считать случайных замечаний в грамматиках к Новому Завету, особенно у *Шмиделя*, и одной главы, очень неполной, в книге проф. *И. Н. Корсунского* «Перевод LXX», с. 369–465. А между тем это — поистине плодотворная область исследования; не надо только начинать сразу с полной грамматики LXX. Самое большее — это исследовать морфологию всего перевода в полном объеме. Но что касается остального, то надо заняться ближайшим образом грамматическими изысканиями к отдельным книгам, синтаксические проблемы которых в большинстве случаев совпадают с вопросом о методе перевода, причем следует иметь в виду, что тут мы имеем дело с явлениями не настоящего разговорного греческого языка. Равным образом, необходимы были бы экзегетические работы для отдельных книг LXX. Что таких трудов до сих пор вообще нет — это,

пожалуй, самый чувствительный пробел в исследовании. Каждая книга LXX, например, хоть книга Псалмов, есть совсем другая книга, чем еврейская Псалтирь. Чрезмерная буквальность и, с другой стороны, относительная свобода по сравнению с подлинником, маленькие и большие отклонения в значениях, которые бывают во всяком переводе,— все это делает из труда LXX совершенно новую книгу, которая представляет свои, особые трудности. Здесь исследователю придется работать в сущности еще на девственной почве. Нужно пожелать, чтобы обильная продуктивность по истолкованию Ветхого Завета направилась на непростительно заброшенную область истолкования LXX. Ведь изъяснять LXX — это значит изъяснять Библию ап. Павла и вообще древнейшего христианства.

Что касается языка Нового Завета, то, несмотря на значительное число исследований в этой области, все-таки еще многое остается неизвестным относительно разных деталей. Кроме неясностей, происходящих от недостатка исторических сведений, например, о «крещении мертвых ради» (1 Кор. 15, 29), о «даре языков» (1 Кор. 14 и др.), апостольского «жала в плоть» (2 Кор. 12, 7) и пр., есть пункты лексикографического и грамматического характера, в которых между руководящими толкователями не достигнуто еще единодушия и в которых поэтому нужны новые разыскания. Среди *лексикографических* вопросов можно указать следующие: ἀρχαῖος (Флп. 2, 6 — крайне трудное для экзегетики слово: совсем ли исчезло или насколько сгладилось в новозаветном языке различие между отглагольными существительными на -μα, -μός и -σις?); τὴν ἀρχὴν (Ин. 8, 25), ἐμβρυῶμαι (Мк. 1, 43; Ин. 11, 38 и др.), ἐξουσία (1 Кор. 11, 10), ἐπερώτημα (1 Пет. 3, 21), ἐπιβαλὼν (Мк. 14, 72), ἐπιούσιος (Мф. 6, 11; Лк. 11, 3), εὐπερίστατον (Евр. 12, 1), κατοπριζομαι (2 Кор. 3, 18), κεφαλῶ (Мк. 12, 4), κοσμικός (Евр. 9, 1), ὁδὸν ποιῶ или ὁδοποιῶ (Мк. 2, 23), παραρῶμεν (Евр. 2, 1), προεχόμεθα (Рим. 3, 9), σπλάδες (Иуд. 12), συναλίζομαι (Деян. 1, 4), συγκρίνοντες

(1 Кор. 2, 13), τροπῆς ἀποσκίασμα (Иак. 1, 17), τροχὸς τῆς γενέσεως (Иак. 3, 6). Далее: каково различие, и насколько оно соблюдалось новозаветными писателями, между ἄλλος и ἕτερος (например, Гал. 1, 6 сл.), βούλομαι и θέλω (например, Мф. 1, 19), εἰμί и ὑπάρχω (например, Флп. 2, 6: «труднейшее место для экзегетики!») и др.? Насколько близки между собой случаи употребления εἰς и ἐν? Насколько теряется разница в употреблении падежей при некоторых предлогах (например, πρὸς), существующая в классическом языке? Всегда ли εἰς τὸ с inf. выражает цель (намерение)? Какое различие между εἶγε и εἵλεο? Всегда ли διότι значит «потому что»? Может ли ὃ τι вводить прямой вопрос в значении «почему» (Мк. 9, 11, 28)? Вводит ли εἰ прямой вопрос (см. с. 96)? Употребляет ли ап. Павел 1-е лицо множ. числа об одном себе (см. Dick) и др.?

Из собственно *грамматических* проблем упомянем следующие: много ли отклонений от классической нормы в употреблении артикля с πᾶς (например, Еф. 2, 21; 3, 8; Деян. 2, 36; 1 Тим. 1, 16); с νόμος; с πνεῦμα (ἅγιον); в таких сочетаниях, как Рим. 5, 7 (δικαίου — τοῦ ἀγαθοῦ); 3, 30 (πίστεως — τῆς πίστεως), 1 Тим. 2, 15 (τῆς τεκνογονίας — πίστει κτλ.)? Соблюдается ли классическое правило об употреблении артикля при атрибутивном причастии (ср. 1 Пет. 3, 19, 20 ἀπειθήσασιν)? Есть ли разница в значении между ὁ ὄχλος πολλὺς и ὁ πολλὺς ὄχλος (ср. Ин. 12, 9, 12 и Мк. 12, 37)? Какая разница между αὐτός и ἐκεῖνος в 2 Тим. 2, 26? Употребляются ли косвенные падежи от αὐτός в возвратном значении? Всегда ли ὅστις есть просто относительное местоимение — то же, что ὅς: ср. Мф. 22, 2 и 18, 23? Какой смысл имеет род. пад. в выражениях: δικαιοσύνη Θεοῦ (Рим. 1, 17: трудное для экзегетики место!), πίστις Ἰησοῦ Χριστοῦ (Рим. 3, 22: тоже!)? Различаются ли по значению ἀκοῦειν φωνῆς и ἀκοῦειν φωνήν (ср. Деян. 9, 4; 22, 7, 9; 26, 14 и F. Blass. Grammatik, § 36, 5)?

Присоединим еще группу прямо *экзегетических* проблем, например, Мф. 6, 13; Лк. 12, 49; 18, 7; Деян. 26, 28 сл., Иак. 4, 5; 2 Пет. 1, 20.

Укажем несколько *общих* вопросов, например: какое влияние (если только оно было) оказывали переписчики на язык новозаветных писаний? Какие указания (если только они есть) дают новозаветные тексты о месте своего происхождения? Наконец, необходимо исследовать язык каждого из новозаветных писателей в отдельности.

Глава IV. Язык христианской Церкви после Апостолов

Как мы видели, язык новозаветных авторов неодинаков: одни пишут языком более близким к разговорному, другие заботятся о литературности слога. Та же двойственность наблюдается и во все последующее время; но лишь сочинения, предназначенные для простого народа, пишутся на живом языке того времени; вообще же ученые христианские писатели последовали аттицистическому течению, господствовавшему тогда в литературе. Конечно, резкой границы между этими двумя категориями провести невозможно, так как и в пределах каждой из них сочинения по степени литературности своей бесконечно разнообразны, почему, в общем, мы видим в христианских сочинениях всевозможные степени литературности языка, начиная от самого простонародного до самого изысканного подражания аттическому.

К первой категории относятся главным образом сочинения мужей апостольских (первое послание Климента римского к Коринфянам и другое известное под именем второго послания к Римлянам, послание Варнавы, послание к Диогнету, послания Игнатия, послание Поликарпа, мученические акты Поликарпа, Пастырь Ермы), Учение XII Апостолов, апокрифы (евангелия, деяния Апостолов, апокалипсисы) и разного рода легенды. Из них на самой низкой ступени литературности стоят Деяния Фомы, Деяния Пилата, «Апокалипсис» Ездры; напротив,

Послание к Диогнету по языку есть одно из самых блестящих христианских произведений.

В теории христианские авторы, с самых древних времен до глубины средних веков, почти все без исключения держались взгляда, что надо писать простым языком; но на практике они следовали как раз противоположному. Так, Василий Великий в известном письме к своему учителю Ливанию говорит (Migne gr. XXXII, 1084): ἡμεῖς μὲν Μωσεῖ καὶ Ἠλίᾳ καὶ τοῖς οὕτω μακαρίοις ἀνδράσι σύνεσμεν, ἐκ τῆς βαρβάρου φωνῆς διαλεγόμενοις ἡμῖν τὰ ἑαυτῶν, καὶ τὰ παρ' ἐκείνων φθεγγόμεθα, νοῦν μὲν ἀληθῆ, λέξιν δὲ ἀμαθῇ. Εἰ γάρ τι καὶ ἡμεν παρ' ὑμῶν διδαχθέντες, ὑπὸ τοῦ χρόνου ἐπελαθόμεθα («Мы имеем общение с Моисеем, Илиею и с подобными им блаженными мужами, которые высказывают нам свои мысли на варварском языке; мы говорим то, что получили от них,— истинное по мысли, но неученое по способу выражения. Если мы и научились чему у вас, то позабыли это за давностью времени»). Но, несмотря на эту теорию, христианские авторы не могли противостоять духу времени: и действительно, трудно было писать о высоких истинах христианского учения на языке простонародном, который у всех образованных людей того времени был в презрении (как и в наше время богословы пишут по большей части «высоким слогом»); сам Василий Великий даже в приведенном сейчас отрывке пишет совсем не «варварским», а почти настоящим аттическим языком, и в этих нескольких строках не может обойтись без риторической фигуры (ὁμοιοτέλευτον — рифма: ἀληθῇ — ἀμαθῇ). Некоторые христианские авторы прямо находили, что и христианину не следует пренебрегать хорошим слогом: так, например, Исидор Пелусиот говорит (Migne gr. LXXVIII, 1500): τῆς θείας σοφίας ἡ μὲν λέξις πεζή, ἡ ἔννοια δὲ οὐρανομήκης· τῆς δὲ ἕξωθεν λαμπρὰ μὲν ἡ φράσις, χαμαιπετής δὲ ἡ πράξις. Εἰ δὲ τις δυνηθείη τῆς μὲν ἔχειν τὴν ἔννοιαν, τῆς δὲ τὴν φράσιν, σοφώτατος ἂν δικαίως κριθείη· δύναται γὰρ ὄργανον εἶναι τῆς ὑπερκοσμίου σοφίας ἡ εὐγλωττία, εἰ καθάπερ σῶμα ψυχῇ ὑποκείμετο ἢ ὥσπερ λύρα λυρωδῷ, μηδὲν μὲν οἴκοθεν

καινοτομοῦσα νεώτερον, ἐρμηνεύουσα δὲ τὰ οὐρανομήκη ἐκείνης νοήματα· εἰ δ' ἀντιστρέφοι τὴν τάξιν καὶ δουλεῦειν ὀφείλουσα ἡγεῖσθαι, μᾶλλον δὲ τυραννεῖν οἷα τε εἶναι νομίζοι, ἐξοστρακισθῆναι ἂν εἴη δικαία («У божественной мудрости язык низкий, но содержание высоко, как небо; а у светской — способ выражения блестящий, но дела пресмыкаются по земле. А если бы кто мог совместить в себе содержание первой и способ выражения второй, то по справедливости он мог бы считаться величайшим мудрецом; ибо красноречие может быть орудием мудрости, которая выше мира, если оно будет подчинено ей, как тело душе или как лира играющему на ней, и не будет привносить ничего нового от себя, а будет истолковывать мысли ее, высокие, как небо; если же оно извратит этот порядок и, долженствуя служить, будет думать, что оно может стоять во главе или, вернее сказать, властвовать по-царски, то его следует изгнать»⁶²).

Нет сомнения, что и на практике теория о простоте языка применялась в христианской Церкви, отчасти даже невольно: среди пастырей, даже епископов, были люди неграмотные, не умевшие на соборах подписать своего имени: нельзя ожидать, чтоб их проповеди отличались литературностью. Мы имеем даже прямое свидетельство об этом: Григорий Нисский о Григории Чудотворце рассказывает (Migne gr. XLVI, 937), что поставленный им в епископы Александр, бывший прежде угольщиком, однажды проповедовал в церкви, проповедь его была глубока по мысли, но груба по внешней форме; случайно в церкви был один юноша, который стал громко смеяться над проповедью Александра, потому что она не была украшена цветами аттического красноречия. Но такие проповеди простые не дошли до нас; а произведения ученых христианских авторов написаны вполне литературным языком; и притом не только богословские сочи-

⁶² В приведенных местах из отцов Церкви речь идет, главным образом, не собственно о языке, а о стиле, т. е. о риторических украшениях его; но, конечно, литературный язык, т. е. возможно большее подражание древнему аттическому, сам собою подразумевается при этом.

нения, которые предназначались для ученых, написаны так, но даже проповеди произносились ими на этом же мертвом, непонятном для простых людей языке⁶³. Об этом сохранилось свидетельство в житии св. Иоанна Златоуста. Однажды в Антиохии он говорил речь, во время которой одна женщина обратилась к нему с просьбой поучать народ на более понятном языке, и поэтому святитель впоследствии стал говорить проще: по суждению Фотия, по крайней мере в его проповедях на книгу Бытия *φράσις ἐπὶ τὸ ταπεινότερον ἀπενήνευμένη* — «слог сравнительно низкий». Во всяком случае, впоследствии в Константинополе Златоуста народ понимал: по свидетельству Зосимы, *ἦν ὁ ἄνθρωπος ἄλογον ὄχλον ὑπαγαγεῖσθαι δεινός* — «он умел привлечь к себе необразованную чернь»: быть может, в Константинополе и простой народ мог легче понимать литературную речь, чем в Антиохии. Вот еще факт из более поздней эпохи, когда литературный язык стал еще дальше от языка народа и еще меньше был ему понятен: ученый митрополит афинский Михаил Акоминат жаловался, что его необразованная паства не понимает его,— и таких жалоб мы имели бы тысячи, если бы народ оставил нам память о своих чувствах при слушании высокопарных проповедей своих пастырей. Чтобы судить о том, с каким презрением ученые богословы смотрели на язык простого народа, достаточно указать на следующие два факта: в IV веке какое-то неизвестное нам лицо исправляло язык в посланиях Игнатия, чтобы сделать его более литературным (*Norden II, 515*); а несколько столетий спустя патриарх Николай Музалон (1147–1151) приказал сжечь жизнеописание св. Параскевы, составленное одним крестьянином «невежественным и недостойным ангельского жития святой образом»,— очевидно, на народном языке,— и поручил диакону Василику написать другое житие святой.

⁶³ Но, как мы говорили выше (с. 26–27), ни одному аттикисту не удавалось писать вполне чисто по-аттически; всегда некоторая доля современных автору элементов языка бывает невольно примешана; у одних эта доля больше, у других меньше

Если язык проповедей был непонятен народу, то тем более могли быть не вполне понятны уже при самом своем возникновении церковные песнопения и молитвы, которые постоянно писались на литературном языке и к тому же еще украшались обильно цвѣтами риторики.

Лучшими стилистами среди отцов Церкви были: в IV в.— Афанасий Александрийский, Кирилл Иерусалимский, Григорий Богослов, Василий Великий, Иоанн Златоуст; в V в.— Феодор Мопсуестийский, Синезий Птолемаидский, Исидор Пелусиот. VI век был поворотным пунктом в истории греческого языка вообще и церковного творчества в частности. С VII века уровень образования у греков очень понизился — ученых людей было очень мало. Авторы того времени подражали Василию Великому, Григорию Богослову, Иоанну Златоусту, которые пользовались у них большим почетом. В своих сочинениях они старались избегать по возможности всего, что было свойственно обыденному языку. Но, конечно, и в эту эпоху были выдающиеся по образованию и по языку христианские авторы, например, Иоанн Дамаскин, который в своих песнопениях не только подражал аттическому языку, но даже употреблял и древние стихотворные размеры, основанные на долготе и краткости слогов, хотя в живом языке еще задолго до того времени исчезла разница между долгими и краткими слогами: примером может служить хотя бы канон Иоанна Дамаскина на Рождество Христово, написанный ямбическим триметром — ἔσωσε λαὸν θαυματορῶν δεσπότης.

Глава V. Необходимость изучения греческого языка для богословов

Необходимость изучения греческого языка для богословов так очевидна, что об этом достаточно сказать лишь несколько слов. Знаменитый гуманист Меланхтон правильно утверждал, что Священное Писание «нельзя понять с богословской точки зрения, если раньше оно не будет понято вполне с грамматической» — (*Scripturam*) *non posse intelligi theologice, nisi antea sit intellecta omni ex parte grammaticae*, а Лютер даже «полагал, что истинное и высшее богословие есть не что иное, как грамматика» — *theologiam veram et summam nihil aliud esse quam grammaticam putabat* (*Ernesti, Opera philol.*, с. 199). И действительно, чтобы понимать Священное Писание, необходимо знать в совершенстве не только греческий язык вообще, но и язык каждого из библейских писателей в частности: мы видели, например, что евангелист Лука пишет более литературным языком, чем другие синоптики, и это может во многих случаях объяснить причину разницы в выражениях при повествовании их об одном и том же предмете и поможет правильнее понять мысль каждого из них.

Как мы старались показать в своем изложении, библейский язык вообще не есть особое наречие греческого языка, но есть греческий язык эллинистической эпохи в форме средней между разговорной и литературной, причем в одних писаниях он приближается к первой форме, в других — ко второй. Из этого

следует, что при изучении языка Священного Писания необходимо изучить и язык окружающей его среды, т. е. прежде всего эллинистический язык в разговорной и литературной его формах, а затем и греческий язык других эпох,— как более ранней, так и более поздней. «Изолирование Нового Завета,— говорит Бласс (Grammatik, с. VII 1-го и 2-го изд.),— есть дурная вещь для его уразумения и должно быть устраняемо, елико возможно».

Не менее, чем для истолкования Библии, изучение языка важно для критики — низшей и высшей. Пользование языком в этом случае, как, конечно, всегда и везде, должно быть разумным: небольшая разница, например, во фразеологии различных творений одного и того же писателя не может служить непреложным доказательством того, что эти писания принадлежат разным лицам. Разница в лексическом отношении или в стиле писателя может быть вызвана обсуждаемым предметом или характером и положением лиц, к которым он обращается, иногда даже каким-нибудь случайным или неизвестным нам обстоятельством: замечено, например, что апостол Павел для выражения «во всем» употребляет в посланиях к общинам *ἐν παντί*, а в пастырских посланиях — *ἐν παντί*, между тем в Флп. 4, 12 оба эти выражения соединены: *ἐν παντί καὶ ἐν παντί*. Ср. также то, что сказано выше о разнице в языке в писаниях св. Луки и ап. Павла (с. 112–113).

Глава VI. Литература

1) *Русская литература* по библейскому греческому языку очень бедна, особенно если сравнить ее с западной: в нашей литературе нет ни полного греческо-русского словаря к Новому Завету (не говоря уж о словаре к LXX), ни полного систематического руководства по грамматике Нового Завета или LXX; можно почерпнуть лишь отрывочные грамматические сведения из комментариев к греческим текстам отдельных новозаветных писаний.

А. Милеев. Синтаксис греческого языка, с применением общих правил к Новому Завету с указанием на сходство с сим синтаксисом синтаксиса языка латинского. Москва, 1847 (218 с.) — Книга устаревшая.

С. К. Смирнов (протоиерей, ректор Моск. Дух. Академии). Филологические замечания о языке новозаветном в сличении с классическим при чтении послания Апостола Павла к Ефесеям. Москва, 1873 (LXIV+156 с.).— Книга (докторская диссертация) представляет собой комментарий к греческому тексту послания и не отличается самостоятельностью. Наиболее важная часть книги — обширное введение, где подробно изложены споры гебраистов и пуристов.

Его же. Особенности греческого языка новозаветного (в «Прибавлениях к изданию творений св. отцов в русском переводе» за 1886 г., ч. XXXVIII, С. 153–196 и отд. Москва, 1886).— Работа лексического характера, представляющая разбор некоторых новозаветных слов (на основании старых пособий).

[*Его же.* Терминология отцов Церкви в учении о Боге (в «Прибавлениях к изд. твор. св. отцов» за 1885 г., ч. XXXV. С. 537–574, и отд. Москва, 1885).— Работа совершенно такого же характера.]

Н. Ф. Фокков. К синтаксису греческого новозаветного языка и византийского. Москва, 1887. (XXIII+251 с.). Книга представляет собой избранные

места из Ев. Матфея на греческом языке, сопровождаемые обширным комментарием, касающимся, главным образом, синтаксиса, но также морфологии, стилистики и лексикона новозаветного языка.

Его же. К чтению церковно-греческого текста. Киев, 1886 (VIII+260 с.). Это — хрестоматия, содержащая избранные «гимны, молитвы, песнопения, а равно и отрывки из них», на греческом языке с комментарием к тексту; при выборе их «внимание обращалось на риторическое построение извлечений, на лексический материал, на славянский перевод, на общеизвестность этого перевода и подобн, чтобы при подробном объяснении этих выразительных примеров удобно было бы делать более или менее общие замечания о некоторых особенностях церковно-греческого языка и славянского перевода».

Проф. А. А. Некрасов. Чтение греческого текста святых Евангелий. Казань, 1888 (200 с., из «Прав. Собеседника»); Чтение греческого текста Деяний и посланий апостольских Казань, 1892 (с. 99, из «Прав. Собеседника»). [Замечания относительно тех мест русского новозаветного текста, которые не вполне соответствуют текстам греческому и славянскому (в «Православном Собеседнике» 1884, № 1, с. 17–23); Несколько недоумений, вызванных статьями в «Богословском Вестнике» (см с. 92): «О предположенной справе славяно-русского Нового Завета» (там же, 1893, № 5, с. 3–7); По поводу предполагаемого пересмотра русского Нового Завета (там же, 1895, № 11. С. 265–269).

О всех этих сочинениях г. Некрасова проф. Н. Н. Глубоковский дает такой отзыв: «Но и эти библейско-филологические опыты частью вполне самостоятельны даже по сводке готового материала и частью запечатлены характером произвольного оригинальничания, не имеющего ценности ни экзегетической, ни филологической» (см. «Христианское Чтение», 1898, № 9, с. 367).

Проф. И. Н. Корсунский. Перевод LXX. Его значение в истории греческого языка и словесности. Свято-Троицкая Сергиева Лавра 1898 (II+644+LXII+II с.). — Это — единственная в русском языке книга, трактующая о языке LXX; но и она не всецело посвящена языку (лишь с. 119–526 и отчасти 527–644), и ни одна сторона языка не исследована в ней сколько-нибудь полно: здесь — не систематическое изложение грамматики LXX, а лишь этюды по лексикографии, грамматике и стилистике языка LXX, не исчерпывающие предмета. Так, слова, исключительно или впервые употребляемые у LXX или имеющие особое значение у них, перечислены не все, а лишь некоторые; синтаксис LXX занимает всего 17 стр. (448–465) и содержит лишь кое-какие отдельные замечания. Кроме того, автор делает

иногда такие грубые филологические ошибки, которые подрывают доверие к его выводам вообще; для примера укажем на его производство глг. βῆματιζω от дорич. формы неопред. накл. аор. II βῆμεναι (128) — производство, в котором заключаются 3 ошибки: 1) автор, очевидно, думает, что βῆμ- в βῆματιζω взято прямо из βῆμ-εἶναι, что совершенно невозможно; это так же ошибочно, как думать, например, что в слове «житель» часть «жит-» взята прямо из «жит-ь»; 2) окончание -μεναι не дорическое; 3) форма корня βῆ- тоже не дорическая; по-дорически inf. аор. был не βῆμεναι, а βᾶμεν. А вследствие неверности производства автор приходит к неверному выводу, будто βῆματιζω проникло в κοινή из дорического наречия. На самом деле это слово, вероятно, аттическо-ионическое и происходит от основы βῆματ- существительного βῆμα — так же, как например, ἀναθεματιζω от основы ἀναθεματ- существительного ἀνάθεμα. Вообще книга проф. И. Н. Корсунского в филологическом отношении неудовлетворительна, и мы не согласны с проф. Н. Н. Глубоковским («Христ. Чтен.», 1898, № 9. С. 367), дающим о ней похвальный отзыв. [Но там сказано только следующее: «Филологическая опытность и широко разностороннее библейское изучение сообщают этому труду печать солидной научной серьезности, и автор по местам предвосхищает обрисовывающиеся задачи библейской филологии. Но, видимо, и он был сильно связан недостатком союзников и помощников. Посему у него получился труд громадных размеров со значительным разнообразием обсуждаемых материй. При всем том не все вопросы рассмотрены одинаково детально, не все пункты освещены с равной отчетливостью и не все детали обоснованы с доскональной точностью, хотя в общем, все сочинение поучительно, а некоторые отделы (особенно грамматика LXX-ти) обследованы вполне удовлетворительно». Кроме официальных отзывов профессоров Г. А. Воскресенского и В. Н. Мышцына об этой докторской диссертации в «Журналах Совета моск. Дух Акад.» см. еще тоже официальную рецензию (по поводу соискания автором Макариевской премии через Учебный Комитет при Св. Синоде) проф. А. А. Некрасова в «Христ. Чтен.», 1900, № 9. С. 425–452.— Н. Н. Г.]

[Его же. К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской Духовной Академии. Сергиев Посад, 1894. (72+XXXVII стр.); «актовая речь» по оттиску из «Богословского Вестника» за 1893 г.]

[Его же. О подвигах Филарета, митрополита Московского, в деле перевода Библии на русский язык; историко-критическое исследование в «Сборнике, изданном Обществом любителей духовного просвещения по случаю столетнего юбилея со дня рождения Филарета, митрополита Московского», т. II (Москва, 1883). С. 215–666.]

[Его же. Филарет, митрополит Московский, в его отношениях и деятельности по вопросу о переводе Библии на русский язык. Москва, 1886 (169 стр., из «Православного Обозрения»).]

[Его же. Труды Московской Духовной Академии по переводу Св. Писания и творений св. Отцов на русский язык за семьдесят пять лет (1814–1889) ее существования — в «Прибавл. к творениям св. Отцов» за 1889 г. (ч. XLIV, с. 419–587), 1890 г. (ч. XLV, с. 341–405) и 1891 г. (ч. XLVII, с. 483–614); исследование не закончено с обещанием продолжения, которого — по неизвестным причинам — не последовало, имеются сброшюрованные оттиски в 358 страниц — без последних 607–614 страниц журнала.]

[Его же. Памяти святителя Филарета, митрополита Московского: к истории редакции русского перевода Священного Писания, Москва, 1894 (74 стр., из «Душеполезного Чтения»).]

[Филаретовские замечания изданы (под редакцией А.В. Гаврилова) в книге: «Труды митрополита Московского и Коломенского Филарета по переложению Нового Завета на русский язык СПб., 1893 (XI+238 с.)]

Н Н Г (= проф. Н Н Глубоковский) Современное состояние и дальнейшие задачи изучения греческой Библии в филологическом отношении («Христиан Чтение», 1898 г., № 9. С. 365–400).— Статья эта представляет перевод брошюры проф. G. Adolf Deissmann. Die sprachliche Erforschung der griechischen Bibel, ihr gegenwärtiger Stand und ihre Aufgaben. Giessen, 1898, с предисловием (с. 365–372) и примечаниями проф. Н.Н. Глубоковского.

Н Н Г (= проф. Н.Н. Глубоковский). Греческий язык Библии,— особенно в Новом Завете,— по современному состоянию науки («Христиан. Чтение», 1902, № 7, с. 3–36). — Статья эта состоит из двух частей: из перевода (с. 6–18) реферата (Vortrag) проф. Albert Thumb. Die sprachgeschichtliche Stellung des Biblischen Griechisch («Theologische Rundschau», V, 3 [März 1902], с. 85–99) и из изложения (с. 18–35) библиографической статьи проф. Ad. Deissmann. Die Sprache der griechischen Bibel («Theologische Rundschau», V, 2 [Februar 1902], с. 58–69), с предисловием (с. 3–6) и добавлениями проф. Н. Н. Глубоковского.

[Обе эти статьи (в переводе г. Γρηγόριος Χ. Παλαμχάηλ, Григория Христоф. Папа-Михаила, ныне редактора-изд. в Александрии журнала Ἐκκλησιαστικὸς φάρος) на новогреческом языке под заглавием: Ἡ κοινὴ (ἐλληνικὴ) γλῶσσα τῶν ἁγίων γραφῶν καὶ διὰ τῆς καινῆς διαθήκης κατὰ τὰ πορίσματα τῆς συγχρόνου ἐπιστήμης (Κριτικὴ φιλολογικὴ ἀνασκόπη) перепечатаны в «фельетонах» еженедельной греческой газеты «Νέα ἡμέρα», издаваемой в Триесте, в номерах: 1525, 1527, 1528, 1529 (2503, 2505–2507) за 20 февраля (5 марта), [6 (19), 13 (26) марта и 20 марта (2 апреля) 1904].

Иеромонах (епископ) *Георгий (Ярошевский)*. Соборное послание св. Апостола Иакова; опыт исагогико-экзегетического исследования. Киев, 1901 (VIII+299+XVII стр.). Главную часть книги (магистерской диссертации) составляет комментарий, где автор касается и языка.

Проф. *Николай И Сагарда*. Первое соборное послание святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Исагогико-экзегетическое исследование. Полтава, 1903 (XXII+640+II стр.).— Главную часть книги [тоже магистерской диссертации] составляет комментарий, где автор касается и языка (см. о ней и у проф. Н. Н. Глубоковского в «Христиан. Чтении», 1904, № 6, с. 857–877).

Ф. Е Корш. Мысли о происхождении новогреческого языка (в «Летописях Историко-Филологического Общества при Императорском Новороссийском Университете» за 1896 г., Византийское отделение, III, с. 279–294). Автор статьи — известный знаток классической филологии, бывший профессор Московского Университета, ныне ординарный академик Академии Наук. В этой прекрасной статье говорится о происхождении и истории *κοινῆ*. (Впрочем, этот трактат — совершенно общего характера и касается библейского языка лишь несколькими мимоходными строками).

[Проф. *Д. И Богдашевский*. Послание святого Апостола Павла к Ефесянам; исагогико-экзегетическое исследование. Киев, 1904 (VII+698 стр.). В этой докторской диссертации уделяется немало внимания языку новозаветному, особенно же писаний св. Ап. Павла. Кроме официальных отзывов и. д. доц. В. И. Экземплярского и проф. К. Д. Попова в «Журналах Совета Киевской Духовной Академии» за 1904 г. (с. 132–156; 156–169), см. еще рецензию проф. Н. Н. Глубоковского в «Правосл. Собеседнике», 1906, № № 4, 5, а в частности, о новозаветном языке № 5, с. 167–169].

[*Его же*. Объяснительные замечания к наиболее трудным местам соборного послания св. Ап. Иакова. Киев, 1894 (30 стр., из «Трудов Киевской Духовной Академии», 1894, № 9, с. 116–145).— По самой задаче работы автор должен был здесь касаться филологических вопросов].

[Проф. *М. Д. Муретов*. О предположенной справе славяно-русского текста Нового Завета. В «Богословском Вестнике» 1892, № 10, с. 122–135.— См. об этой статье указанную выше (с. 84) заметку проф. А. А. Некрасова].

[*Его же*. Отзыв о переводе песней св. Романа проф. П. И. Цветкова. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1903 (39 стр., из «Богословского Вестника», 1903, № № 1 и 2) — здесь немало данных и наблюдений относительно церковно-песенно-творческого языка].

[Его же. Новозаветная песнь любви (1 Кор. XII, 31 — XIV, 1) сравнительно с «Пиром» Платона и «Песнью Песней». Св.-Гр. Сергиева Лавра, 1903 (92 стр., из «Богословского Вестника», 1903, №№ 11 и 12).— В этой «актовой речи» много замечаний о новозаветном (Павловом) языке, особенно со стороны «поэтического» строя].

[Еп. (архиеп.). *Никанор (Каменский)*. Экзегетико-критическое исследование послания св. Ап. Павла к Евреям (Казань, 1904), с. 252–282: «Общие замечания о языке и изложении послания» (к Евреям), однако эти «замечания» данной докторской (Казанской) диссертации не отличаются ни самостоятельностью, ни достаточной отчетливостью].

[Проф. *К. Д. Попов*, Блаженный Диадокх (V века), епископ Фотики Древнего Эпира, и его творения, т. 1, Киев, 1903 (XXXIV+620 с.).— Много данных об отеческом (особенно аскетическом) языке. Кроме официальных отзывов проф. о. И. Н. Королькова и М. Ф. Ястребова об этой докторской диссертации в «Журналах Совета Киевской Дух. Академии» за 1903 г. см. еще особую брошюру проф. А. А. Дмитриевского, СПб., 1905].

[С М *Зарин*. Аскетизм по православно-христианскому учению, т. 1, кн. 1–2, СПб., 1907. Здесь выясняется немало греческих терминов аскетического вокабуляра, небезразличных для библейского греческого языка; в кн. II, с. 683–687, помещен «указатель важнейших аскетических терминов»].

[Свящ. *Н. Малиновский*. Греческий словарь на Евангелие от Матфея для воспитанников IV класса. Москва, 1870 (50 стр.), издание Лицея Цесаревича Николая. Это — совершенно элементарная книжка].

За неимением специальных греческо-русских лексиконов к Новому Завету, лучше всего при чтении Нового Завета употреблять «Греческо-русский словарь» по *Бензелеру*, изд. Киевского отделения Общества классической филологии и педагогики. Киев (1-е изд. 1881, 2-е изд., исправленное и дополненное — 1890), в котором содержатся и слова Нового Завета (кроме Апокалипсиса) [но в филологическом отношении, пожалуй, выше «Греческо-русский словарь» проф. А. Д. Вейсмана, 5-е изд., СПб., 1899]. Для чтения LXX и церковной литературы из греческо-русских словарей наиболее пригоден, да и то не вполне, «Греческо-русский словарь» бр. *Коссовичей*, изданный изданием Департамента Народного Просвещения. Москва, 1848.

2) *Иностранная литература* по нашему предмету, — преимущественно на немецком и английском языках, очень богата. Подробно она указана в статье проф. *Ad. Deissmann'a* Hellenistisches Griechisch (mit besonderer Berücksichtigung der griechischen Bibel), помещенной в «Realencyclopädie für protestantische

«Theologie und Kirche», begründet von J. J. Herzog, 3 Auflage herausgegeben von D. A. Hauck, том VII (Leipzig, 1899), с. 627–639, [и в его отчетах в «Theologische Rundschau», V, 2 (Februar 1902), S. 58–69, IX, 7 (Juni 1906), S. 210–229, равно в ежегодных отчетах разных авторов в «Theologischer Jahresbericht», а с включением отеческой письменности — см. у Dr. Phil. K. M. (Dr. A. Forster). Repertorium christiano-classicum: Unser (altsprachlich) christlicher Klassiker — Schatz, Verlag der «Selbstbildung» in Augsburg (Bayern), 1903, с. 44; см. и «Theologische Rundschau», IX, 7. S. 216]. Литература (русская и иностранная), касающаяся языка LXX, подробнее всего указана во введении к упомянутой выше (с. 84) книге проф. И. Н. Корсунского «Перевод LXX» (но см. еще *Henricus Anz. Subsidia ad cognoscendum Graecorum sermonem e Pentateuchi versione Alexandrina repetita* в «Dissertationes philologicae Halenses», vol. XII, pars II. Halis Saxonum, 1894, с. 259–387; см. «Христ. Чтение», 1898, № 9, с. 386). Мы приведем здесь из иностранной литературы наиболее важные и необходимые сочинения, которых, впрочем, вполне достаточно для хорошего общего ознакомления с предметом и для чтения греческой Библии, не упоминая многочисленных комментариев к ней.

I. По истории *κοινή*

Prof. *Albert Thumb*. Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Beiträge zur Geschichte und Beurteilung der *κοινή*. Strassburg, 1901 (VIII+275 с.).

[Prof. *A. N. Jannaris*. The True Meaning of *κοινή* в «Classical Review», XVII, 2, p. 93–96, где автор (специалист новогреческого языка) доказывает, что «*κοινή*» нужно понимать не как нечто недиалектическое, а как общий диалектам литературный греческий язык»; ср. и в «Theologischer Jahresbericht», XXIII (für 1903), III Abth.: Das Neue Testament (Berlin, 1904), S. 246.— О работе *P. Kretschmer* а Die Entstehung der Koine см. «Христ. Чтение» 1902, № 7, с. 21.— Prof. *A. Thumb*. Prinzipienfragen der Koine-Literatur в «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum», XVII (1906), S. 246–263; в этом трактате, читанном на гамбургской конференции филологов, автор высказывается против допущения семитизмов и арамаизмов в греческом новозаветном языке даже для таких сочетаний, как οὐ τίς ἐί, τοῦ ἐστίν ἐμεῖνος, καὶ λέγει τὶ κλαίεις, Мф. II, 5, 16 ἀπέρχουσι понимает эквивалентно ἔλαβον или ἔσχον, т. е. за наст. вр. аористное (в смысле прошедшего) и утверждает азийское происхождение Евангелия Иоаннова по предпочтению писателем ἐμός вместо ἐμοῦ и μοῦ. Напротив, семитскую стихию в греческом библейском языке удостоверяют Prof. Dr. *Henry Barclay Swete*. The Apocalypse of St. John. London, 1906, p. CXX, и Prof. Dr. *Eb. Nestle* в «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft», VII (1906), 3, S. 279–280 (см. ниже, с. 100) для Мф. X, 32 и Лк. XII, 8, где якобы «сириазм»; ср. еще «The Expositor», 1907, I, p. 90–92, и «Biblische

Zeitschrift», V (1907), 1. S. 70. A. Thumb. Die Forschungen über die hellenistische Sprache в «Archiv für Papyrusforschungen», II (1905). S. 396–427, III (1906). S. 443–473; здесь обстоятельные критические отчеты по 1904 год с поименным указателем авторов].

II. По грамматике $\kappa\omicron\iota\nu\eta$

Prof. Karl Dieterich. Untersuchungen zur Geschichte der Griechischen Sprache von der hellenistischen Zeit bis zum 10. Jahrhundert n. Chr. = «Byzantinisches Archiv», Heft 1. Leipzig, 1898 (XXIV+326 с.).— Автор, по его собственным словам, «исследует, исходя из новогреческого языка, все явления в $\kappa\omicron\iota\nu\eta$, замечательные в фонетическом и морфологическом отношениях, главным образом на основании надписей и новооткрытых папирусов и старается таким путем установить происхождение различных явлений». Это сочинение богато отдельными замечаниями к LXX и Новому Завету; но синтаксиса $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ оно не касается. [См. «Христ. Чтение», 1902, № 7, с. 21–22].

[Stanislaus Witkowski. Prodromus Grammaticae papyrorum Graecarum aetatis Lagidarum Cracoviae, 1897 (из XXVI тома изданий (classis philologicae) Academiae Litterarum Cracoviensis). с. 65].

Eduard Schweizer. Grammatik der Pergamenischen Inschriften: Beiträge zur Laut- und Flexionslehre der gemeingriechischen Sprache. Berlin, 1898 (VIII+212 с.).— Эта книга также не касается синтаксиса.

[Prof. Dr. Edwin Mayser. Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit mit Einschluss der gleichzeitigen Ostraka und der in Aegypten verfassten Inschriften: Laut- und Wortlehre. Leipzig, 1906 (XIV+538 с.).] Это — книга первостепенной важности для изучения грамматики эллинистического языка: вся морфология изложена во всех подробностях с указанием мест на папирусах, где встречается каждая форма. Синтаксиса в ней нет.

[A. N. Jannaris. The Digamma, Koppa and Sampi as Numerals in Greek. В «The Classical Review» за апрель 1907].

Gualtherus Kuhring. De praepositionum graecarum in chartis Aegyptiis usu quaestiones selectae. Bonnae, 1906, 57 с.

По синтаксису $\kappa\omicron\iota\nu\eta$ ни одного систематического руководства не имеется [но см. Dr. Fr. Völker. Papyrorum graecarum syntaxis specimen (de accusativo; accedunt II tract. de -v et -ς finali) — dissertatio philologica. Bonnae, 1900 (37 с.); Syntax der griechischen Papyri I: Artikel в «Beilage zu dem Jahresberichte über das Realgymnasium zu Münster i. W. für Schuljahr 1902». Progr. № 433. Münster, 1903, 20 с.].

[Lic. Theol. *Gottfried Tieme*. Die Inschriften von Magnesia am Maander und das Neue Testament: eine sprachgeschichtliche Studie. Göttingen, 1906 (43 с.). В этой брошюре, обзорающей грамматику, синтаксис, лексикон и оноματοлогию, есть особый отдельчик (с. 33–38) под заглавием: Zum Wortschatz der Pastoralbriefe; см. о ней *Ad. Deissmann* в «Theologische Literaturzeitung», 1906, 8, Sp. 234].

III. По грамматике и лексикографии аттицизма

Prof. *Wilhelm Schmid*. Der Atticismus in seinen Hauptvertretern von Dionysius von Halikarnass bis auf den zweiten Philostratus. Stuttgart, 1887–1897, 5 томов (XIX+432, 316, 350, 734, IV+234 с.).— При исследовании языка аттицистов (морфологии, синтаксиса, лексикона) Шмид постоянно привлекает также и памятники современного аттицистам живого языка, особенно LXX и Нового Завета — отчасти для сравнения, отчасти для обнаружения влияния, которое оказывал живой язык даже и на фанатиков искусственного языка. Поэтому подробный указатель к сочинению Шмида, занимающий весь 5-й том, есть прекрасное пособие также и для грамматика и лексикографа Библии. [См. «Христиан. Чтение», 1902, № 7, с. 22–23].

[О диалектах вообще и в частности об «эллинистическом греческом языке» см. еще у *E. A. Sophocles*. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (from B. C. 146 to A. D. 1100), New York, 1887, p. 1 sqq].

IV. По языку Библии

[Для общего обозрения, кроме соответствующих трактатов и заметок в разного рода «Введениях», иногда очень ценных (например, у проф. *Theodor Zahn*'а), а также кроме экзегетических трудов, см. еще «энциклопедические» статьи проф. *Ad. Deissmann*'а у Герцога — Гаука (выше, с. 94 и ср. в «Христ. Чтении», 1902, № 7, с. 20), *M. abbé Joseph Viteau*. Grec biblique в Dictionnaire de la Bible, publié par F. Vigouroux, t. III (Paris, 1903), col. 312–331, Rev. Prof. *D. S. Margoliouth*. Language of the Apocrypha в A Dictionary of the Bible, ed. by James Hastings, vol. III (Edinburgh, 1900), p. 35–36, Rev. Prof. *Joseph Henry Thayer* (умер 26 ноября 1901). Language of the New Testament, ibid. III, p. 36–43 (см. «Христиан. Чтение», 1902, № 7, с. 23–24). Prof. *H B Swete*. An Introduction to the Old Testament in Greek. Cambridge, 1900, 2-е изд. London, 1902].

[Для LXX-ти имеется (в College Series of Greek Authors edited under the Supervision of John Williams White and Thomas Day Seymour, Editors, Charles Burton Gulick, Associate Editor) собственно лишь одна новейшая специальная книга: Selections from the Septuagint according to the Text of Swete by

F.C. Conybeare, M.A., Ex-Fellow of University College, Oxford, and *St George Stock*, M.A. Oxon. Pembroke College, Oxford, Ginn & Company: Boston-New-York-Chicago-London (1905), VI+313 с. В этой книге вспомогательно-учебного характера — после «предисловия» — сообщаются во «введении» следующие сведения: Александрия (с. 1–4), письмо Аристея (4–8), вдохновенность LXX-ти (8–10), подлинно ли письмо Аристея? (10–14), дата LXX-ти (14–16), возражения против истории Аристея (16), переводы Ветхого Завета до LXX-ти (16), переводы Ветхого Завета после LXX: Акилы, Феодотиона, Симмаха, анонимные экзатпы и тетраплы Оригена, рецензия Лукиана (17–19), превосходство LXX по сравнению с Вульгатой и их значение для истолкования Нового Завета (19–21), эллинистический греческий язык (21–24). Далее идут грамматика греческого языка LXX (25–49), синтаксис (50–97), — все с примерами. образцы из Быт. XXXVII, XXXIX, XL–XLV (101–142), Исх. I–XII, XIV–XV (143–299). Чис. XXII–XXIV (201–221). Суд. XIII–XVI (223–245). 1 Цар. XVII (247–258), 3 Цар. XVII–XX, 4 Цар. I–II (259–290), 4 Цар. XVIII–XIX (291–308); на с. 98–100 содержится «оглавление» к грамматике и синтаксису, а на с. 309–313 — греческий индекс к тексту и примечаниям, какими обильно снабжены перечисленные выше «образцы», каждый из которых предваряется соответствующим «введением»].

[*H.S. John Thackeray*. Renderings of the Infinitive Absolute in the LXX в «The Journal of Theological Studies», IX, 36 (July 1908), p. 597–601].

[*J Psichori*. Essai sur le Grec de la Septante в «Revue des études juives», 1908 Avril, p. 161–208].

[*Dr. Robert Helbing*, Prof. am Madchengymnasium in Karlsruhe, Grammatik der Septuaginta: Laut- und Wortlehre. Göttingen, 1907, XVIII+149 c].

[*Max L. Margolis*. Studien im griechischen alten Testament в «Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft», XXVII (1907), 2. S. 212–270].

[*Ego же. Κατέν* (einschliesslich der Komposita und Derivata) und seine hebraisch-aramaischen Aequivalente im Grazismus des Alten Testaments. Ibid. XXVI (1906), 1, S. 85–89].

[*Ego же. Λαμβάνειν* (including Compounds and Derivata) and its Hebrew-aramaic Aequivalente in Old Testament Greek в «The American Journal of Semitic Languages and Literatures», XXII (1906), p. 110–119].

[Вообще о библейском (новозаветном) языке см. Prof. *J. Wellhausen*. Einleitung in die drei ersten Evangelien (Berlin, 1905), S. 9–43: Das Griechisch der Evangelien; Stilistisches Satzbau and Satzverbindung. Einzelne Satzteile; Lexikalisch s; Schluss].

[Prof. *Karl Friedrich Nösgen*. Der Text des neuen Testaments в «Biblische Zeit und Streitfragen zur Aufklärung der Gebildeten» herausg. von Dr. J. Boehmer und Dr. Kropatschek I. 7 (Gr. Lichterfelde — Berlin, 1905), S. 3–5].

[Prof. *Ernest De Witt Burton*. The Present Problems of New Testament в «The American Journal of Theology», IX, 2 (April, 1905), p. 210–212].

[Сочинения более общего характера:

[Prof. *Ulrich von Willamowitz-Moellendorf*. Die griechische Literatur des Altertums с 700 г. до Р. X. по 529 г. по Р. X.) в серии: Die Kultur der Gegenwart herausg. von Paul Hinneberg. Theil I, Abth. VIII (Berlin und Leipzig, 1905), S. 1–236; см. Ad. Deissmann в «Theologische Literaturzeitung», 1906, 8, Sp. 238].

[Prof. *Karl Krumbacher*. Die griechische Literatur des Mittelalters у Hinneberg I, VIII, S. 237–285].

[Prof. *Jacob Wackernagel*. Die griechische Sprache у Hinneberg I, VIII, S. 286–312].

[*Charles H. Hoole* The Classical Element in the New Testament, considered as a Proof of its Genuineness: with an Appendix of the Oldest Authorities used in the Formation of the Canon. London, 1888, 146 c].

[Late Rev. *William Henry Simcox*. The Language of the New Testament, second edition. London, 1892, XII+226 c].

[Prof. *A. Tholuck*. Beitrage zur Spracherklärung des Neuen Testaments, 1832].

[*W H Guillemard*. Hebraisms in the Greek Testament. Cambridge, 1879].

[*Schilling*. Commentarius exegetico-philologicus in hebraismos N. T., Malines, 1886].

[*De Pauly*. Ὁρθοτομία, sive de N. T. dialectis accentibusque. Lyon, 1890].

[*D. E F Böckel*. De hebraismis N. T. I, Lipsiae, 1840].

[Rev. Prof. *Alex Souter*. Some Thoughts on the Study of the Greek New Testament в «The Expositor», 1904, II, p. 133–146].

[Prof. Dr. *Hermann Freiherr von Soden*. Die Schriften des Neuen Testaments in ihrer ältesten erreichbaren Textgestalt hergestellt auf Grund ihrer Textgeschichte. Bd. I, Abt. 2 (Berlin, 1906), § 301–320, S. 1360–1419, где рассматриваются следующие пункты: орфография; фонетика; различное образование или разный род (genus) слов; грамматика, языковые средства выражения, поскольку они не изменяют смысла; не затрагивающие смысла изменения в синтаксисе].

[Rev. Prof. *James Hope Moulton*. The Science of the Language and the Study of the New Testament. Manchester, 1906, 32 c].

[A. Roberts.] A Short Proof that Greek was the Language of Christ (London, 1894?); см. «The Classical Review», 1894, № 4 и № 5 и «The Dublin Review» за 1894, июль.]

[A.T. Robertson. New Testament Greek Syllabus for Junior Greek Class. Louisville (Ky.), 1900 (IV+99 с.); см. «Христ. Чтение», 1902, № 7, с. 4, прим. 1.]

[Prof. G Adolf Deissmann (биографические сведения и обзор трудов его см. у Lionel R. M. Strachan в «The Expository Times», XVII, 12, September 1906, p. 535–540, и ср. «Энци.», IV, 976–977). Die neutestamentliche Formel in «Christo Jesu» untersucht. Marburg, 1892; диссертация эта содержит немало филологических наблюдений и соображений в тоне известных работ этого автора].

[Его же. Die Hellenisierung des semitischen Monoteismus. Leipzig, 1903; оттиск из «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und Literatur» за 1903, с сохранением пагинации журнала].

[Его же. Die griechische Bibel в «Die Studierstube» herausg. von Dr. J. Boehmer, I. Stuttgart, 1903, 1, S. 10–13].

[Его же. Ein Original-Dokument aus Diocletianischen Christenverfolgung: Papyrus 713 des British Museums herausgegeben und erklärt, Tübingen und Leipzig, 1902, 36 с. и снимок].

[Его же и о том же документе: Der Brief des Psenosiris в «Die Studierstube», I (1903), 12 (по оттиску 8 стр.); есть и английский перевод: The Epistle of Psenosiris, an original Document from the Diocletian Persecution].

[Его же. Papyrus und Papyri в Realencyclopädie von Herzog — Hauck, XIV (Leipzig, 1904), S. 667–675.

[Его же. Das Neue Testament und die Schriftdenkmäler der römischen Kaiserzeit в «Jahrbuch des freien deutschen Hochstifts», 1905 (Frankfurt a M.), S. 80–96.

[Его же. Отчет о «The Hibeh-Papyri part I» в «Theologische Literaturzeitung», 1906, 20. Sp. 547–548, где есть специальные замечания об ἀποστόλων, εἰς τὸ ὄνομα и 1 Кор. XV, 32 (якобы возможно, что это цитата из Еврипида)].

[Его же. The New Testament in the Light of recently discovered Texts of the Graeco-Roman World в «The Expository Times», XVIII, 1 (October 1906), p. 8–15, XVIII, 2 (November 1906), p. 57–63, XVIII, 3 (December 1906), p. 103–108, XVIII, 5 (February 1907), p. 202–211, XVIII, 7 (April 1907), p. 305–310 и отдельно под заглавием: New Light on the New Testament from Records of the Graeco-Roman Period, Edinburgh, 1907].

[Его же. Barnabas в «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft», VII (1906), 1. S. 91–92; здесь даются дополнения к с. 175–178 Bibelstudien автора].

[*Его же. The Philology of the Greek Bible, its Present and Future (I. The Greek Bible as Compact Unity. New Linguistic Records. II. The Problem of «Biblical» Greek. III. Septuagint Philology, IV. New Testament Philology) в «The Expositor» 1907, X, p. 289–302, XI, 425–435, XII, 506–520; 1908, I, 61–75 и отдельно: London, 1908 с предисловием и маленькими дополнениями; X+147 с.]*

[*Его же. Licht vom Osten: das Neue Testament und die neuentdeckten Texte der hellenistisch-römischen Welt. Tübingen. 1908, X+364 с.]*

[*Prof. Dr. Paul Wendland. Zur ältesten Geschichte der Bibel in der Kirche в «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft», I (1900), 4, S. 267–290.]*

[*Его же. Christentum und Hellenismus in ihren litterarischen Beziehungen: Vortrag в «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur» за 1902 и в отд. оттиске, Leipzig, 1902.]*

[*Dr. Eberhard Nestle. Zum neutestamentlichen Griechisch в «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft», VII (1906), 3, S. 279–280, где автор защищает мысль о значительных семитических влияниях на библейский греческий язык; см. выше, с. 95.]*

[*Его же. Ἑνδιπλλαγμένος in I (III) Reg. 22, 47 и G. Jahn о том же в «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft», LIX, S. 735 сл., LX, 243 сл., 375.]*

[*Prof. Dr. C F Georg Heinrici. Der litterarische Charakter der neutestamentlichen Schriften, Leipzig, 1908 (VIII + 127 с.); здесь в пяти главах обсуждаются следующие пункты: I. Zur Geschichte der Probleme. II. Hellenismus und Judentum. III. Die Ursprungsbedingungen des neutestamentlichen Schrifttums. IV. Die literarischen Formen der neutestamentlichen Schriften. V. Die Ausdrucksmittel.]*

[*Prof. Dr. Hans Lietzmann. Die klassische Philologie und das Neue Testament в «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur und für Pädagogik» herausg. von Joh. Ilberg und Bernh. Gerth, 1908, 1, S. 7–21.]*

[*Dr. phil. Alexis Schumann. Paulus an Philemon (Leipzig, 1908), S. 34–40 (о письмах и посланиях Павловых с формально литературной стороны).]*

[*George Milligan. St. Paul's Epistle to the Thessalonians (London, 1908), p. 121–130 (St. Paul as a Letter-Writer), 131–132 (об эпистолярном множественном у Ап. Павла), 141–144 (об εὐαγγέλιον, εὐαγγελίζομαι), 145–151 (παρουσία, ἐπιφάνεια, ἀποκάλυψις), 152–154 (ἀπακτέω und its cognates), 155–157 (on the meaning of κατέχω).]*

[*Georg Benedict Winer's Grammatik des neutestamentlichen Sprachidioms. 8 Auflage, neu bearbeitet von D. Paul Wilh. Schmiedel. I Theil: Einleitung und Formenlehre, Göttingen, 1894 (XVI+144 с.). II Theil: Syntax, Göttingen, 1897–1898*

(вышло доселе только 2 тетради: 145–272 стр.), [хотя обещано продолжение при сотрудничестве Eduard Schwyzer: см. «The Expositor», 1908, I, p. 64; поэтому, в целом, пока приходится пользоваться 7-м изданием под ред проф. *L. Lünemann*'а. Leipzig, 1867.] — Грамматика Винера, 1-е издание которой вышло еще в 1822 г. (и которая была издана на английском языке в двух переводах — *W. Moulton*'а (Edinburgh) и *J. H. Thayer*'а в Andover, 1883) имела целью бороться против безграничного произвола в толковании новозаветного языка, о чем мы говорили выше (с. 21–22). В течение более полу столетия эта книга, выходящая теперь 8-м изданием, имела решающее значение для истолкования греческого текста Нового Завета. За этот долгий промежуток времени книга, несмотря на частичные исправления, значительно устарела, и новый издатель ее проф. П. В. Шмидель переработал ее так, что получилось совсем новое сочинение. Грамматика Винера-Шмиделя отличается подробностью, точностью и стоит на высоте науки; работы, вышедшие в свет до нее, использованы добросовестно [она также богата библейско-экзегетическими применениями, хотя далеко не всегда бесспорными именно по своей экзегетической ценности]. По вопросу об иудейско-греческом языке Шмидель, хотя частью и держится старой точки зрения (мнение его об этом выражено не очень ярко), но, по-видимому, не является непримиримым противником Дейсмана. Одно из важных достоинств этой грамматики то, что автор в спорных грамматических вопросах, давая свое решение, приводит, однако, и подвергает разбору также и те мнения, которым он не сочувствует, давая, таким образом, читателю возможность самому обсудить вопрос. Еще одно из достоинств этой грамматики то, что в ней постоянно делаются указания и на соответствующие явления языка LXX, что очень важно при отсутствии полного специального руководства по грамматике LXX [но см. с. 91]. Хорошим дополнением к 1-ой части этой грамматики (морфологии) служит обширная рецензия на нее *W. Schmid*'а в журнале «Göttingische gelehrte Anzeigen», 1895, № 1, с. 26–47, содержащая много поправок и добавлений к ней, главным образом на основании папирусов. [См. еще *Fr. Blass* в «Theologische Literaturzeitung», 1894, 21, Sp. 532–534; *Ad Hilgenfeld* в «Berl. Philolog. Wochenschrift», 1895, 40; «Христиан. Чтение», 1898, № 9, с. 392–394].

Prof. Friedrich Blass. Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch. Göttingen: 1-е изд. 1896 (XII+329 с.), 2-е изд. исправленное и дополненное, 1902 (XII+348 с.) — Книга [имеющаяся и в английском переводе *H. Thackeray*, London, 1898] содержит морфологию и синтаксис в полном объеме, но изложенные менее пространно, чем у Винера-Шмиделя. Обе книги предполагают в читателе знакомство с элементарной грамматикой классического языка и потому не дают, например, полных образцов склонений и спряжений новозаветного языка, а указывают лишь на отступления

этого последнего от классического. Касаясь мест новозаветного текста, где есть в рукописях разночтения, Блясс указывает, как в какой рукописи читается, а Винер-Шмидель указывает, как в каком издании читается. Блясс менее, чем Винер-Шмидель, касается языка LXX, но зато он исследовал грамматически и включил в свою книгу материал из «Пастыря» Ермы, Послания Варнавы и Клементинской литературы. Одним из достоинств труда Блясса является также его отношение к вопросу о новозаветном языке: он стоит на точке зрения Дейсмана. Как и следует ожидать от Блясса (он — известный авторитетный профессор классической филологии), в частностях его работа содержит много прекрасных наблюдений [но экзегетических применений у него меньше и они излагаются весьма сжато]. Главный недостаток сего труда, по сравнению с Винер-Шмиделем, — это склонность автора категорически решать спорные вопросы и игнорировать другие способы грамматического объяснения, заслуживающие внимания (что касается главным образом синтаксиса), а это может иногда ввести в заблуждение неопытного читателя, который слепо положится на авторитет Блясса. 2-е издание грамматики не отличается существенно от 1-го; но во 2-м изд. в морфологии увеличено число параллелей к библейскому языку, особенно из папирусов и надписей; синтаксиса это менее коснулось. Сравнивая грамматики Винер-Шмиделя и Блясса, можно сказать, что обе они очень важны для богослова и взаимно дополняют одна другую; в строго филологическом отношении Блясс выше Винер-Шмиделя, в богословском — наоборот: Шмидель основательнее Блясса исследует интересующие специалистов богословско-экзегетические вопросы; но филологические слабости у Шмиделя меньше, чем богословские у Блясса, а из этого следует, что Шмидель больше помогает для положительного уразумения текста Нового Завета, насколько можно судить по 2 тетрадам его синтаксиса. [См. еще *Ad. Deissmann* в «*Göttingische gelehrte Anzeigen*», 1898, № 2, 120–124, и в «*Христиан. Чтении*», 1898, № 9, с. 344–395; *E. Bröse* в «*Studien und Kritiken*», 1898, I, 199–208].

Prof. G. Adolf Deissmann. Bibelstudien: Beiträge, zumeist aus den Papyri und Inschriften, zur Geschichte der Sprache, des Schrifttums und der Religion des hellenistischen Judentums und des Urchristentums. Marburg, 1895 (XII+297 с.). — Об этом выдающемся сочинении мы уже говорили выше, с. 34. Для языка особенно важна 3-я глава: *Beiträge zur Sprachgeschichte der griechischen Bibel* (с. 55–168).

Его же. Neue Bibelstudien: Sprachgeschichtliche Beiträge, zumeist aus den Papyri und Inschriften, zur Erklärung des Neuen Testaments. Marburg, 1897 (VIII+109 с.). — Эта книга служит продолжением 3-й главы *Bibelstudien*. О ней мы говорили выше, с. 34. Обе книги (*Bib. St.* и *N. Bib.-St.*) переведены с небольшими поправками и дополнениями самого автора на английский язык и соединены в одну книгу под заглавием: *G.A. Deissmann. Bible Studies:*

Contributions chiefly from Papyri and Inscriptions, to the History of the Language, Literature and Religion of Hellenistic Judaism and Primitive Christianity; authorized Translation ... by A. Grieve. Edinburgh, 1901 [2-е изд. *ibid.* 1903] (XV+384 с.). [См. «Христиан. Чтение», 1902, № 7, с. 19–20.]

[Для новозаветной (и частью библейской вообще) грамматики (в широком смысле) не излишни еще следующие труды:

Berger de Xivrey. Etude sur le texte et le style du Nouveau Testament. Paris, 1856 (163 с.).

Grammatik des neutestamentlichen Sprachgebrauchs: im Anschlusse an Ph. Buttmann's Griechische Grammatik bearbeitet von Prof. Alex Buttmann. Berlin, 1859 (XIII+374 с.); был и английский перевод Thayer'a, Andover, 1880.

Того же Alex Buttmann'a Beitrage zur Kritik und Grammatik des Neuen Testaments в «Studien und Kritiken», 1858, S. 474–516.

Grundzüge der neutestamentlichen Gracitat nach den besten Quellen für Studierende der Theologie und Philologie von Prof. Dr. S. Ch Schirlitz. Giessen, 1861 (IV+436 с.); 6 изд. *ibid.* 1908.

Его же. Die Hellenistischen, besonders Alexandrinischen und sonst schwierigen Verbalformen im Griechischen Neuen Testamente für Schulen und den Selbstunterricht alphabetisch geordnet und grammatisch nachgewiesen. Erfurt, 1862 (XXIII+215 с.).

Его же. Anleitung zur Kenntniss der neutestamentlichen Sprache, zugleich als griechische neutestamentliche Schulgrammatik für Gymnasien. 1863.

Grammatische Untersuchungen über die biblische Gracitat von Dr. Karl Heinrich Adelbert Lipsius, herausg. von Prof. Dr. Richard Heinrich Lipsius: Über die Lesezeichen, Leipzig, 1863 (XII+153 с.). См. о ней и у Prof. A. I. Buttmann в «Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie», VII (1861), S. 417–425.

H Stuart. Grammar of New Testament Dialect. Andover, 1834.

W Trollope. A Greek Grammar of the New Testament and to the Common or Hellenic Diction of the Greek Writers. London, 1842.

C. G. Wilcke. Die neutestamentliche Rhetorik. Dresden, 1843.

J. T. Beelen. Grammatica graecitatis Novi Testamenti, quam ad G. Wineri ejusdem argumenti librum composuit. Lovani, 1847.

S. G. Green. Handbook to the Grammar of the Greek Testament. London, 1886; [ср. ниже, с. 107].

[Th. Burchardi. Elementargrammatik der griechischen Sprache des Neuen Testaments. 1889.

Th. Heusser. Griechische Syntax zum Neuen Testament nebst Übungsstücken zum Übersetzen ins Griechische für Formenlehre und Syntax. Mit Vorwort Th. Haarbeck (ср. с. 114). Basel, 1889 (88 с.).

The Doctrine of the Greek Article applied to the Criticism and illustration of the New Testament by the late Bishop of Calcutta *Thomas Fanshawe Middleton*, with Prefatory Observations and Notes by Hugh James Rose. London, 1841 (XLIV+502 с.).

Syntax of the Moods and Tenses in New Testament Greek by Prof. *Ernest De Witt Burton*. Second edit. Chicago, 1893 и Edinburgh, 1894 (XXII+215 с.). Это — серьезная работа: см. «Critical Review», V, 1 (January 1895), p. 88; «Theologische Literaturzeitung», 1894, 13, Sp. 337–338 (Fr. Blass)].

Grammaire du Nouveau Testament par Prof. *Ernest Combe*. Lausanne. 1894 (с. 189). Элементарное руководство: «Revue de théologie et de philosophie». 1895, I, 89–91; «Critical Review» за июль 1895, с. 251; «Revue biblique». 1895, № 2; «Revue de théologie et des questions religieuses». 1895, № 2; «Presbyterian and Reformed Review» за октябрь 1895; «Христиан. Чтение», 1895. Вып. III, с. 643–645.

Étude sur le grec du Nouveau Testament. Verbe: Syntaxe des propositions par M. l'abbé *Joseph Viteau*. Paris, 1893 (235 с.). См. Fr. Blass в «Theologische Literaturzeitung», 1894, 13, Sp. 338–339; J. H. Moulton в «Critical Review» за июнь 1895. С. 252–256.

Ezo же. Étude sur le grec du Nouveau Testament, comparé avec celui des Septante: Sujet, complément et attribut в «Bibliothèque de l'école des hautes études», fasc. CXL. Paris, 1896 (V+316 с.).

Buresch. Über ὑπόταξιν und anderes Vulgargriechisch в «Rheinisches Museum», 1891, 193 сл. См. у Prof. Ed. König в «Studien und Kritiken», 1893, III. S. 477–478.

H A Scomp. The Case Absolute in the New Testament в «Bibliotheca Sacra» за январь 1902, с. 76–84.

Rev. *Ambrose J. Wilson*. Emphasis in the New Testament в «The Journal of Theological Studies», VIII, 29 (October, 1906), p. 75–85.

J. de Zwaan. Syntaxis der wijzen en tijden in het Grieksche N. T. Haarlem, 1906 (288 с.).

Hamilton Ford Allen. The Infinitive in Polybius compared with the Infinitive in Biblical Greek. Chicago (The University of Chicago Press). 1907 (60 с.).

Effie Freeman Thompson. Μετανοέω and μεταμέλει in Greek Literature until 100 A.D., including Discussion of their Cognates and of their Hebrew Equivalents. Chicago (ibid.), 1908 (29 с.).

[*F O Norton*. A Lexicographical and Historical Study of διαθήκη, from the earliest Times to the End of the classical Period. Chicago (ibid.). 1908 (71 c.).

Clyde W. Votaw. The Use of the Infinitive in Biblical Greek Chicago, 1890 (59 c.). Диссертация на степень доктора философии.

F W. Mozley. The Biblical Use of the Present and Aorist Imperative в «The Journal of Theological Studies», IV, 14 (January, 1903). P. 279–282.

Dr. Alois Theimer. Beitrage zur Kenntniss des Sprachgebrauches im Neuen Testament в Programm zum XXIV. Jahresberichte des niederösterreichischen Landes-Real- und Obergymnasiums Horn. Horn, 1896 (40 c.).

Theophilus D. Hall. A First Introduction to the Greek Testament with Extracts from the Gospels and Epistles accompanied by Notes Grammatical and Explanatory. London, 1893 (VII+210 c.).

Richard M Smith. Studien in the Greek New Testament, edited, with an Introduction, by Jno. J. Tigert, Nashville (Tenn.), 1895 (163 c.).

Обе последние книжки смешанного содержания и довольно элементарного характера.

Rev. P. Thomson. The Greek Tenses in the N. T. Edinburgh, 1894 (317 c.). См. «Critical Review» за апрель 1895 (V, 2), с. 138.

C. W. E Miller. The Imperfect and the Aorist in Greek в «The American Journal of Philosophy», XVI, 2.

R Horton Smith. The Theory of Conditional Sentences in Greek and Latin, for the Use of Students. London, 1894. См. «The Academy» за 3 ноября 1894.

J H Huddilston. Essentials of the New Testaments Greek. London, 1895 (204 c.)

W. Webster. Syntax and Synonyms of the Greek New Testament. London, 1864.

R Fr Weymouth. On the Rendering into English of the Greek Aorist and Perfect; with Appendices on the N.T. Use of γάρ and of οὖν. London (1895?).

Rev. Herbert G. Miller. Rendering of δὲ in the New Testament в «The Expository Times», XV, 12 (September 1904). P. 551–555.

G A. King. Δέ. Ibid. XVI, 1 (October 1904). P. 43.

Rev. James B Lawrence. The Rendering of δὲ. Ibid XV, 9 (June 1904). P. 428

Prof. C Bruston. Le génitif du régime indirect dans le N. T. в «Revue de théologie et des questions religieuses», 1903, 6, p. 536–542.

Его же. Le génitif du régime indirect avec le substantif ἀπεκδυσίς et avec le verbe καταγέω. Ibid. 1903, 7. P. 60–70.

E. Bröse. Die Proposition από 1 Kor. XI, 23 в «Studien und Kritiken» 1901. S. 351–360; см. «Христиан. Чтение», 1902, № 7 с. 26].

[*Prof E J Goodspeed.* A New Glimpse of Greek Tense-Movements in New Testament Times в «The American Journal of Theology», X, 1 (January, 1906). P. 102–103].

[*Frederick Field.* Notes on the Translation of the New Testament, being the Otium Norvicense (pars tertia). Cambridge. 1899 (XVII+267 с.).

Some Lessons of the Revised Version of the New Testament by Bishop *Brooke Foss Westcott*. London. 1897 (VIII+279 с.). И вообще по связи и по поводу «ревизии» английского перевода Нового Завета (см. об этом, например, *The Revised New Testament and History of Revision (Anglo-American Edition)*, giving a Literal Reprint of the Authorised English Edition of the Revised New Testament, with a Brief History of the Origin and Transmission of the New Testament Scriptures, and of its many Versions and Revisions that have been made, also a Complete History of this last great combined Movement of the best Scholarship of the World, with Reasons for the Effort, Advantages gained, Sketches of the eminent Men engaged upon it, etc.: prepared under the Direction of Professor *Isaac H Hall*. Hubbard Bros., Publishers U. S. of N. America, 1881. Rev. *Samuel Hemphil*. A History of the Revised Version of the New Testament. London, 1906, с. 144) появилось много особых работ, имеющих иногда большой филологический интерес (например, епископа *J B Lightfoot*'а, A Fresh Revision of the English New Testament, епископа *C J. Ellicott*'а (в комментариях которого на Павловы послания столь много филологического элемента) и других в изданном проф. Philip Schaff'ом сборнике Revision of the English Version of the New Testament New York, 1873; см. и другой сборник того же Phil. Schaff'a, A Companion to the Greek Testament and the English Version, fourth ed. New York, 1896, где есть специальная глава (р. 1–81) о новозаветном языке вообще и об отдельных свящ. писателях в частности). Ср. еще *W. Beck*. Suggested Amendments of the Revised Version of the New Testament, together with Further Marginal Notes, Exeter, 1905 (110 с.).

Prof. L. S Potwin. Here and There in the Greek New Testament. Chicago, New York, Toronto, 1898 (220 с.). Работа грамматического и лексикального характера, см. о ней, например, «Biblical World», XII, 1 (July, 1898), p. 59.

Rev. Prof. *James Hope Moulton*. Notes from the Папури в «The Expositor». 1901, IV. P. 271–282; 1903, II. P. 104–121; XII. P. 423–439. Немало ценных филологически-экзегетических применений к библейскому языку (см. Ad. Deissmann в «Theologische Rundschau», V. 2 (Februar 1902) S. 63). См. с. 107].

[*Его же*. Characteristics of New Testament Greek *ibid.* 1904, I, p. 67–75; III, p. 215–225; IV, p. 310–320; V, p. 359–368; VI, p. 461–472; VIII, p. 124–134; IX, p. 168–174; X, p. 276–283, XI, p. 353–364; XII, p. 440–450]. Тоже много важных (общих и частных) филологических наблюдений и замечаний.]

[*Его же*. Egyptian Rubbish-Heaps and the Study of the New Testament в «The Interpreter», II, 4 (July, 1904), p. 373–382.

Его же. A Grammar of New Testament Greek based on W. F. Moultons edition of G. B. Winer's Grammar, vol. I: Prolegomena Edinburgh, 1906 (XX+274 с.); 2-е изд. with Corrections and Additions *ibid.* 1906 (XX+284 с.). Судя по началу, это будет самая полная (обширная) и едва ли не самая пригодная для богословов грамматика греческого новозаветного языка. См. Ad. Deissmann в «Theologische Literaturzeitung», 1906, 8, Sp. 238–239; 1907, 2, Sp. 38–39, и в «Theologische Rundschau», IX, 6 (Juni 1906), S. 220–221; Rev. H. A. A. Kennedy в «The Expository Times», XVII, 10 (July 1906), p. 450–452. По отзыву Ad. Deissmann'а в «The Expository Times», XVIII, 1 (October 1906), p. 14а это «the brilliant first volume».

Его же, вместе с Rev. George Milligan (ср. с. 97). Lexical Notes from Papyri в «The Expositor», 1908, I, p. 51–60; II, p. 170–185, III, p. 262–277, VII, p. 84–93, VIII, p. 183–192; IX, p. 273–281; X, p. 370–384. См. с. 99

S G Green Handbook to the Grammar of the Greek Testament; with Complete Vocabulary and Examination of Chief New Testament Synonyms London 1905 (элементарный учебник: см. Arnold Meyer в Theologischer Jahresbericht, XXV Bd., III Abt., Leipzig, 1906. S. 24 [232]). Ср. с. 103, 112.

Его же. Lessons in New Testament Greek (a Secondary Course) with Exercises and Reading Lessons. London, 1906 (V–VIII+141 с.), популярно-элементарное школьное пособие.

Edward William Winstanley, Spirit in the New Testament: an Enquiry into the Use of the Word πνεῦμα in all passages, and a Survey of the Evidence concerning the Holy Spirit. Cambridge, 1908.

Prof. *Adolf Harnack*. Zwei Worte Jesu (Matth. 6, 13 = Luk. 11, 4, Matth. 11, 12 f = Luk. 16, 16) в Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften, LIII (1907). S. 942 ff. и по оттыску, S. 1 ff. (о слове πειρασμός = страдание, искушающее к отпадению).

Prof. *Edgar J. Goodspeed* (ср. с. 108). The Syntax of 1 Cor. 7, 18, 27 в «The American Journal of Theology», XII, 2 (April 1908), p. 249–250.

Prof. *A T. Robinson* (ср. с. 99). A Short Grammar of the Greek New Testament. London, 1908.

Prof. Dr. L. Radermacher. Grammatik des neutestamentlichen Griechisch в Handbuch zum Neuen Testament, herausg. von Hans Lietzmann, Band I, 1 (имеет выйти).

Grammatica Graecitatis Novi Testamenti в серии «Cursus Scripturae Sacrae» (имеет выйти)].

[По частным вопросам и об отдельных новозаветных писателях:

Prof. Dr. *Fr. Blass*. Philology of the Gospels. London, 1898 (250 с.).

Dr. theol. und phil. *Theodor Vogel*. Zur Charakteristik des Lukas nach Sprache und Stil; eine (philologische) Laienstudie, 1-е изд. Leipzig, 1897 (с. 49; см. о нем проф. G. Heinrici в «Theologische Literaturzeitung», 1898, 9, Sp. 236–238), 2-е vornehmlich für jüngere Theologen völlig umgearbeitete Auflage *ibid.*, 1899 (с. 70).

E. J. Goodspeed (ср. с. 107 и 118). Two supposed Hebraisms in Mark в «The Biblical World», XIX (1907), p. 311–312 о πεπληρωται ὁ καιρός Mk. I, 15 и συμπόσια συμπόσια и πρᾶσιαι πρᾶσιαι Mk. VI, 39–40.

Prof. Dr. *Adolf Harnack*. Lukas der Arzt — der Verfasser des dritten Evangeliums und der Apostelgeschichte: eine Untersuchung zur Geschichte der Fixierung der urchristlichen Überlieferung (Beiträge zur Einleitung in das Neue Testament, 1. Heft), Leipzig, 1906; здесь на с. 138–152 имеется трактат: «Sprachlich-lexikalische Untersuchung von Luk. I, 39–56. 68 bis 79; 2, 15–20. 41–52».

О языке книги Деяний см. у *И. П. Николина*. Деяния святых Апостолов. Сергиев Посад, 1895. С. 813–814.

Edwin A. Abbott (ср. выше). Johannine Grammar. London, 1906 (XXVII+687 с.); труд весьма важный: см. «The Expository Times», XVII, 6 (March 1906), p. 260–262; «The Interpreter», II, 3 (April, 1906), p. 324–325.

G. P. C. Kaiser. De speciali Joannis grammatica culpa negligentiae liberanda, I–II. Erlangae, 1842, и такие же труды этого автора об Ап. Петре (1843), Матфее (1843), Марке (1846) и Павле (I–II, 1847).

Lic. Theol. *Karl Dick*. Der schriftstellerische Plural bei Paulus. Halle a S., 1900 (170 с.). См. о нем и у *Ford Allen* в «The American Journal of Theology», V, 3 (July, 1906), p. 561–562; *Proff. P. W. Schmiedel* и *Ad. Deissmann* в «Theologische Rundschau», IV, 12 (December 1901), S. 510; и V, 2 (Februar 1902), S. 65; «Христиан. Чтение», 1902, № 7, с. 26–27. Труд — очень почтенный.

B. A. Lasonder. De linguae Paulinae idiomate. Pars I — lexicalis, II — grammaticalis. Utrecht, 1866.

Prof. *C. F. Georg Heinrici* (ср. с. 100). Zum Hellenismus des Paulus в приложении (S. 436–458) к книге: Der zweite Brief an die Korinther в 8-м издании VI части

Критisch-exegetischer Kommentar über das Neue Testament begründet von H. A. W. Meyer. Göttingen, 1900. Этот трактат, направленный собственно против уничижительных суждений проф. Eduard Norden'a (Die antike Kunstprosa, Bd. II, начало), содержит немало и чисто филологических замечаний, см. «Христиан. Чтение», 1902, № 7. С. 32–35.

Prof. D. Johannes Weiss. Beiträge zur Paulinische Rhetorik. Göttingen, 1897 (87 с.), в оттиске из сборника: Theologische Studien... Prof. D. Bernhard Weiss dargebracht (Göttingen, 1897). S. 165–247. См. «Христиан. Чтение», 1902, № 7. С. 31–32.

[Prof. Dr. Friedrich Blass. Textkritisches zu den Korintherbriefen в «Beiträge zur Förderung christlicher Theologie» herausg. von Proff. A. Schlatter und W. Lütgert (Gutersloh, 1906), 1. S. 51–63. Трактат доказывает наличие строфического строения в посланиях к Коринфянам (см. и речь проф. Муретова выше, с. 141).

Ego же. Die rhythmische Komposition des Hebraerbriefes в «Studien und Kritiken», 1902, III. S. 420–461.

Ego же. (Barnabas') Brief an die Hebraer: Text mit Angabe der Rhythmen. Halle a. S., 1903 (53 с.). См. об этом издании Prof. Johannes Draseke в «Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie», XLVI (N. F. XI: 1903), 4, S. 589–592

Ego же. Zur Rhythmik in den neutestamentlichen Briefen в «Studien und Kritiken», 1907, II. S. 304–308.

Ego же. Die Rhythmik der asianischen und römischen Kunstprosa (Paulus — Hebraerbrief — Pausanias — Cicero — Seneca — Curtius — Apuleius). Leipzig, 1905 (IV+221 с.). См. Prof. Johannes Draseke в «Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie», XLIX (N. F. XIX), 1. S. 133–139, и (весьма сурово) Ad. Deissmann в «Theologische Literaturzeitung», 1906, 8. Sp. 231–236, и в «Theologische Rundschau», IX, 6 (Juni 1906), S. 227–229.

Privatdoz. Lic. Hermann Jordan. Rhythmische Kunstprosa im Neuen Testamente? в «Theologisches Literaturblatt», XXVI, 41 (13 Oktober 1905). Sp. 481–487.

Ego же. Gibt es Rhythmik in neutestamentlichen Briefen? в «Studien und Kritiken», 1906, IV. S. 634–642.

Alexander R. Eagar. The Hellenistic Element in the Epistle to the Hebrews в «Hermathena» (Dublin, 1901), 27. P. 263–287; см. «Христиан. Чтение», 1902, № 7, с. 30].

[Вообще, язык писаний Павловых подвергался наиболее тщательному исследованию с давних времен, причем имеется немало обширных старинных работ и по общим, и по частным вопросам (например, Car Lud. Baueri. Logica Paullina, vel Notitia rationis, qua utatur Paullus Apostolus in verbis adhibendis, interpretando, definiendo, enuntiando, argumentando, et methodo inversa; in usum exegeteos et doctrinae sacrae. Halae Magdeburgicae, 1774, 412 с. *Ego же.* Rhetoricae

Paullinae, vel Quid oratorium sit in oratione Paulli. Pars I, inventionem [materiam], vel res oratorie tractatas, complexa, pars II—III, tractationem vel elocutionem [formam] complexa; adpersis passim variis lectionibus codicis inscripti vulgatae. Ibid., 1782, 756+798 с.); однако уже и из древности высказывались весьма различные суждения о характере и достоинствах языка Павлова (см. по сему предмету библиографические и иные указания у *K. A. Credner*. *Einleitung in das N. T.* I, 1. Halle, 1836. S. 296; *Jos. Danko*. *Historia Revelationis Divinae* N. T., Windobonae, 1867. P. 328; *Rud. Cornely*. *Introductio specialis in singulos N. T. libros*. Parisiis, 1886. P. 353, 355; *P. Phylibert Seeböck*. *Sankt Paulus, der Heidenapostel*. Paderborn, 1897. S. 234; *Ed. Norden*. *Die antike Kunstprosa*, II. S. 494. Anm. 2 и др.).]

[Late Rev. *William Henry Symcox*. *The Writers of the New Testament: their Style and Characteristics*. London, 1890 (VI+190 с.).

Проф. *Е. А. Воронцов*. Язык и стиль в послании к Евреям в «Христианском Чтении», 1907, № 1, с. 3–23.

Неизвестного автора The Authorship of the Pastoral Epistles II: The Language and Stile в «The Church Quarterly Review», LXIII, 126 (January, 1907), p. 344–358.

E. S. Dodgson. The Leicarragan Vert. An Analysis of the 703 Verbal Forms in the Gospels according to Matthew. London, 1907.

Проф. *Н. Н. Глубоковский*. Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу, книга II, трактат IV, гл. 1-я и частью 2-я о языке греческом «библейском» вообще и специально об апостоле Павле.]

V. По языку мужей апостольских и апокрифов

Henricus Reinhold. De graecitate patrum apostolicorum librorumque apocryphorum Novi Testamenti quaestiones grammaticae (в издании *Dissertationes philologicae Halenses*, vol. XIV, pars I). Halis saxonium, 1898 (115 с.). [См. «Христиан. Чтение», 1902, № 7, с. 31.]

VI. Словари и конкорданции к Новому Завету и LXX

[Вообще о словарях к LXX-ти и греческому Новому Завету — с перечнем самих трудов — см. у *E. Mangenot* в *Dictionnaire de la Bible* publié par *F. Vigouroux* II (Paris, 1899), col. 1419–1422.]

Prof. *Carolus Ludov. Wilibaldus Grimm*. *Lexicon graeco-latinum in libros Novi Testamenti*. Ed. IV recognita. Lipsiae, 1903 (XII+474 с.). — Это полный лексикон к Новому Завету, с указанием мест Нового Завета, где каждое слово встречается, а также с указанием книг LXX и других писателей, употребляющих сго.

О IV издании этого словаря проф. Н. Н. Глубоковский замечает след.: «Это мнимо 4-е издание до точности совпадает с 3-м (1888 г.) по страницам, колоннам, строкам, знакам и всем типографским особенностям» («Странник», 1904, № 1, с. 203).

[*Jacob. Elsner*. Observationes sacrae in Novi Foederis libros, quibus plura illorum librorum loca ex auctoribus potissimum graecis et antiquitate exponuntur et illustrantur. Tomus I, libros historicos complexus; t. II, epistolas Apostolorum et Apocalypsin complexus. Trajecti ad Rhenum, 1720; 1722 (506+472 c.).]

[*Jo Christoph Wolfii*. Curae philologicae et criticae in SS. Apostolorum Jacobi, Petri, Judae et Joannis epistolas hujusque Apocalypsin; accedunt in calce quaedam ex Photii Amphilochiis adhuc non editis cum interpretatione latina. Hamburgi, 1735 (815 c.).

Ezo же. Curae philologicae et criticae in IV. priores S. Pauli Epistolas quibus integritati contextus graeci consulitur, sensus verborum ex praesidiis exegeticis illustratur, diversae interpretum sententiae enarrantur, et modesto examini subjectae vel approbantur vel repelluntur; accedit, appendicis loco, examen locorum aliquot Paulinorum, a L. M. Artemonio nuper temere et infeliciter sollicitorum. Editio secunda. Hamburgi, 1737 (820 c.).

Ezo же. Curae philologicae et criticae in X. posteriores S. Pauli epistolas... Editio secunda. Hamburgi, 1738 (860 c.).

Joannis Jacobi Wetstenii. Novum Testamentum graecum editionis receptae cum lectionibus variantibus codicum MSS., editionum aliarum, versionum et patrum, nec non commentario pleniore ex scriptoribus veteribus Hebraeis, Graecis et Latinis historiam et vim verborum illustrante. Tomi I-II. Amstelædami, 1751, 1752 (966+920 c.).

Prof. *Gaspari Friderici Munte*. Observationes philologicae in sacros Novi Testamenti libros, ex Diodoro Siculo collectae, una cum indice vocum Diodorearum, quibus lexica locupletari et suppleri possunt. Hafniae et Lipsiae, 1755 (560 c.).

Jo. Tobiae Krebsii. Observationes in Novum Testamentum e Flavio Josepho. Lipsiae, 1755 (414 c.).

Prof. *Georgii Davidis Kypke*. Observationes sacrae in Novi Foederis libros ex auctoribus potissimum graecis et antiquitatibus. Tomus I, quattuor Evangelistas complexus; t. II. Acta Apostolorum. Epistolas et Apocalypsin complexus. Wratislaviae, 1755 (416+464 c.).

Joh. Ernst Imm Walch. Observationes in Matthaeum ex graecis inscriptionibus. Jenae, 1779.

Prof. *D. Friedrich Burchard Köster*. Erläuterungen der heiligen Schrift Alten und Neuen Testaments aus den Klassikern, besonders aus Homer, II. Kiel, 1833 (XXIV+231 с.).

Christ Abrah Wahl. Clavis librorum Veteris testamenti Apocryphorum philologica. Lipsiae, 1853 (VI+509 с.); см. о нем «Христиан. Чтение», 1898, № 9, с. 385].

[Joh. Er. Schleusner. Novum Lexicon graeco-latinum in Novum Testamentum Tom I, 1–2, II, 1–2. Editio quarta. Lipsiae, 1819 (XX+684, 685–1346; 808, 809–1424 с.).— Работа такого же характера и достоинства, что и Novus thesaurus (см. с. 116)].

[D. Joh. Alberti Bengelii. Gnomon Novi Testamenti, in quo ex nativa verborum vi simplicitas, profunditas, concinnitas, salubritas sensuum coelestium indicatur. Editio octava... opera Pauli Steudel. Stuttgartiae, 1887 (XXVIII+1149 с.).— Работа, расположенная по порядку книг и глав новозаветного канона, представляет труд экзегетически-лексический с привлечением и других филологических вопросов.

Prof *Gerhard von Zezschwitz*. Profangraticität und biblische Sprachgeist: eine Vorlesung über die biblische Umbildung hellenischer Begriffe, besonders der psychologischen. Leipzig, 1859 (76 с.).

Ozora Stearns Davis. Vocabulary of New Testament Words classified according to Roots with Statistics of Usage by Authors. Second edition. Hartford (Conn.), 1895 (32 с.). См. «Христиан. Чтение», 1896, вып. IV, с. 198–200.

Archibishop *Richard Chenevix Trench*. Synonyms of the New Testament, 11-е изд., London, 1890 (XXX+405 с.), но есть и 12-е (London, 1901), существует также французский перевод: Synonymes du Nouveau Testament... par Pasteur Clément de Faye, précédée d'une introduction sur l'hellenisme traduite de l'allemand par Pasteur L. Durand. Paris, 1869 (LI+400 с.); по-немецки несколько сокращенно. Synonyma des Neuen Testaments von *R. H Trench*, ausgewählt und übersetzt von Heinrich Werner mit einem Vorwort von Prof. Dr. Ad. Deissmann. Tübingen, 1907 (XVI+247 с.).

Gerhard Heine. Synonymik des Neutestamentlichen Griechisch. Leipzig — R , 1898 (XXIV+222 с.). Довольно элементарный труд: см. J. H. Thayer в «The American Journal of Theologie», IV (1900), 1, p 169–171; Val Weber в Theologischer Litteratur- Bericht при «Der Beweis des Glaubens», 1899, 6, S. 205– 207, Ad. Deissmann в «Theologische Literaturzeitung», 1900, 3, Sp. 74–76, и в «Theologische Rundschau», V, 2 (Februar 1902), S. 69.

Edwin A. Abbott (ср. с. 108). Johannine Vocabulary: a Comparison of the Words of the Fourth Gospel with these of the Three London, 1905 (XVIII+364 с.).

Единственная в своем роде работа по данному предмету, хотя с несколько устаревшими приемами: см Arn. Meyer в «Theologische Rundschau», IX, 10 (Oktober 1906), S. 381–382.

Richter. Über das Verhältnis der Begriffe πιστεύειν und γινώσκειν in dem Evangelium und den Briefen des Johannes в «программе» № 123: Friedrich — Wilhelms — Gymnasium zu Greifenberg in Pommern, XXV (Ostern, 1887). S. 1–13]

[О значении род. пад. в выражении Апостола Павла πιστὶς Ἰησοῦ Χριστοῦ см. у Prof. R. Kittel в «Studien und Kritiken», 1906. S. 419–436, и Dr. Schläger в «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft», VII (1906), 4. S. 356–358].

[Prof. Eberhard Nestle. Ein neues Wort für das Wörterbuch des Neuen Testaments в «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft», VII (1906), 4. S. 361–362, где для загадочного σαινεσθαι в 1 Фес. III, 3 отмечается вариант F. G. σένεσθαι, т. е. σαινεσθαι, а для последнего указываются две параллели из Historia Lausaica cap. 24 и 35 (по изд. Batler'a 1904, p. 7810, 10216), но см. еще у G. Mercati ibid., VIII (1907), 3. S. 242.

E. Nestle. Ibid. VII, 4. S. 362–364: Die Stelle von δευτερονκλητωρ Mt. 20, 28

Ego же. Ein weiteres Wort für das Wörterbuch des Griechischen Neuen Testaments, ibid. IX (1908), 3. S. 252–253 (ο προσέπεσαν из προσέπαισαν у Мф. VIII, 25).

Lic. theol. Adolph Scheffler. Die paulinische Formel «Durch Christus». Tübingen, 1907 (здесь исследование о διὰ с род. пад. у LXX-ти и у апостола Павла).

J. Le Coultre De l'étymologie du mot «chrétien» в «Revue de théologie et de philosophie», XL (1907), p. 188–196.

Prof. H. H. Wendt. Der Gebrauch der Wörter ἀλήθεια, ἀληθής und ἀληθινός im Neuen Testamente в «Studien und Kritiken», 1883, III, S. 511–547, а об ἀληθινός у Ин. см. еще J. H. Moulton в «The Expositor», 1903, XII, p. 425.

Rev. G. F. Hamilton и Rev. Prof. G. G. Findlay. Αληθής and Αληθινός in St. John в «The Expository Times», XVI, 1 (October 1904), p. 42, 42–43 (ср. ibid., XV, 11: August 1904, p. 505b).

Dr. W. K. Hobart. The Medical Language of St. Luke — a Proof from Internal Evidences that «the Gospel according to St. Luke» and «the Acts of the Apostles» were written by the same Person, and that the Writer was a Medical Man. Dublin, 1882 (305 c.); ср. к сему Prof. Theodor Zahn. Einleitung in das Neue Testament II (Leipzig, 1899), S. 435–437 (2-е изд. ibid. 1907, S. 442–443) и Ad. Hamack. Lukas der Arzt — der Verfasser des dritten Evangeliums und der Apostelgeschichte. S. 122–137.

Rev. *Myron Winslow Adams*. St. Paul's Vocabulary. St. Paul as a Former of Words. Two Theses presented to the Hartford Theological Seminary for the Degree of Doctor of Philosophy, Hartford (Conn.), 1895 (55 с.) См. «Христан. Чтение», 1897, № 6, с. 961–965.]

[*Theodor Ngeli*. Der Wortschatz des Apostels Paulus: Beitrag zur sprachgeschichtlichen Erforschung des Neuen Testaments. Göttingen, 1905 (100 с.).— Преувеличенно похвальный отзыв Ad. Deissmann'a см. в «Theologische Literaturzeitung», 1906, 8, S. 228–231, и в «Theologische Rundschau», IX, 6 (Juni 1906), S. 225–226; ср. также Rev. Prof. W. Lock в «The Journal of Theological Studies», VII, 26 (January, 1906), p. 297–299 и Valentin Weber в «Theologische Revue», 1906, 1, Sp. 8–9.]

[*W G Griffith Thomas*. Apostolic Arithmetic: a Pauline Word-Study в «The Expository Times», XVII, 5 (February 1906), p. 211–214 о λογίζομαι у апостола Павла.

Rev. *J. Ritchie Smith*. The Vocabulary of the New Testament в «The Presbyterian and Reformed Church Review», II, 8 (October 1891), p. 647–658.

Dr. *Heinrich Lewy*. Die semitischen Fremdwörter im Griechischen. Berlin, 1895 (266 с.).

Rev. *H A. A. Kennedy*. Sources of the New Testament, or, the Influence of the Septuagint on the Vocabulary of the New Testament. Edinburgh, 1895 (X+169 с.). См. «Христиан. Чтение», 1898, № 9, с. 385–386.

Edwin Hatch. Essays in Biblical Greek. Oxford, 1889 (X+293). – Здесь рассматриваются общие вопросы о библейском греческом языке (тракт. I) и разъясняются (тракт. II) многие термины (особенно у LXX-ти). См. дополнения и поправки Prof. Dr. F. J. A. Hort'a в «The Expositor», 1897, II, 81–96; III, 178–184.

Prof. *T K Abbott*. Essays chiefly on the Original Texts of the Old und New Testament London, 1891 (227 с.) — Здесь заслуживают внимания трактаты о новозаветной лексикографии (с. 65–109), о том, имеет ли ποιεῖν в Новом Завете «жертвенное» значение (с. 110–128),— до какой степени был распространен греческий язык в Галилее при Христе (с. 129–182)

Rev. *J Armitage Robinson*. Πόρωσις and πῆρωσις в «The Journal of Theological Studies», III, 9 (October, 1901), p. 81–93.

Late Rev. *F J A Hort* and Rev. *J. O F Murray*. Εὐχαριστία, εὐχαρίσκειν ibid, III, 12 (July, 1902), p. 594–597; 597–598.

Rev. *J.B. Mayor*. Φθινοπωρινός (у Иуд. 12) в «The Expositor», 1904, II, p. 98–104.

Rev. J. R. Madan Ἀστία of St. Paul's Voyage (к Деян. XXVII, 21) в «The Journal of Theological Studien», VI, 24 (October, 1904), p. 116–121.

Ο θρησκεία Иак. I, 26–27 см. Rev. Chas Taylor в «The Expository Times», XVI, 7 (April 1905), p. 334; ο συνοφαντέω Rev George Henslow ibid, XIX, 12 (September 1908), p. 566.

Rev. W Okes Parish. Ἐκεῖνος and Αὐτός ibid., XVII, 3 (December 1905), p. 144.

John Ross. Ἐκεῖνος ibid., XVII, 6 (March 1906), p. 287.

Об οὗτος ibid., XIX, 9 (June 1908), p. 393a (Prof H B. Swete) и XIX, 11 (August 1908), p. 523b (Rev. H W. Fulford)]

[Сюда же можно отнести работу Prof. D. A Schlatter'a. Verkanntes Griechisch в «Beiträge zur Förderung christlicher Theologie», IV (Gütersloh, 1900), 4, S. 49–84, где в словарном порядке дается обозрение греческих слов, содержащихся в иудейской литературе, при сравнении с новозаветным лексиконом; ср. «Христиан. Чтение», 1902, № 7, с. 25–26].

[Prof. D. Karl Tieme. Die christliche Demut; eine historische Untersuchung zur theologischen Ethik. 1. Hälfte. Wortgeschichte und die Demut bei Jesus (Giessen, 1906), S. 14–43 о терминах ταπεινοφροσύνη, ταπείνωσις, ταπεινός, πρᾶτης и πρᾶς.

Th Haarbeck (ср. с. 103) Griechische Formenlehre sammt der Lehre von den Präpositionen zum N. T. nebst Beispielen zum Übersetzen und einem alphabetischen Wortverzeichnis, 3 Aufl. (VIII+160 с.). Basel, 1906.

T A Lacey. The Christian Idea of Grace в «The Church Quarterly Review», LXV, 129 (October 1907), p. 74 sqq.

U Holzmeister. S. J., 2 Cor. 17: Dominus autem Spiritus, eine exegetische Untersuchung mit einer Übersicht über die Geschichte der Erklärung dieser Stelle (Innsbruck, 1908) для ὁ κύριος и πνεῦμα с артиклем и без артикля.

Axel Andersen. Zu der κύριος-Stelle в «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft», IX (1908), 2, S. 164–166.

A. Bischoff. Exegetische Randbemerkungen ibid., IX (1908), 2, S. 166–172.

Ludwig Kohler. Νεοψυχρον. ibid., IX (1908), 2, S. 173–174.]

Prof. Joseph Henry Thayer. A Greek-English Lexicon of the New Testament being Grimm's Wilke's Clavis Novi Testamenti translated, revised and enlarged. Corrected edition. New York, 1896 (XIX+727 с. 40). Это — пока лучший, по мнению Дейсмана, словарь к Новому Завету. Он представляет собой переработку на английском языке вышеупомянутого (с. 110) греко-латинского словаря Гримма, который, благодаря обширным дополнениям американского богослова, увеличился в объеме более, чем втрое (plus triplo auxit, говорит о

нем Гримм в предисловии к 3-му изданию своего словаря); однако сам Гримм не счел нужным включить эти дополнения в новое издание своего словаря. Лексикон Thayer'a издавался несколько раз, но, по-видимому, издание 1896 г. почти тождественно изданию 1889 г., а это, в свою очередь,— изданию 1885 г.

Prof. *Hermann Cremer*. Biblisch-theologisches Wörterbuch der Neutestamentlichen Gräcität. 9 vermehrte und verbesserte Auflage. Gotha, 1902 (XX+1120 с.).— Этот словарь [имеющийся и в английском переводе, Edinburgh, 1872, 1880, 1892] отличается от предыдущих по своей задаче: веря в «словообразовательную силу христианства», Кремер включил в свой лексикон только те слова, «которые должны были быть затронуты влиянием христианства — выражения духовной, нравственной и религиозной жизни или все те выражения, которые были взяты специально на службу новому воззрению на Бога и мир»,— те выражения, которые «имеют библейско-богословское содержание». Для этой цели недостаточно, по мнению автора, доказать простыми цитатами, употребляется ли и в какой мере употребляется то или другое слово у светских писателей: он считает необходимым определить сферу понятия слова во внебиблейском употреблении и показать отличие или родство библейского представления и связующий пункт между светским и библейским понятием слова. А так как новозаветные понятия по большей части покоятся на ветхозаветном основании и способ выражения новозаветных писателей в значительной степени зависит от способа выражения LXX, то Кремер исследует также и нужные для его цели слова Ветхого Завета, так что его лексикон для большей части вошедших в него слов является вместе с тем и наиболее обстоятельным словарем к LXX. Кремер обращает внимание также на синонимику [почему у него материал располагается не по алфавиту собственно, а по синонимическим понятиям и по коренным словам, но в конце дан алфавитный указатель]. Благодаря указанным целям словарь Кремера есть в значительной степени исторический словарь, в котором излагается история слов и понятий. Для богослова это — книга первостепенной важности [но с протестантско-конфессиональной окраской]. Словарь выдержал уже 9 изданий и с каждым новым изданием все дополнялся и исправлялся.

Prof. *J. M. Baljon*. Grieksch-theologisch Woordenboek hoofdzakelijk van de oud Christelijke letterkunde. [Этот словарь вышел в двух частях в Utrecht в 1895 и 1899 гг., но теперь почти весь распродан, почему готовится 2-е издание]. Так как этот труд на голландском языке, то может быть доступен лишь немногим из русских богословов. «Он содержит или, во всяком случае, желает обнять весь запас слов LXX-и и других переводчиков ветхозаветного текста, Нового Завета и вообще древне-христианской литературы» (см. «Христиан. Чтение», 1898, № 9 С. 386).

Dr. *Joh. Fr. Schleusner* Novus thesaurus philologico-criticus sive Lexicon in LXX et reliquos interpretes graecos ac Scriptores apocryphos Veteris Testamenti. Partes I–V. Lipsiae, 1820–1821 (X+594, 596, 594, 562, 650 с.) — Это, по словам проф. И. Н. Корсунского (Перевод LXX, с 15), труд, «доселе не имеющий для себя достойного преемника, капитальный, хотя и нуждающийся во многих поправках, особенно в настоящее время» Неблагоприятный и, по мнению проф. Н. Н. Глубоковского, не совсем справедливый отзыв об этом словаре дает Дейсман: см. «Христан Чтение», 1898, № 9, с. 385.

[См еще: Prof Dr. *S. Ch. Schirlitz*. Griechisch-deutsches Wörterbuch zum Neuen Testament, 5-е изд. Giessen, 1893 (V+458 с.). *Berthold Kuhne*. Neutestamentliches Wörterbuch: ein kurzgefasstes Nachschlagebuch. Gotha, 1896 (56 с.); 3-е издание Gotha, 1907. *F. W. Stellhorn*. Kurzgefasstes Wörterbuch zum griechischen Neuen Testament. Leipzig, 1886 (VI+153 с.; ср о нем у Prof F. Z i m m e r в «Theologische Literaturzeitung», 1894, 12, Sp. 313–316); есть 2-е издание *ibid.*, 1905 (VII+158 с.). *S. Th. Bloomfield*. A Greek and English Lexicon of New Testament, edit. revis. by E. Robinson 1829, New York, 1836 и новое изд 1850. *E. W. Bullinger* Critical Lexicon and Concordance to the English and Greek New Testament. London, 1877. *W. J. Hickie*. Greek-English Lexicon to the New Testament. London, 1893 (214 с.). A Greek-English Lexicon to the New Testament: a new edition with Additions and Alterations revised by the Rev. *Thomas Sheldon Green*. Boston (см. ниже, с. 117). *Greenfield*. Polymicrian Greek Lexicon London. The Analytic Greek Lexicon to the New Testament. London *Bass*. Lexicon to the Greek Testament. *S. G. Green*. A complete Vocabulary of the Greek Testament, with a Collection of Chief New Testament Synonyms. London, 1905 (166 с., а вместе с грамматикой см. выше, с. 103).

D Dr *Erwin Preuschen*. Vollständiges Griechisch-deutsches Handwörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der urchristlichen Litteratur Giessen (Alfred Töpelmann), 1908–1909. Этот лексикон, где для встречающихся у LXX-ти слов приводятся и еврейские эквиваленты, ставит и осуществляет такие задачи: 1) возможная полнота для всей совокупности значений, исключая в большинстве случаев обращение к конкорданциям; 2) расширение лексического материала включением неканонической и апокрифической письменности и мужей апостольских; 3) наиудобнейшее расположение значений; 4) краткость выражений; 5) устранение всех примеров из светской литературы и из позднейших церковных писателей, так как это есть дело Thesaurus'а вульгарного греческого языка].

[Prof. Dr. *G. Adolf Deissmann* изготавляет греческий новозаветный лексикон на основании новейших материалов и современных научных методов,

а в Кембриджском университете предпринимается издание греческого патристического лексикона до 500 г. и даже до св. Иоанна Дамаскина (750 г.) включительно: см. «The Expository Times», XVIII, 12 (September 1907). P. 568a; XX, 1 (October 1908). P. 33b.

[*Robert Young*. Concordance to the Greek New Testament, exhibiting every Root and Derivative, with their several Prefixes and Terminations, in all their Occurrences With the Hebrew Originals of which they are Renderings in the LXX. Together with a Concordance and Dictionary of Bible Words and Synonyms (being a Condensation of the New Testament part of the Analytic Concordance); also a Concise Concordance to Eight Thousand Changes of the Revised Testament Edinburgh, 1884 (IV+108+67+11 c.).

A Critical Greek und English Concordance of the New Testament, prepared by *Charles F Hudson* under the Direction of *Horace L. Hastings*, revised and completed by Prof. *Ezra Abbot*. Eighth edition, to which is added *Green's* Greek and English Lexicon (c. 116). Boston, 1891 (XXII+508+208 c.).

Вообще же о конкорданциях к LXX-ти см *H A Redpath* в «The Expositor», 1896, I, p. 69–77, и *E. Mangenot* в Dictionnaire de la Bible publié par F. Vigouroux II, col. 892 сл.]

C.H Bruder. Ταμειον τῶν τῆς καινῆς διαθήκης λέξεων sive Concordantiae omnium vocum Novi Testamenti graeci. Ed. Stereotypa sexta e quarta repetita, lectionibus Tregellesii atque Westcottii et Hortii locupletata. 2 тома, Gottingae (LII+885 c.).

[Prof. *Friedrich Zimmer*. Concordantiae supplementariae omnium vocum Novi Testamenti graeci. Gothae, 1882].

[Rev. *W.F Moulton* and Rev. *A.S. Geden*. A Concordance to the Greek Testament according to the Texts of Westcott and Hort, Tischendorf and the English Revisers. Edinburgh, 1897 (XII+1037 c.). Это — наилучшая конкорданция к греческому Новому Завету, но главный ее недостаток в том, что она отмечает чтения только «критических» изданий и опускает всякие иные варианты, например, даже *textus recepti*: см. «Христиан. Чтение», 1898, № 9. С. 391, прим. 59.]

Edwin Hatch [скончался в Оксфорде 11 ноября 1889; см. «Христиан. Чтение», 1898, № 9, с. 383, прим. 29] and *Henry A. Redpath* [скончался в Лондоне в начале октября 1908 г.] A Concordance to the Septuagint and the other Greek Versions of the Old Testament (including the Apocryphal Books), vol. I–II. Oxford, 1897.— В этой конкорданции, как видно и по заглавию, принимается во внимание текст не только перевода LXX, но и других переводчиков (Акилы, Симмаха и иных, равно как и неканонических и «апокрифических» книг Ветхого Завета. «Не чуждая недостатков, как дело рук человеческих, она, в общем,

достоверна,— говорит о ней Дейсман,— но в ней главный шаг вперед — это обращение внимания на столь важные для языка частицы». «Заслуживает благодарности также и приведение главных разночтений рукописей». «Весь труд отпечатан с обычными англичанам исправностью и изяществом и останется единственным в своем роде на целые десятки и, пожалуй, сотни лет». См. «Христиан. Чтение», 1898, № 9, с. 383–384. [Вышедший позднее дополнительный том (162 с.) содержит конкорданцию собственных имен. (Обо всем издании см. у Prof. Ad. Deissmann. *The Philology of the Greek Bible*. P. 69–78, и в «*The Expositor*», 1907, XII. P. 506–509). Нужно прибавить, что авторы этого классического труда пользовались существовавшими тогда критическими изданиями LXX-ти, а после того начало выходить новое издание: *The Old Testament in Greek according to the Text of Codex Vaticanus, supplemented from other Uncial Manuscripts, with a Critical Apparatus containing the Variants of the Chief Ancient Authorities from the Text of the Septuagint* (со включением важнейших минускульных манускриптов) edited by *Alan England Brooke* and *Norman McLean*. Vol. I, part 1: *Genesis* (Cambridge, 1906, VIII+155 с.)].

[См. еще небезразличные для библейской филологии: 1) (*W. Claverney*) *Index of Noteworthy Words and Phrases found in the Clementine Writings commonly called The Homilies of Clement*. London, 1893 (VI+105с.); 2) *Edgar J. Goodspeed* (ср. с. 107). *Index patristicus sive Clavis patrum apostolicorum operum* ex edit. min. Gebhardt — Harnack — Zahn lectionibus editionum minorum Funk et Lightfoot admissis. Leipzig, 1907 (VIII+262 с.).]⁶⁴

⁶⁴ При составлении этого очерка мы, делая заимствования из сочинений русских и иностранных, нередко не отмечали их кавычками, отчасти не желая отвлекать внимание читателя, отчасти же потому, что в цитатах мы часто делали изменения, так что пришлось бы иногда отмечать кавычками отдельные слова во фразе.

(Примечания, добавления и вставки, вносившиеся в рукопись ради библиографической полноты одновременно и потому по необходимости не всегда систематично, которые отмечены *Н. Н. Г.* или просто включены в [], принадлежат редактору «Православной Богословской Энциклопедии» проф. *Н. Н. Глубоковскому*.)

Избранные труды С.И. Соболевского

I. Монографии

1. De praepositionum usu Aristophaneo. Mosquae, 1890.
2. Syntaxis Aristophaneae capita selecta. De sententiarum condicionalium temporalium relativarum formis et usu. Mosquae, 1891.
3. Аристофан и его время. М., 1957, переиздана в 2001.
4. Грамматика латинского языка. Часть первая (теоретическая). Морфология и синтаксис. 3-е изд. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948; 1950. (Репринтн. изд. СПб.: Летний сад, 1998; М.: Лань, 2003).
5. Грамматика латинского языка. Часть вторая (практическая). Синтаксис. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1947. (Репринтн. изд.: М.: Лань, 2003).
6. Древнегреческий язык: Учебник для высших учебных заведений. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. (Репринтн. изд.: СПб.: Летний сад, 1999; М.: Лань, 2002).
7. Учебник латинского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. (Репринтн. изд.. М.: Лань, 2004).
8. Хрестоматия для переводов с латинского языка на русский. Ч. 1. М., 1938. Ч. 2. М., 1947.
9. Exempla codicum Graecorum. Альбом греческих рукописей в двух частях. Совместно с Г.Ф. Церетели, 1901 и 1913.

II. Переводы и комментарии

10. Басни Эзопа. Перевод С.И. Соболевского. В книге В.О. Ниландера «Греческая литература», М., 1939.
11. Гай Юлий Цезарь. Записки о войне с галлами Кн. I–IV Введенис и комментарии С.И. Соболевского. М , 1946–1947.

12. Ксенофонт. Сократические сочинения. М., 1935.
13. Лисий. Речи. М.: Academia, 1933.
14. Панегирик Исократа. Перевод С.И. Соболевского. В книге В.О. Нилендера «Греческая литература». М., 1939.
15. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В трех томах. Том 1.— Подготовка издания и перевод отдельных частей, М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
16. Публий Теренций. Адельфы: Комедия / Введ., коммент. С.И. Соболевского; Отв. ред. Ф.А. Петровский; С прил. пер. А.В. Артюшкова. М., 1954.
17. Эпикур. Перевод и примечания С.И. Соболевского. В книге «Лукреций. О природе вещей», изд. Академии наук СССР, 1947.

III. Статьи

18. Заметки по греческой грамматике: Филологическое обозрение, т. VIII, 1895, стр. 75–82, 153–159 (*Coniunctivus praesentis* и *aoristi* в предложениях условных, временных и относительных; *Imperfectum* в ирреальной форме условного периода; Относительные местоимения и наречия в косвенном вопросе; Подлежащее при инфинитиве; *Πρότος* и *πρώτος*); Филологическое обозрение, Т. X, 1896, стр. 233–235. (*Προς* с вин. п. в значении «вверх по»; Особый случай употребления *ὥς* при *participium causale*).
19. Заметки о греческом произношении на основании наблюдений над строением стиха в комедиях Аристофана и в трагедиях. Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
20. История двойственного числа в древнегреческом языке преимущественно по комедиям Аристофана, Вопросы грамматики.— М.—Л., 1960, стр. 401–408.
21. К учению о члене в греческом языке. О пропуске члена при *πόλυσ* и в некоторых других случаях.— М., Филологическое обозрение, т. X, 1896, стр. 103–118.
22. Конструкция *φάναι* с *ὅτι* или *ὥς*.— М., Филологическое обозрение, т. XI, 1896, стр. 81–85.
23. Конструкция глагола *μέλλειν* у аттических ораторов. — М., Филологическое обозрение, т. XVII, 1899, стр. 213–256.
24. Конструкция союза «*cum*» — М., Филологическое обозрение, т. III, 1893, стр. 42–56; 139–149.
25. Отношение классической филологии к богословию, Богословский вестник, М., 1910, т. 3, № 11, стр. 370–371.

26. Песня *Gaudeamus igitur* и ее история, Журнал Министерства народного просвещения, 1905, № 12, отд. V, стр. 539–580.

27. Сократ и Аристофан. Ученые записки Московского городского педагогического института им. Потемкина. Том VI, 1947.

28. Союз Эгесты с Афинами и Фукидид. Журнал Министерства народного просвещения, № 6, 1905, стр. 267–273.

29. Суд над Христом и распятие Его с точки зрения истории и археологии.— Петербург, «Странник», № 3, 1906, стр. 411 и след.

30. Транскрипция наименования Διογένης Λαέρτιος – Diogenes Laertius, «Вестник древней истории», № 2, 1948, стр. 204.

31. Употребление члена при ἄστυ и ἀκρόπολις.— М., Филологическое обозрение, т. XI, 1896, стр. 193.

Греческий язык Нового Завета. Библиография ⁶⁵

1. Грилихес Л. Археология текста: Сравн. анализ Евангелий от Матфея и от Марка. М., 1999.
2. Грилихес Л. Гебраизмы в Евангелии от Матфея: К вопр. об оригинальном языке первого канонич. Евангелия // БВ. 2004. № 4. С. 106–122.
3. Звонская-Денисюк Л.Л. Греческий язык Нового Завета. Фонетика. Морфология. Синтаксис. СПб., 2002.
4. Карминьяк Ж. Рождение синоптических Евангелий / Пер. с франц.: Н. М. Соболева. М., 2005.
5. Маунс Уильям Д. Основы библейского греческого языка. Базовый курс грамматики / Пер. с англ.— СПб.. «Библия для всех», 2011.
6. Славятинская М.Н. Древнегреческий язык как функциональная система (некоторые проблемы описания греческой языковой ситуации). Живое наследие античности. Вопросы классической филологии.— Вып. IX.— М., 1987.
7. Abel F.-M., Grammaire du grec biblique, Paris, Gabalda, 1927.
8. Arndt W., Danker F.W., Bauer W., A Greek-English lexicon of the New Testament and other early Christian literature, Chicago, University of Chicago Press, 2000.
9. Bauer W. Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des NT und ubrigen urchristlichen Literatur. B., 1963;
10. Black D. A. New Testament Semitisms // The Bible Translator. L., 1988. Vol. 39. № 2. P. 215–223.
11. Blass F., Debrunner A., Funk R.W., A Greek-Grammar of the New Testament and Other Early Christian Literature, Cambridge University Press, 1961.

⁶⁵ Труды, относящиеся к периоду после публикации предлагаемой в этом издании статьи С И Соболевского в 1908 году — *Прим ред -сост*

12. Cotterell P., Turner M. *Linguistics and Biblical Interpretation*. L., 1989, *Greek-English Lexicon of the NT: Based on Semantic Domains* / Ed. J. P.
13. Cotterell, Peter and Max Turner. *Linguistics and Biblical Interpretation*. Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 1989.
14. Curry V. B. *The Nature and Use of the ὅτι-Clause in the New Testament*: Diss. / Southern Baptist Theol. Seminary. Louisville, 1949.
15. Deissmann, Adolf. «Hellenistic Greek with Special Consideration of the Greek Bible». In *The Language of the New Testament: Classic Essays*. JSNT supp. series # 60. Edited by Stanley E. Porter, 39–59. Sheffield: JSOT Press, 1991.
16. Durie, D. *Greek Grammar: A Concise Grammar of New Testament Greek*. Canberra, Australia: privately printed, 1981.
17. Elliott, Wm. E. «Conditional Sentences in the Greek New Testament». Th.D. diss., Grace Theological Seminary, 1981.
18. Fanning, Buist. *Verbal Aspect in New Testament Greek*. Oxford: Clarendon Press, 1990.
19. Fitzmyer J.A. *A Wandering Aramean: Coll. Aramaic Essays*. Missoula (Mont.), 1979.
20. Friberg, Timothy. «New Testament Greek Word Order in Light of Discourse Considerations». Ph.D. diss., University of Minnesota, 1982
21. Gingrich F. W. *The Greek New Testament as a Landmark in the Course of Semantic Change* // JBL. 1954. Vol. 73. P. 189–196.
22. Hill D. *Greek Words and Hebrew Meanings: Studies in the Semantics of Soteriological Terms*. Camb., 1967.
23. Horsley, G. H. R. «The Linguistic and Historical Context of the Greek of the NT: The Evidence of Contemporary Documents». Ph.D. diss., Macquarrie Univ., Australia, 1985.
24. Louw J.P., *Semantics of New Testament Greek*, Society of Biblical Literature, 1982.
25. Lund N. W. *Chiasmus in the New Testament*. Chapel Hill, 1942.
26. McKay K. L. *A New Syntax of the Verb in New Testament Greek: An Aspectual Approach*. *Studies in Biblical Greek*, 5. New York: Peter Lang, 1994.
27. Morgenthaler R. *Statistik des neutestamentlichen Wortschatzes*. Zurich, 1958.
28. Moule C. F. D. *An Idiom Book of New Testament Greek*. Camb., 1963.
29. Moulton J. H., Milligan G. *The Vocabulary of the Greek Testament. Illustrated from the Papyri and Other Non-Literary Sources*. L., 1930.
30. Mussies, Gerald. «Greek as the Vehicle of Early Christianity». *New Testament Studies* 29 (1983): 356–69.
31. Palmer, Micheal. *Levels of Constituent Structure in New Testament Greek*. New York: Peter Lang, 1995.

32. Porter S. E. *Dialect and Register in the Greek of the New Testament: Theory // Rethinking Contexts, Rereading Texts: Contributions from the Social Sciences to Biblical Interpretation* / Ed. M. D. Carroll. Sheffield, 2000 P. 190-208.

33. Porter, Stanley E. and D. A. Carson. *Biblical Greek Language and Linguistics: Open Questions in Current Research*. Sheffield JSOT Press, 1993.

34. Porter, Stanley E. *The Language of the New Testament: Classic Essays*. JSNT supp. series # 60. Sheffield: JSOT Press, 1991.

35. Porter, Stanley E. *Verbal Aspect in the Greek of the New Testament with Reference to Tense and Mood* New York: Peter Lang, 1989.

36. Robertson A. T. *A Grammar of the Greek New Testament in the Light of Historical Research*. N. Y., 1914.

37. Schmidt, Daryl. «The Study of Hellenistic Greek in the Light of Contemporary Linguistics». In *Perspectives on the New Testament: Essays in Honor of Frank Stagg*. Edited by Charles H. Talbert. Macon: Mercer Univ. Press, 1985.

38. Schmoller A., *Handkonkordanz zum griechischen Neuen Testament*. 8. Aufl. Stuttgart, 1990.

39. Simpson E. K. *Words Worth Weighing in the Greek New Testament*. L., 1946

40. Thrall M. E. *Greek Particles in the New Testament*. Leyden, 1962.

41. Voelz J. W. *The Language of the New Testament* // ANRW R. 2. B., 1984. Bd. 25. Teilbd. 2. S. 893–977.

42. Voelz, J. W. «The Use of the Present and Aorist Imperatives and Prohibitions in the New Testament». Ph.D. diss., Univ. of Cambridge, 1977.

43. Wong, H. «The Nature of the Greek of the New Testament: Its Past and Present». *Scriptura* (Stellenbosch) 32 (1990): 1–27.

44. Zerwick M. *Graecitas biblica: New Testament exemplis illustratur*. R., 1966

45. Zerwick M., Grosvenor M., *A Grammatical Analysis of the Greek New Testament*, Rome, Biblical Institute Press, 1974.

Содержание

От редактора	3
Глава I. Κοινή	9
Происхождение κοινή	9
Определение κοινή	14
Сущность κοινή	15
Борьба κοινή с древними диалектами	17
Степень эллинизации разных стран	19
Местные особенности в κοινή	20
Источники сведений о κοινή	22
Литературная κοινή	24
Аттицизм и аттицисты	25
Эллинистический язык	27
Глава II. Библейский язык	29
Мнения о языке Священного Писания	29
а) Мнения древних	29
б) Мнения новых о библейском языке	33
Современная гебраистическая теория	39
Догматическая теория	41
Критика гебраистической теории	42
Критика догматической теории	56
Теория проф. Адольфа Дейсмана	57
Дополнение проф. Альберта Тумба к теории Ад. Дейсмана	60
Говоры в библейском языке	61
Общие выводы	61
Глава III. Особенности библейского языка сравнительно с аттическим	63
I. «Общий греческий язык»	64
A. Особенности лексические	64

Б. Особенности грамматические.....	74
II. Ипородные элементы в библейском языке	97
III. Еврейский и арамейский элемент.....	100
А. Лексические гебраизмы	100
Б. Грамматические гебраизмы:.....	103
IV. Христианский элемент в Новом Завете	104
V. Разница в языке библейских писателей	111
VI. Проблемы	124
Глава IV. Язык христианской Церкви после Апостолов.....	128
Глава V. Необходимость изучения греческого языка для богословов.	133
Глава VI. Литература	135
I. По истории $\kappa\omicron\iota\nu\eta$	141
II. По грамматике $\kappa\omicron\iota\nu\eta$	142
III. По грамматике и лексикографии аттикизма.....	143
IV. По языку Библии	143
V. По языку мужей апостольских и апокрифов.....	157
VI. Словари и конкорданции к Новому Завету и LXX... ..	157
Избранные труды С.И. Соболевского.....	167
I. Монографии.....	167
II. Переводы и комментарии	167
III. Статьи.....	168
Греческий язык Нового Завета. Библиография	170

С.И. СОБОЛЕВСКИЙ

Греческий язык библейских текстов Κοινή

Редактор-составитель *Инна Шефф*
Оформление обложки *Ольги Алисовой*
Технический редактор *Мария Борисова*
Корректор *Ольга Подобедова*
Верстка *Ольги Блювас*

Подписано в печать 01.02.2013. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Гарнитура «Petersburg»
Печать офсетная. Объем 11 печ. л.
Тираж 5 000 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Карт Регион»

Сергей Иванович Соболевский — крупнейший знаток древнегреческого и латинского языков и едва ли не главный авторитет в области их грамматики. В данном издании мы предлагаем читателю его публикацию о языке Нового Завета. Наряду с работами Н.Н. Глубоковского и А.И. Лопухина, статья «Κοινὴ. “Общий” греческий язык (по связи с библейским)» стала основным трудом по языку Священного Писания в до-революционной России, по праву считаясь одной из основополагающих работ по данному вопросу в наши дни.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО ПОДВОРЬЯ
СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГНЕВОЙ ЛАВРЫ**

